Коропчевский Д.
Введение в полит. географию.
М., 1901 г.

Учительская библіотека.

ВВЕДЕНІЕ
въ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФІЮ.

Д. А. Коропчевскаго.

изданіе
Редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“
(Москва, Б. Молчановка, д. 24).

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева К°, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 24 марта 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Только въ недавнее время, а именно въ послѣдней четверти только закончившагося столѣтія, къ отдѣльнымъ отраслямъ науки о землѣ, или географіи, прибавилась новая отрасль, которую можно назвать „географіей человѣка". Правда, географія и прежде говорила о человѣческомъ населеніи земли, раздѣляя его на расы и народы, приводя число жителей въ каждомъ государствѣ и въ каждомъ изъ его подраздѣленій и главныхъ городовъ и описывая государственный, общественный и промышленный строй народовъ. Но, внося въ свои рамки эти этнографическія и статистическія свѣдѣнія, географія, въ сущности, только дѣлала позаимствованія изъ названныхъ областей знаній. Было время, когда эти свѣдѣнія составляли даже главное содержаніе географіи, которая состояла тогда изъ обширнаго „политическаго" отдѣла и краткаго „физико-географическаго" введенія. Такъ было въ особенности въ первой половинѣ недавно истекшаго вѣка. Со второй половины его, благодаря трудамъ двухъ великихъ географовъ, Александра Гумбольдта и Карла Риттера, физическое изученіе земли заняло свое настоящее мѣсто. Географія включила въ свою область отношенія земли, какъ небеснаго тѣла, къ солнцу, изученіе ея геологическаго состава, нынѣ существующихъ формъ ея поверхности въ зависимости отъ геологическихъ силъ, создающихъ на этой поверхности всевозможныя выпуклости и впадины, взаимныя отношенія суши и моря, изслѣдованія глубинъ и формъ дна океана, теченій и явленій воздушнаго океана или атмосферы, вліяющихъ на жизнь земли въ видѣ нагрѣванія ея солнцемъ, передвиженія воздуха или вѣтровъ, и осажденія влаги (дождя, снѣга, росы и т. п.). Все это составляетъ содержаніе физическаго земле-

вѣдѣнія, которое должно быть положено въ основу научнаго изученія земли. Но уже одинъ изъ первыхъ основателей научной географіи, Гумбольдтъ, ввелъ въ область этой науки изученіе растительнаго покрова земли, т.-е. совокупности различныхъ древесныхъ, кустарныхъ и травянистыхъ растеній, скопленій извѣстныхъ видовъ или породъ ихъ, образующихъ лѣса, степи, пустыни, болота, тундры и пр. Впослѣдствіи ботаники, воспользовавшись основной мыслью Гумбольдта, прослѣдили границы наиболѣе важныхъ растеній, въ родѣ хлѣбныхъ, пальмъ, лиственныхъ или хвойныхъ деревьевъ, и раздѣлили земную поверхность на растительныя области, опредѣливъ для каждой изъ нихъ наиболѣе типичныя или отличительныя растенія. Такимъ же распредѣленіемъ животныхъ занялись и зоологи, которые установили зоогеографическія области, населенныя извѣстными животными. Не ограничиваясь проведеніемъ этихъ границъ, они старались разъяснить, почему онѣ образовались, и какую связь имѣютъ нынѣ существующія животныя съ своими предшественниками прошлыхъ временъ, и въ какой зависимости они находятся отъ физико-географическихъ условій—высоты мѣста надъ уровнемъ моря, его климата, почвы и т. д.

Между тѣмъ, какъ географія растеній и географія животныхъ трудились надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ и надъ раздѣленіемъ земли на ботаническія и зоологическія области, въ общемъ землевѣдѣніи все еще оставался непополненнымъ важный пробѣлъ: въ немъ еще не было отдѣла, который можно было бы назвать „географіей человѣка“ или антропогеографіей. Этнографическихъ свѣдѣній, какимъ оно пользовалось, было недостаточно для рѣшенія вопросовъ,—почему люди темнаго цвѣта живутъ въ одной части земнаго шара, а люди свѣтлаго цвѣта въ другой? почему въ однѣхъ мѣстностяхъ люди выше ростомъ, а въ другихъ ниже? почему въ однѣхъ странахъ они населены плотнѣе, а въ другихъ рѣже и т. д. Хотя этихъ вопросовъ уже съ давнихъ временъ касались и физіологія, и исторія, и политическая экономія и др. науки, но онѣ могли касаться ихъ только поверхностно, не вдаваясь въ глубину, потому что въ этой глубинѣ онѣ наталкивались на задачи, относившіяся уже къ другой наукѣ, къ географіи. На самомъ дѣлѣ, вліяніе мѣстности, гористой или равнинной, возвышенной или низменной, вліяніе почвы, плодородной ли безплодной, вліяніе климата, холоднаго или теплаго, суроваго

или мягкаго, растительнаго и животнаго міра, богатаго или бѣднаго,—всѣ эти вліянія природы, такъ или иначе отражавшіяся на жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, принадлежатъ къ области явленій, изучаемыхъ географіей. Человѣкъ отличается отъ другихъ живыхъ существъ своей неподвижностью, стремленіемъ расширять мѣсто своего обитанія или мѣнять его ради лучшихъ жизненныхъ условій, и въ то же время способностью уживаться въ самыхъ различныхъ климатахъ. Едва ли мы найдемъ хоть одинъ народъ, который съ незапамятныхъ временъ жилъ бы на одномъ и томъ же мѣстѣ и не хранилъ воспоминанія о другой странѣ, откуда онъ пришелъ въ свою нынѣшнюю область, добровольно или будучи вытѣсненъ сильными врагами. Но эти передвиженія, свойственныя всему человѣчеству и ведущія, въ концѣ концовъ, къ такимъ смѣшеніямъ, какихъ мы не находимъ у другихъ животныхъ, совершались не случайно, а направлялись географическими условіями, каковы: распредѣленіе суши и моря, строеніе морскихъ береговъ, высота и направленіе горъ, протяженіе и направленіе рѣкъ, расположеніе лѣсовъ, степей и пустынь. Эти же условія служили причиной, почему въ однѣхъ странахъ мы находимъ бродячихъ дикарей-охотниковъ или рыболововъ, въ другихъ — кочевыхъ скотоводовъ, въ третьихъ — осѣдлыхъ земледѣльцевъ, и въ четвертыхъ—ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ. Такое распредѣленіе человѣчества по образу жизни и роду занятій прежде всего выясняется природою странъ, въ которыхъ мы находимъ тѣхъ или другихъ людей: сухія степи не пригодны для земледѣлія, и тамъ единственное обезпеченіе человѣческой жизни могутъ доставить стада крупнаго или мелкаго скота; только въ томъ случаѣ, когда въ странѣ нѣтъ животныхъ, которыхъ можно было бы приручить, человѣкъ остается охотникомъ, довольствуясь скуднымъ, случайнымъ пропитаніемъ. Какъ у кочевниковъ, такъ и у охотниковъ населеніе бываетъ рѣдкимъ, потому что тѣмъ и другимъ нужны обширныя пространства для поисковъ дичи или для пастьбы стадъ; напротивъ, земледѣльцы скучиваются на мѣстахъ своего обитанія, и эта скученность тѣмъ больше, чѣмъ земля плодороднѣе. Осѣдлость, связанная съ земледѣліемъ, необходима для развитія образованности или культуры, но эта послѣдняя можетъ достигать значительной высоты только при удобствахъ сообщенія съ другими культурными

народами. Для такихъ удобствъ нужно извѣстное положеніе, напр., на берегу моря, гдѣ есть бухты, куда могутъ приходить суда. Чужеземцы, приходящіе на этихъ судахъ, привозятъ съ собой не только новые предметы торговли, но и новыя идеи, и новыя техническія усовершенствованія. Вслѣдствіе того, географическое положеніе получаетъ первостепенную важность для развитія, для подъема человѣческой образованности. Образованность можетъ зарождаться и развиваться и на небольшомъ пространствѣ, пользующемся благопріятнымъ положеніемъ или удобными географическими условіями, но извѣстной, устойчивой силы и возможности дальнѣйшаго развитія народъ можетъ достигать лишь тогда, когда онъ располагаетъ достаточнымъ пространствомъ для своего расширенія. Когда къ удачному положенію, напр., вблизи берега моря, богатаго гаванями, или по теченію большой рѣки, или же въ сосѣдствѣ обширнаго производительнаго государства, присоединяются богатства, извлекаемыя изъ нѣдръ земли, каковы, въ особенности, каменный уголь и желѣзо, тогда возникаютъ богатѣйшія промышленныя страны съ самымъ плотнымъ населеніемъ.

Итакъ, съ одной стороны, физическое развитіе человѣка, обусловливающее тѣлесную энергію и стойкость въ борьбѣ за существованіе, а съ другой, экономическое развитіе его, служащее почвой для его культурности, находятся въ непосредственной зависимости отъ совокупности географическихъ условій или географической среды. Но и духовное его развитіе, образованіе его ума и характера во многомъ зависитъ отъ нея. Даже такое высшее проявленіе человѣческаго духа, какъ религія, имѣетъ нѣкоторую связь съ окружающей природой: величайшія религіи міра, имѣющія наибольшее число послѣдователей, возникли въ Азіи, и изъ нихъ три высшія, поклоняющіяся истинному Богу, возникли въ Палестинѣ и въ Аравіи, пустыни которыхъ располагаютъ къ молитвенному созерцанію. Природа страны отражается, несомнѣнно, и въ свѣтлой поэзіи, и въ положительной наукѣ грековъ, и въ туманныхъ ученіяхъ Индіи.

Это дѣйствіе природы на человѣка признавалось уже давно, но не съ достаточной ясностью и широтою: одни видѣли его по преимуществу во вліяніи климата и почвы, а другіе такъ мало улавливали его, что даже готовы были вовсе отвергать его. Въ настоящее время, когда за изученіе этого дѣйствія взялась географія, т.-е.

наука, къ области которой оно дѣйствительно принадлежитъ, мы можемъ ожидать, что оно будетъ изучено съ бо́льшею полнотою и послѣдовательностью, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Работа эта уже начата, и планомъ и первой разработкой ея мы обязаны лейпцигскому профессору Фр. Ратцелю, который первый назвалъ эту отрасль географіи „антропогеографіей“ (географіей человѣка) и написалъ подъ этимъ заглавіемъ довольно обширное сочиненіе въ двухъ томахъ, излагающее основы ея. Пользуясь этимъ сочиненіемъ, а также статьей того же автора „Человѣчество, какъ явленіе жизни земли“, и соотвѣтственнымъ отдѣломъ („Антропо-географія или земля и человѣкъ“) въ новомъ нѣмецкомъ изданіи „Учебника географіи“ Германа Вагнера, мы намѣреваемся изложить новѣйшія географическія воззрѣнія на значеніе окружающей природы для физическаго, умственнаго и общественнаго развитія человѣчества. Мы должны будемъ показать, какое дѣйствіе на это развитіе оказываютъ географическое положеніе, пространство, естественныя и искусственныя границы, водная часть земной поверхности, возвышенности и низменности, почва и климатъ, растительный и животный міръ. Мы увидимъ отраженіе этихъ географическихъ условій въ распредѣленіи человѣчества по расамъ, въ его раздѣленіи по степенямъ культурности, въ образуемыхъ имъ общественныхъ и государственныхъ союзахъ, въ его религіозныхъ сообществахъ, плотности и распредѣленіи населенія, путяхъ и средствахъ сообщенія, промышленности и торговлѣ.

Вникая въ эти отношенія между человѣкомъ и землею, разъясняемыя намъ географіею, мы въ то же время получаемъ новое освѣщеніе для отдѣла науки о землѣ, называемой географіей политической. Мы видимъ, что, знакомясь съ антропо-географіей, мы пріобрѣтаемъ болѣе полное и опредѣленное понятіе о томъ, чему насъ учитъ политическая географія, — о географическомъ положеніи, пространствѣ, границахъ, отношеніи числа жителей къ пространству, формахъ поверхности, моряхъ, рѣкахъ и озерахъ, почвѣ и климатѣ, естественныхъ и культурныхъ растеніяхъ, дикихъ и домашнихъ животныхъ, экономической производительности, путяхъ сообщенія и торговлѣ, религіи и образованности. Разъясняемые и пополняемые тѣмъ содержаніемъ, какое даетъ имъ географія человѣка, эти градусы широты и долготы, цифры величины поверхности и числен-

ности населенія, границы, протяженіе рѣкъ и поверхность ихъ бассейновъ, исчисленіе пространства пахотной земли и доставляемыхъ ею количествъ хлѣба и др. растительныхъ, питательныхъ и промышленныхъ продуктовъ, опредѣленіе числа полезныхъ животныхъ, доставляющихъ мясо, молоко, шерсть и кожи, цифры произведеній ремесленной и фабричной промышленности, раздѣленіе жителей по расамъ и сословіямъ, по вѣроисповѣданіямъ и, наконецъ, по степени образованія, — однимъ словомъ, всѣ эти данныя политической географіи, по большей части, представляющіяся учащимся скучными и трудными для памяти, благодаря освѣщенію, доставляемому антропогеографіей, получаютъ глубокій смыслъ и интересъ и пріобрѣтаютъ первостепенное общеобразовательное значеніе. Это отношеніе антропо-географіи къ политической географіи было прежде всего указано упомянутымъ выше проф. Ратцелемъ, который посвятилъ ему обширное сочиненіе, содержащее общія или основныя начала политической географіи и названное имъ этимъ именемъ („Политическая географія“). Мы заимствуемъ все существенное и изъ этой книги, и изъ частнаго примѣненія взглядовъ автора къ написанному имъ краткому изложенію географіи его отечества („Германія“). Поэтому, знакомя нашихъ читателей съ главными положеніями недавно установившейся въ наукѣ отрасли географіи, географіи человѣка, мы сочли себя въ правѣ назвать нашу небольшую книгу „Введеніемъ въ политическую географію“, позволяя себѣ надѣяться, что она окажется не безполезной преподавателямъ и любителямъ географіи, сознающимъ необходимость оживленія политическаго отдѣла нашей науки и приданія ему болѣе широкаго теоретическаго основанія и болѣе непосредственнаго практическаго значенія.

Д. К.

ГЛАВА I.

Географическое положеніе.

Значеніе географическаго положенія. — Уединенное, внутреннее и приморское положенія. — Вліяніе ихъ на типъ и на судьбу народовъ.

Приступая къ географическому описанію какой-либо области, мы прежде всего должны опредѣлить ея географическое положеніе. Пользуясь самымъ точнымъ средствомъ для указанія этого положенія, географія отмѣчаетъ градусы широты и долготы, между которыми лежитъ такая-то область, или на которыхъ находится такое-то мѣсто. Этимъ опредѣляется отношеніе мѣстности или мѣста къ солнцу, т.-е. суточное и годовое распредѣленіе для него тепла и холода, другими словами, его солнечный климатъ. Длина дней и ночей на экваторѣ весьма равномѣрна, а по ту сторону полярнаго круга ночи и дни продолжаются уже по цѣлымъ мѣсяцамъ. Подъ тропиками, во многихъ странахъ Южной Америки и Большихъ Зондскихъ острововъ, почти не существуетъ различія между температурой зимы и лѣта, между тѣмъ какъ въ восточной Сибири зимняя температура доходитъ до —50° Цельзія, а лѣтняя—до +20 Ц. Всѣ эти обстоятельства, крайне важныя для жизни обитателей тѣхъ или другихъ странъ, зависятъ исключительно отъ близости этихъ послѣднихъ къ экватору или полюсу. Кромѣ того, страна пользуется бо̀льшимъ или меньшимъ обиліемъ влаги въ зависимости отъ близости къ океану и отъ направленія господствующихъ вѣтровъ.

Мы не можемъ говорить о положеніи извѣстной страны помимо связи ея съ сосѣдними странами, находящимися въ одинаковыхъ или сходныхъ географическихъ условіяхъ. Опредѣленіе положенія ея

есть вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе принадлежности къ извѣстной части земного шара, съ ея климатомъ, растительнымъ міромъ, культурой и политическимъ значеніемъ. Съ другой стороны, опредѣляя географическое положеніе, мы обозначаемъ отношеніе описываемой страны къ сосѣднимъ странамъ и ихъ обитателямъ: если такія страны существуютъ, онѣ всегда оказываютъ извѣстное дѣйствіе на своихъ сосѣдей, такъ какъ обмѣниваются съ ними и своими произведеніями, и своими знаніями. Мы не могли бы понять роста и развитія Японіи, если бы не принимали во вниманіе близости ея къ Китаю, лежащему на другомъ берегу того же моря. Точно также вся исторія Южной Европы освѣщается для насъ положеніемъ ея странъ на Средиземномъ морѣ. Въ этомъ смыслѣ географическое положеніе становится самымъ важнымъ факторомъ въ развитіи народа и должно быть прежде всего выяснено при разъясненіи исторической судьбы народовъ. Недостаточная оцѣнка географическаго положенія служитъ причиной многихъ невѣрныхъ и произвольныхъ соображеній о культурномъ значеніи народовъ. Сколько, напримѣръ, было писано и говорено о природѣ Греціи, какъ о главной причинѣ ея высокаго умственнаго развитія, объ ея голубомъ небѣ, голубомъ морѣ, яркой зелени и пр., облегчавшихъ жизнь ея обитателей и ихъ взаимныя сношенія, но при этомъ не принималось во вниманіе, что всѣ эти преимущества имѣютъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ положеніемъ ея на порогѣ Запада и Востока, Европы и Азіи. Мы знаемъ много странъ, надѣленныхъ не менѣе прекрасными климатическими условіями, а между тѣмъ ихъ судьба не имѣла ничего, подобнаго исторической роли Греціи.

При всемъ значеніи пространства, оно можетъ отступать на второй планъ передъ географическимъ положеніемъ. Достаточно вспомнить историческое значеніе Іерусалима, Аѳинъ, Тира и Сидона, несмотря на незначительностъ пространства, связаннаго съ ними.

Географическое положеніе народа зависитъ отъ мѣста его обитанія въ извѣстномъ полушаріи, въ климатическомъ поясѣ, части свѣта, на полуостровѣ, архипелагѣ, островѣ, на берегу моря, рѣки или озера, въ пустынѣ, на склонѣ горы или въ долинѣ. Это положеніе мы называемъ *естественнымъ*. Чѣмъ оно крѣпче, прочнѣе, тѣмъ народъ самостоятельнѣе. Съ другой стороны, мы всего яснѣе видимъ въ немъ нашу зависимость отъ природы. Такъ Италія, въ силу своего

положенія посреди Средиземнаго моря, предназначена была сдѣлаться владычицею этого моря и прилегающихъ къ нему странъ и удерживала это преобладаніе до тѣхъ поръ, пока не развились другіе народы, пользовавшіеся еще болѣе выгоднымъ, океаническимъ положеніемъ. Съ другой стороны, Германія всегда оставалась материковымъ государствомъ и не могла развивать своихъ силъ настолько, насколько это было доступно державамъ на берегахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана. Можно сказать, что она только въ новѣйшее время вступаетъ въ число морскихъ державъ, основывая приморскія колоніи и создавая военный и торговый флотъ. Наиболѣе самостоятельнымъ естественнымъ положеніемъ пользуются вообще островные и горные народы. Другіе народы находятся въ большей или меньшей зависимости отъ положенія своихъ сосѣдей. Чѣмъ это послѣднее сильнѣе, тѣмъ болѣе вліяетъ оно на сосѣднія страны. Въ этомъ смыслѣ положеніе можетъ быть центральнымъ, когда народъ живетъ въ рединѣ области и окруженъ со всѣхъ сторонъ другими, периферическимъ, когда онъ живетъ на окружности или на краю области, рядовымъ, когда народы живутъ приблизительно на одной широтѣ въ извѣстной естественной области, и разсѣяннымъ, когда отдѣльныя группы его разселены между другими народами. Примѣромъ перваго изъ этихъ положеній могутъ служить мадьяры, второго—мало-азіатскіе греки и баски на Бискайскомъ заливѣ, третьяго—народы средняго Судана, между Атлантическимъ и Индійскимъ океаномъ, и четвертаго — индѣйцы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и китайцы на Малайскомъ архипелагѣ.

Изучая народы, не пользующіеся уединеннымъ, горнымъ или островнымъ положеніемъ, мы должны всегда имѣть въ виду вліяніе сосѣднихъ народовъ, которое бываетъ особенно сложнымъ, когда описываемый народъ занимаетъ средину между ними. Онъ тѣмъ болѣе подвергается этому вліянію, чѣмъ болѣе у него сходства съ сосѣдями; дѣло можетъ закончиться такимъ возрастаніемъ этого сходства, которое приведетъ къ полному сліянію. Если между двумя однородными народами живетъ третій, не похожій на нихъ, то взаимныя вліянія бываютъ наименьшими (мы видимъ это на примѣрѣ монголовъ и турокъ между Персіей и Китаемъ). Такимъ образомъ, сходство народовъ, съ одной стороны, обусловливается одинаковостью

естественныхъ условій и сношеніями, а съ другой—пространственною близостью. Какія послѣдствія для судьбы народовъ проистекаютъ отъ географическихъ отношеній ихъ къ сосѣдямъ, мы видимъ на примѣрѣ великороссовъ и малороссовъ: они соединены между собою географически, и тотъ народъ, который оказался менѣе сильнымъ въ политическомъ отношеніи, долженъ былъ соединить свою судьбу съ болѣе сильнымъ.

У всѣхъ народовъ, болѣе или менѣе надѣленныхъ энергіей, мы видимъ нѣчто въ родѣ тяготѣнія къ удобнымъ географическимъ центрамъ. Вслѣдствіе того, у всѣхъ зрѣлыхъ или исторически дѣятельныхъ народовъ мы находимъ связное центральное или периферическое распространеніе. Всѣ они инстинктивно или сознательно ищутъ удовлетворенія потребности въ сношеніяхъ съ другими, и это достигается ими группировкой, соотвѣтствующей данной цѣли. Напротивъ, разсѣянное положеніе мы находимъ у народовъ, уже разлагающихся или еще не сложившихся.

Эти дѣйствія народовъ другъ на друга приводятъ къ смѣшеніямъ и перемѣщеніямъ и вліяютъ, такимъ образомъ, на физическія и на умственныя свойства ихъ. Центральное положеніе для мелкихъ народовъ, по большей части, оказывается невыгоднымъ для ихъ развитія, какъ это можно сказать о горныхъ народахъ. Отчасти въ такомъ положеніи оказываются и другіе народы, когда они, будучи отрѣзаны отъ краевъ материка, окружены со всѣхъ сторонъ чуждыми странами. Такое положеніе въ Европѣ и въ другихъ культурныхъ странахъ чаще всего бываетъ связано съ меньшею самостоятельностью. Мы видимъ здѣсь одну изъ причинъ зависимости Венгріи и Богеміи отъ центральнаго австрійскаго правительства. Только въ некультурныхъ частяхъ свѣта, какова Африка, мы находимъ исключеніе изъ этого правила: внутренніе народы этой части свѣта отличаются большей самостоятельностью развитія и большей культурностью, чѣмъ береговые народы, что зависитъ отъ естественныхъ преимуществъ ихъ мѣстообитаній. Ослабленіе подобныхъ внутреннихъ странъ задерживается только связью ихъ съ большою рѣкою, примѣромъ чего могутъ служить Сербія и Парагвай. Африканскія республики голландскаго происхожденія, давно уже отстаивающія свою самостоятельность, достигаютъ успѣха съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго внутренняго положенія. Въ виду того, мы

должны считать вполнѣ естественнымъ обнаруживающееся въ подобныхъ государствахъ стремленіе пробиться къ морю, завладѣть хотя небольшою частью его берега, чтобы имѣть выходъ изъ своего замкнутаго круга. Даже маленькая Черногорія, могущая служить примѣромъ самостоятельнаго горнаго народа, отстоявшаго, благодаря географическому положенію, свою независимость, въ послѣднюю русско-турецкую войну боролась за обладаніе портомъ на Адріатическомъ морѣ. Въ положеніи центральнаго государства долго находилась и Россія; вся исторія ея показываетъ, какъ живо въ ней было сознаніе необходимости пробиться къ морю, и это стремленіе не удовлетворится до тѣхъ поръ, пока она не займетъ удобнаго мѣста на берегу Индійскаго океана. Положеніе ея на двухъ океанахъ даетъ ей уже большія преимущества въ сравненіи съ прежнимъ, но оно ослабляется естественными невыгодами береговъ Сѣвернаго океана, значеніе которыхъ для судоходства оказывается весьма ограниченнымъ. Даже и порты ея на Тихомъ океанѣ имѣли большія неудобства для этой цѣли по причинѣ своей замерзаемости, и, чтобы избѣжать такой невыгоды, она должна была занять одинъ изъ незамерзающихъ портовъ китайскаго берега. Эти близко извѣстные намъ примѣры показываютъ, что выгода приморскаго положенія зависитъ отъ положенія самого моря и характера его береговъ. Такъ, напримѣръ, для европейскихъ странъ большія различія представляетъ положеніе на берегу Атлантическаго океана, Средиземнаго, Чернаго и Балтійскаго морей.

Всѣ народы, находящіеся въ періодѣ распространенія или попадающіе впервые на какой-либо материкъ, всегда пытаются занять периферическое положеніе, т.-е. островное или береговое, и затѣмъ уже слѣдуетъ распространеніе ихъ внутрь. Такъ распространялись греки на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, норманны во Франціи и Сициліи и англичане въ Сѣверной Америкѣ. Если пришельцы находятъ въ новой области прежнихъ обитателей, то они стараются оттѣснить ихъ внутрь и отбить у нихъ береговую полосу. Вслѣдствіе того, во многихъ мѣстахъ на Малайскомъ архипелагѣ, въ восточной Африкѣ, на Мадагаскарѣ и т. под. мы находимъ береговые и внутренніе народы, отличающіеся между собой происхожденіемъ и культурнымъ развитіемъ.

Для внутреннихъ странъ имѣетъ большое значеніе количество ихъ

сосѣдей: чѣмъ это количество больше, тѣмъ менѣе оно опасно, такъ какъ выгоднѣе имѣть много слабыхъ, чѣмъ немного сильныхъ сосѣдей. Положеніе Франціи послѣ объединенія Италіи и Германіи ухудшилось и поддерживается только сосѣдствомъ такого слабаго государства, какъ Испанія. Развитіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, постепенно вытѣснившихъ Испанію на югѣ и западѣ, Францію на югѣ и Мексику на западѣ, что повело къ обладанію всей береговой линіей трехъ океановъ, крайне упростило ихъ политическую задачу. Усиленіе государства происходитъ не только увеличеніемъ его территоріи, но и пріобрѣтеніемъ выгодныхъ географическихъ положеній. Насколько отъ упомянутаго завладѣнія берегами омывающихъ ихъ морей выиграли Соединенные Штаты, настолько же были ослаблены вытѣсненныя ими государства. И политика Англіи, стремящаяся къ міровому преобладанію, заключается не въ одномъ пріобрѣтеніи новыхъ пространствъ въ различныхъ частяхъ свѣта, но и въ пріобрѣтеніи выгодныхъ географическихъ пунктовъ.

Народъ можетъ развиваться исторически на нѣсколькихъ сторонахъ или на одной сторонѣ своей области. Этой исторической стороной можетъ быть сторона, граничащая съ какимъ-нибудь сильнымъ или дѣятельнымъ сосѣдомъ (западная граница Россіи), или берегъ моря, соединяющаго два материка, живущіе дѣятельною политической и торговой жизнью. Выгода такого положенія можетъ, впрочемъ, измѣняться съ теченіемъ времени. Такъ, въ древнемъ мірѣ наиболѣе выгоднымъ было положеніе на Средиземномъ морѣ, около котораго сосредоточивалась вся культура этой эпохи. Затѣмъ историческое движеніе перешло сперва на южный и подъ конецъ на сѣверный берегъ Атлантическаго океана. Это произошло вслѣдствіе расширенія географическаго горизонта, открытія новыхъ морскихъ путей въ Африку и Азію и открытія Америки. Послѣднее оказалось всего выгоднѣе для Англіи, благодаря ея передовому положенію въ моряхъ Европы. Возможность болѣе быстраго достиженія береговъ Европы, благодаря выдвинутому положенію Англіи, привлекала въ ея порты океанскія суда предпочтительно передъ другими атлантическими портами нашей части свѣта. Уже это давало ей большое преимущество надъ Испаніей, Португаліей и Голландіей, ея прежними соперницами по мореплаванію. Надъ двумя первыми изъ названныхъ государствъ она имѣла еще то преимущество, что отдѣ-

лена отъ европейскаго материка лишь узкимъ проливомъ и неширокой частью Нѣмецкаго моря, тогда какъ Испанія ближе связана съ Африкой, чѣмъ съ Европой, будучи отдѣлена отъ послѣдней трудно проходимыми Пиренейскими горами.

Приморское положеніе, представляя выгоды болѣе удобныхъ сношеній, открывая болѣе простора для дѣятельности народа, оказываетъ вліяніе и на его характеръ, развивая въ немъ предпріимчивость и смѣлость. Въ то же время оно привлекаетъ другихъ мореплавателей и способствуетъ обмѣну умственной и матеріальной культуръ. Такое дѣйствіе морского берега зависитъ, однако, отъ культурности или способности къ культурѣ его обитателей. Сѣверо-американскіе индѣйцы на мѣстѣ нынѣшняго Нью-Іорка, соперника Лондона по морской торговлѣ, только собирали раковины. Морской берегъ дѣйствуетъ такъ или иначе въ зависимости отъ своего строенія: если онъ скалистъ и крутъ, то, при самомъ удачномъ расчлененіи, не привлечетъ къ себѣ большого количества обитателей. Если же, наоборотъ, на немъ можетъ уживаться густое населеніе, то онъ будетъ привлекать къ себѣ обитателей даже и при менѣе совершенномъ расчлененіи. Значеніе этого послѣдняго, о которомъ часто говорится въ географіи, несомнѣнно, очень велико, но его надо понимать относительно, въ связи съ географическимъ положеніемъ. Богатая расчлененность Америки на сѣверномъ берегу не могла имѣть вліянія на ея судьбу, такъ какъ этотъ берегъ обращенъ къ недоступному ледяному морю. Напротивъ, наибольшее расчлененіе западнаго берега Европы и восточнаго берега Греціи какъ нельзя болѣе замѣтно отразилось на ихъ исторіи. Можно сказать вообще, что удобство приморскихъ мѣстъ, въ смыслѣ вліянія ихъ на развитіе культуры, обусловливается возможностью образованія на нихъ плотнаго населенія. Непонятный съ перваго взгляда фактъ, почему Египетъ, лежавшій на берегу Средиземнаго моря, не развивалъ своихъ морскихъ силъ и уступалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ другимъ государствамъ Средиземнаго моря, объясняется тѣмъ, что онъ прилегалъ къ морю нильской дельтой, покрытой дюнами и болотами, неудобной для заселенія. Между тѣмъ, Греція и Финикія сосредоточивали большое населеніе у своихъ бухтъ и на близлежащихъ островахъ и до владычества римлянъ были самыми мореходными народами древности. И Норвегія обязана своему мореходному значенію ску-

ченности населенія на берегахъ, гдѣ богатые рыбою фіорды давали ему болѣе продовольствія, чѣмъ суровыя горныя мѣстности. То же явленіе обусловливаетъ населенность береговъ сѣверныхъ ледовитыхъ морей, гдѣ море даетъ пищу, которой нельзя найти въ безплодной, обледенѣлой внутренней пустынѣ Но и эти правила имѣютъ свои исключенія. Обиліе продовольствія внутри плодородной страны ограничиваетъ влеченіе къ морю и не возбуждаетъ желанія искать на его просторѣ лучшихъ мѣстъ обитанія. Народы Африки, кромѣ карѳагенянъ, никогда не были мореходами, и судоходство достигало у нихъ нѣкотораго развитія лишь на внутреннихъ озерахъ. Поэтому негрская раса развивалась преимущественно внутри материка, и береговые народы Африки стояли ниже внутреннихъ. Это зависѣло, впрочемъ, и отъ слабой расчлененности береговъ Африки, привлекавшихъ немногихъ мореплавателей, и отъ нездороваго для другихъ расъ климата береговой полосы, въ особенности западной, обращенной къ Европѣ.

Какъ мы говорили выше, выгодное пользованіе удобствами морского положенія доступно по преимуществу для народовъ культурныхъ, и, слѣдовательно, трудно было бы ожидать его отъ дикихъ обитателей Африки. Но исключительно выгодное географическое положеніе можетъ создать выдающихся мореходовъ даже изъ дикихъ народовъ. Замѣчательный примѣръ того мы видимъ въ малайцахъ. Хотя они и находились подъ вліяніемъ Индіи и Китая, но ни одна изъ этихъ культурныхъ странъ не развила мореплаванія, подобнаго малайскому. Достаточно напомнить, что они изъ Малакки и Малайскаго архипелага распространились, съ одной стороны, по всему Тихому океану, до отдаленнаго острова Пасхи, а съ другой — по всему Индійскому океану, до острова Мадагаскара. Такое единственное въ своемъ родѣ мореходство полудикаго народа могло развиться, благодаря тому, что первоначальное мѣстообитаніе ихъ находилось среди островного міра. Привыкая плавать въ водахъ своихъ архипелаговъ, они пріобрѣтали увѣренность и желаніе дальнѣйшаго изслѣдованія открывавшихся передъ ними океановъ. Точно такъ же мореходство финикіянъ и грековъ родилось въ богатой островами части Средиземнаго моря. Здѣсь суда часто наталкивались на сушу и могли быть менѣе совершеннаго устройства. Но пока образованное человѣчество довольствовалось ограниченнымъ пространствомъ внутренняго моря, горизонтъ его былъ

узокъ. Онъ расширился только передъ просторомъ океана. Энергія народовъ западнаго берега Европы обнаружилась всего болѣе, когда былъ открытъ противоположный берегъ Атлантическаго океана, когда дѣятельность ихъ могла направиться на нетронутый еще европейской цивилизаціей материкъ.

Приливъ чужеземцевъ въ береговыя мѣстности выгоденъ для населенія этихъ послѣднихъ не въ одномъ, только торговомъ или умственномъ отношеніи, вслѣдствіе привозимыхъ ими новыхъ промышленныхъ произведеній, техническихъ и другихъ знаній. Часть чужеземцевъ не возвращается обратно и поселяется въ приморскихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, она смѣшивается съ населеніемъ ихъ, что̀ является извѣстнымъ преимуществомъ для этого послѣдняго въ физическомъ отношеніи. Во многихъ случаяхъ мы видимъ, что береговые народы отличаются отъ внутреннихъ болѣе высокимъ ростомъ, большей энергіей и подвижностью, а часто и большей культурностью. Это зависитъ отъ того, что упомянутые пришельцы—всегда наиболѣе смѣлый и предпріимчивый элементъ изъ числа своихъ соотечественниковъ: такія качества были необходимы, въ особенности въ прежнія времена, когда мореплаваніе представляло значительно больше опасностей, чѣмъ въ наше время, благодаря несовершенству морскихъ судовъ и снарядовъ.

Итакъ, географическое положеніе создаетъ типы береговыхъ и внутреннихъ народовъ, различающіеся не только въ культурномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Кромѣ того, мы можемъ различить материковые и островные народы. Хотя на образованіе ихъ дѣйствуетъ не одно географическое положеніе, но и климатъ, и растительный, и животный міръ, однако, обитаніе ихъ на болѣе или менѣе обширныхъ массахъ суши отражается и на ихъ внѣшности, и на ихъ исторіи. Въ этомъ смыслѣ первостепенное значеніе для исторіи развитія человѣчества имѣетъ сближеніе материковъ на сѣверѣ и отдаленіе ихъ на югѣ. Наибольшее сближеніе материковъ въ околополярномъ поясѣ ведетъ къ образованію общаго типа гиперборейцевъ, къ которымъ принадлежатъ полярные народы Европы, Азіи и Америки. Наоборотъ, на южныхъ материкахъ, съ заостряющимися концами, живутъ самыя различныя расы—южно-американскіе индѣйцы, негры, готтентоты и австралійцы. Кромѣ австралійцевъ, мы не находимъ ни одной расы, которая была бы свойственна исклю-

чительно своему материку: всѣ остальныя расы распространены по двумъ, а нѣкоторыя по тремъ материкамъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ раздѣлить материки на сѣверные и южные, и, соотвѣтственно съ тѣмъ, и человѣческія расы дѣлятся на сѣверныя (бѣлая и желтая) и южную (черная) расы, связанныя съ географическимъ положеніемъ.

Материки порождали многочисленныя и важныя въ культурномъ отношеніи расы въ сравненіи съ обитателями ограниченныхъ островныхъ пространствъ. Расчлененія материковъ, такъ называемые, полуострова, бываютъ болѣе или менѣе самостоятельными въ географическомъ отношеніи, въ зависимости отъ того, насколько тѣсно они связаны съ материкомъ. Какъ извѣстно, полуострова далеко не въ одинаковой степени примыкаютъ къ материкамъ: если они отдѣлены отъ послѣднихъ горнымъ хребтомъ, какъ напримѣръ, Испанія, то они болѣе уединены или изолированы, чѣмъ острова, близко лежащіе къ материку. Этимъ создаются условія образованія особыхъ народныхъ и культурныхъ типовъ. Такая обособленность въ большей или меньшей степени замѣчается на всѣхъ европейскихъ полуостровахъ. Здѣсь такъ же, какъ въ Индостанѣ, Аравіи и пр., мы видимъ, что географическая самостоятельность совпадаетъ съ этнографической. Острова въ этомъ отношеніи могутъ создавать условія еще большей уединенности и обособленности, чѣмъ полуострова, но могутъ имѣть значеніе и простыхъ придатковъ суши. Это зависитъ отъ степени ихъ самостоятельности, большей или меньшей отдаленности и доступности со стороны материка, что̀, впрочемъ, понятно само собою.

Острова, однако, изолируютъ человѣка менѣе, чѣмъ растенія и животныхъ, вслѣдствіе возможности для человѣка перемѣщаться черезъ морскія пространства, недоступныя живущимъ на сушѣ животнымъ и растеніямъ. Острова создавали особые типы человѣчества только въ томъ случаѣ, когда, по своему географическому положенію, они имѣли мало сношеній съ сосѣдними островами и материками, какъ это было съ Австраліей. Легкость сношеній способствуетъ смѣшеніямъ въ островномъ населеніи, какъ мы это видимъ въ Меланезіи и Полинезіи; но нѣкоторыя, хотя и небольшія, отличія островныхъ жителей выказываются всегда при сравненіи ихъ съ материковыми.

Мы можемъ сказать это объ японцахъ и даже объ англичанахъ. Вообще, острова объединяютъ народный типъ, языкъ и предметы матеріальной культуры. Обитатели отдаленныхъ и уединенныхъ острововъ часто бываютъ не общительны и не воспріимчивы къ чужеземной культурѣ, но острова, лежащіе на морскихъ путяхъ, оказываются въ условіяхъ морскихъ береговъ, посѣщаемыхъ иноземцами: тамъ могутъ создаваться свои смѣшанные типы, отличающіеся энергіей и предпріимчивостью.

Сходное съ островами положеніе занимаютъ оазисы въ пустынѣ. Но, помимо тѣхъ и другихъ, даже обширныя материковыя пространства населены не одинаково плотно, и однѣ мѣстности сравнительно съ другими могутъ пріобрѣтать большее значеніе, вслѣдствіе скученности населенія, тогда какъ промежуточныя пространства отчасти играютъ роль моря или пустыни. Ограниченныя или разсѣянныя положенія свойственны болѣе отдаленному отъ насъ времени. Всякое завоеваніе или колонизація связываетъ и объединяетъ отдѣльныя области, но объединеніе это происходитъ иногда весьма медленно. Это въ особенности относится къ областямъ, лежащимъ на окраинахъ государства, для которыхъ нужно много времени, чтобы срастись съ государствомъ, въ составъ котораго онѣ вошли, уступая военной силѣ или вслѣдствіе добровольнаго соглашенія. Какъ медленно происходитъ сліяніе отдѣльныхъ областей, даже при одинаковости географическихъ условій и одинаковости населенія, мы видимъ въ объединеніи Италіи и Германіи, слившихся каждая въ одно цѣлое въ весьма недавнемъ прошломъ, а именно, во второй половинѣ XIX-го вѣка. Тогда какъ расширеніе государства есть срастаніе отдѣльныхъ областей, ослабленіе его заключается въ ихъ отпаденіи, при чемъ это послѣднее начинается также съ окраинныхъ областей. Мы видимъ это на примѣрѣ Римской имперіи, которая ври своемъ крушеніи сперва потеряла азіатскія и африканскія владѣнія.

Хотя нѣкоторыя географическія положенія представляютъ большія преимущества, помимо связаннаго съ ними пространства, каковы, напримѣръ, положенія на большихъ морскихъ и сухопутныхъ путяхъ сообщенія, но положеніе страны выигрываетъ во многихъ случаяхъ отъ ея протяженія и распространенія. Такъ, морской берегъ Германіи тянется на разстояніи 2440 км., что̀ является, безъ сомнѣнія, преимуществомъ въ сравненіи съ береговой линіей

меньшаго протяженія на такихъ важныхъ для европейской культуры моряхъ, какъ Нѣмецкое или Балтійское. Франція обязана своимъ политическимъ значеніемъ положенію, занимаемому ею между Нѣмецкимъ и Средиземнымъ морями, Атлантическимъ океаномъ, Пиренеями и Альпами. Эти моря и горы были ея естественными границами, въ которыхъ она установилась и объединилась, переходя ихъ въ нѣкоторыя эпохи только съ сѣверо-востока въ сторону Германіи. Въ виду значенія, представляемаго болѣе обширнымъ пространствомъ, въ особенности въ благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, достаточно обширная область въ названныхъ выше предѣлахъ могла быть только выгодной для Франціи. Въ географіи пространство всегда должно быть изучаемо по отношенію къ его географическому положенію, при чемъ во многихъ случаяхъ одно понимается только съ помощью другого. Такъ, напримѣръ, для исторіи Европы весьма важно было, что ея внутреннее море, справедливо называемое Средиземнымъ, имѣло большую площадь, почти въ 3 мил. кв. км., но еще важнѣе было, что это море окружено странами, наилучше надѣленными въ климатическомъ, почвенномъ, растительномъ и др. отношеніяхъ въ сравненіи со всѣми другими странами Стараго Свѣта. Поэтому, изучая политическія преимущества страны, мы въ положеніи ея часто можемъ видѣть разъясненіе ея пространственнаго значенія. Это важно еще и потому, что пространство, по большей части, представляется намъ какъ нѣчто отвлеченное, между тѣмъ, какъ политическое положеніе является болѣе опредѣленнымъ и живымъ. Въ основѣ изученія географіи именно должны лежать живыя, легко поддающіяся нашему воображенію понятія, а они лучше всего создаются сочетаніемъ представленій о пространствѣ и географическомъ положеніи, этихъ двухъ постоянныхъ величинъ географіи.

Можно сказать, что исходной точкой развитія государствъ всегда является ихъ географическое положеніе. Этому послѣднему обязаны, напримѣръ, своимъ преобладаніемъ среди сосѣднихъ областей Голландія, Бранденбургъ, Кастилія и т. под. Если численность народа зависитъ отъ занимаемаго имъ пространства, то вліяніе его зависитъ отъ географическаго положенія. Для великаго народа нужно то и другое. Великобританія достигла своего величія пространствомъ однихъ и счастливымъ положеніемъ другихъ владѣній. Сѣверо-Амери-

канскіе Соединенные Штаты пользуются преимуществами того и другого въ своей южной половинѣ. Между тѣмъ, пространственное преимущество Россіи превосходитъ географическое, такъ какъ она на западѣ и на югѣ граничитъ только съ закрытыми морями. Франція при Наполеонѣ распространила свои владѣнія до р. Эльбы, что̀ было для нея выгодно не столько въ смыслѣ увеличенія пространства, сколько въ смыслѣ улучшенія географическаго положенія распространеніемъ его до Нѣмецкаго моря. Невыгодность перваго раздѣла для Польши заключалась всего болѣе въ потерѣ положенія на Балтійскомъ морѣ. Если бы она даже осталась въ своихъ прежнихъ границахъ, потерявъ берегъ моря, она очутилась бы въ самомъ невыгодномъ положеніи изъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Географическое положеніе разъясняется, впрочемъ, и пространственными отношеніями, а именно,—опредѣленіемъ его разстоянія отъ какого-либо важнаго пункта, напримѣръ, столицы, или отъ какой-либо основной географической линіи, напримѣръ, отъ экватора. Хотя разстояніе особенно важно для коммерческой географіи, но оно имѣетъ большое значеніе и для географіи политической. Сравнивая Германію и Францію, мы видимъ преимущество послѣдней въ томъ, что она лежитъ на 5 градусовъ широты ближе къ экватору. Изъ того, что̀ мы говорили выше, легко видѣть, что политическая связь ослабляется съ разстояніемъ.

Географическое положеніе принадлежитъ къ такимъ фактамъ, которые всего легче можно обозначить и видѣть на картѣ, но все-таки въ научномъ и практическомъ отношеніи весьма важно, чтобы при описаніи государствъ на него обращалось какъ можно болѣе вниманія. Всегда слѣдуетъ тщательно отмѣчать поясъ, часть материка, моря и главныя горы, съ которыми связывается извѣстное положеніе. Такъ, говоря о Германіи, необходимо отмѣтить, что она лежитъ въ умѣренномъ поясѣ восточнаго полушарія, въ средней Европѣ, между 48 и 55^0 с. ш., между Альпами и Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями. Точно отмѣчая положеніе, мы пріобрѣтаемъ легкую возможность весьма важнаго въ географическомъ отношеніи сравненія: о Франціи, напримѣръ, мы можемъ повторить сказанное о положеніи Германіи между Альпами и Нѣмецкимъ моремъ, прибавивъ существенное различіе, что Франція лежитъ на берегу Атлантическаго океана и расположена на пять градусовъ ближе къ югу (между 43 и

51° с. ш.). Такимъ сравненіемъ облегчается изученіе положенія отдѣльныхъ государствъ, и учащійся освоивается съ цифрами градусовъ широты и долготы, которыя сами по себѣ, безъ такого сопоставленія, могутъ казаться слишкомъ трудными для его памяти и не представляющими достаточно живого значенія.

Данныя относительно географическаго положенія страны могутъ принести для систематическаго изученія земли, такую же пользу какую приноситъ систематика въ естествознаніи, т.-е. они могутъ служить для географической классификаціи. Подобно тому, какъ мы говоримъ,—шиповникъ принадлежитъ къ типу явнобрачныхъ растеній, къ семейству розоцвѣтныхъ и къ роду розъ,—мы можемъ сказать: Германія принадлежитъ къ странамъ восточнаго полушарія (или Стараго Свѣта), умѣреннаго пояса, Европы, и, въ частности, средней Европы. Сюда можно бы прибавить и другія подробности, какъ, напримѣръ: Германія принадлежитъ къ европейскимъ странамъ, прилегающимъ къ Альпамъ, или къ странамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. По отношенію къ Франціи мы могли бы сказать: Франція лежитъ между Рейномъ и океаномъ, между Пиренеями и Нѣмецкимъ моремъ. Такія опредѣленія имѣютъ то преимущество, что въ нихъ естественные признаки положенія становятся впереди историческихъ и этнографическихъ, что̀ особенно важно для географіи.

Эти существенныя географическія черты, болѣе извѣстныя въ Европѣ, пріобрѣтаютъ еще большее значеніе въ менѣе знакомыхъ намъ частяхъ свѣта. О положеніи Персіи, напримѣръ, нельзя имѣть яснаго понятія, не представляя себѣ ея зависимости отъ Каспійскаго моря и Индійскаго океана, являющихся ея естественными опорами, при всей подвижности ея восточной и сѣверной границъ. Она до тѣхъ поръ останется Персіей, пока будетъ пользоваться ими.

Сравненіе политическихъ положеній, кромѣ различій, характерныхъ въ географическомъ смыслѣ, открываетъ столь же поучительныя для насъ сходства. Сравнивая положеніе Европы и Америки въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, мы находимъ не только одинаковое положеніе въ тѣхъ же градусахъ широты, но и поприще для достаточно сходнаго развитія, сходный климатъ и сходный растительный и животный міръ. Изъ такого сравненія для насъ ясно выступаетъ параллельное культурное развитіе Сѣверной Аме-

рики и Европы, при чемъ первая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опережаетъ послѣднюю. Сходства замѣчаются въ этомъ случаѣ не въ однѣхъ крупныхъ, но и въ мелкихъ чертахъ; не только явленія, но и самый ходъ развитія совпадаютъ между собой. При этомъ возникаютъ экономическія и политическія подобія, тѣмъ болѣе важныя, что они зависятъ не отъ случайныхъ, а отъ внутреннихъ, естественныхъ причинъ. Сходствомъ географическаго положенія объясняются историческая связь и то дружественныя, то враждебныя отношенія Германіи и Италіи. Та и другая были срединными государствами Европы—одна въ сѣверной, а другая—въ южной ея части. Въ средніе вѣка германо-римская имперія объединяла ихъ между собою, и обѣ страны оказывали сильное вліяніе другъ на друга именно потому, что ихъ центральное положеніе ставило имъ одинаковыя политическія задачи. Для того, чтобы политическая географія могла получить болѣе практическое и жизненное значеніе, она непремѣнно должна имѣть въ виду эти сходныя или родственныя положенія, отъ которыхъ зависятъ такъ называемые общіе политическіе интересы или соревнованіе въ достиженіи одинаковыхъ цѣлей. Отношенія Россіи и Турціи не исчерпываются столкновеніемъ ихъ интересовъ на Черномъ морѣ. Та и другая занимаютъ среднее положеніе между Европой и Азіей, и площадь владѣній каждой изъ нихъ въ Азіи больше, чѣмъ въ Европѣ, при чемъ Россія обнимаетъ уже значительную часть населенія, родственнаго туркамъ, и эта часть можетъ только увеличиваться по мѣрѣ движенія Россіи вглубь Азіи. При всей разницѣ между германцами и арабами, они одинаково содѣйствовали разрушенію древняго міра, такъ какъ занимали сходныя положенія на внѣшнихъ границахъ Римской имперіи. Сходныя географическія положенія создавали во всѣ времена явленія одного и того же рода, какія мы видимъ, напримѣръ, въ противоположеніи Рима и Карѳагена, Испаніи и Марокко, Греціи и Малой Азіи. Японія и Англія во всѣхъ отношеніяхъ не похожи другъ на друга, но въ ихъ политической судьбѣ есть нѣчто общее, благодаря сходству ихъ географическаго положенія.

ГЛАВА II.

Пространство.

Географическое значеніе пространства.—Обитаемая часть поверхности земли. — Борьба за пространство. — Вліяніе большихъ и малыхъ пространствъ.—Пространственный ростъ древнихъ и современныхъ государствъ.—Дѣйствіе моря, какъ открытаго пространства.—Важность точныхъ представленій о пространствѣ при изученіи географіи.

Ознакомившись съ географическимъ положеніемъ государства, мы должны составить себѣ ясное понятіе объ его пространствѣ. Число квадратныхъ миль или километровъ и число людей, обитающихъ на этой площади, служатъ для обозначенія двухъ главныхъ свойствъ государства: они сразу даютъ понятіе о величинѣ и могуществѣ его. Мы вообще не можемъ представить себѣ никакого собранія людей внѣ того пространства, внѣ той почвы, на которой оно обитаетъ. Народъ и почва соединяются въ государствѣ въ одно цѣлое, и пространство его и численность населенія выражаютъ эту связь. Пространство не можетъ измѣниться, т.-е. уменьшиться или увеличиться безъ того, чтобы самое государство не стало инымъ. Вся исторія отношеній между государствами есть борьба за пространство, оканчивающаяся тѣмъ, что одно изъ нихъ отнимаетъ часть территоріи другого или обязывается признать за нимъ право владѣнія его областью и не заявлять на нее никакихъ притязаній.

Судьба всего человѣчества опредѣляется тою частью земной поверхности, какая доступна для его обитанія. Эта обитаемая область раскрывалась только постепенно. Лишь въ недавно истекшемъ столѣтіи знакомство съ поверхностью земли стало настолько полнымъ, что мы можемъ уже говорить съ точностью о площади суши и воды. Но при этомъ намъ все еще приходится вычитать изъ 510 милліоновъ квадратныхъ километровъ, составляющихъ площадь земного шара, 21 мил. кв. килом. находящихся въ недоступныхъ пока нашему изслѣдованію сѣверной и южной полярныхъ областяхъ. Изъ общаго числа земной поверхности только 28% принадлежатъ сушѣ, слѣдовательно, могутъ служить для обитанія человѣка, но это простран-

ство представляетъ поверхность въ 125 мил. кв. килом., которое, за исключеніемъ ледяныхъ и песчаныхъ пустынь, въ бо́льшей или меньшей степени пригодно для обитанія человѣка. Говоря о человѣчествѣ, мы должны воображать его себѣ на громаднѣйшей изъ извѣстныхъ намъ территорій, на поверхности почти всей изученной нами суши. Въ этомъ отношеніи человѣкъ представляетъ существенныя отличія отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ, такъ какъ ни одно изъ нихъ не достигаетъ такого распространенія. Хотя, за исключеніемъ названныхъ выше холодныхъ и знойныхъ пустынь, человѣческое населеніе оказывалось во всѣхъ вновь открывавшихся странахъ, но изъ исторіи земли мы знаемъ, что распространеніе его не было всегда столь повсемѣстнымъ, какъ въ наше время. Часть свѣта, въ которой мы живемъ, переживала различныя эпохи, когда климатъ ея былъ гораздо теплѣе и затѣмъ гораздо холоднѣе нынѣшняго. Но въ теплое время человѣкъ едва ли обиталъ въ Европѣ, а впослѣдствіи, когда сѣверная и средняя части ея покрылись льдомъ, мѣстообитанія его должны были крайне сузиться. Впослѣдствіи климатъ смягчился, и человѣкъ могъ расширить мѣсто своего обитанія, но это расширеніе давалось ему путемъ тяжелой борьбы съ холодомъ, голодомъ и хищными врагами человѣческаго и животнаго міра. Такая борьба была полезна для человѣка, изощряя и развивая главное орудіе его, разумъ. По мѣрѣ того, какъ умственное развитіе человѣка возрастало, онъ размножался болѣе и болѣе и, какъ всякое живое существо, стремился къ возможно бо́льшему распространенію.

Мы знаемъ, что и животныя, и растенія ведутъ между собою борьбу за пространство. Если бы другія существа не оспаривали, не отнимали у нихъ послѣдняго, то каждый видъ или порода растенія или животнаго въ болѣе или менѣе продолжительное время заняли бы всю земную поверхность. Ограниченіе такого постояннаго увеличенія зависитъ отъ способности извѣстнаго растенія или животнаго приспособляться или примѣняться къ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ и пищѣ, какія оно находитъ въ мѣстности, вновь захватываемой имъ. Такъ, деревья и другія растенія требуютъ для своего произрастанія извѣстнаго количества тепла и влажности, а животныя могутъ питаться лишь пригодной для нихъ пищей. Въ этомъ отношеніи человѣкъ не имѣетъ себѣ соперниковъ среди всѣхъ жи-

вотныхъ и растеній, потому что можетъ приспособляться къ величайшему разнообразію климата и пищи. Преимущество это заключается не въ одной гибкости его организма, но и въ разумѣ его, который помогаетъ ему найти средства укрыться отъ дѣйствія холода или ненастья съ помощью одежды и жилища и, при посредствѣ огня, сдѣлать удобоваримой самую жесткую или тяжелую пищу. Чѣмъ легче дается человѣку приспособленіе къ непривычнымъ для него жизненнымъ условіямъ, тѣмъ болѣе эта способность дѣлаетъ его подвижнымъ, заставляя его расширять область своего обитанія, ради отысканія лучшихъ, болѣе удобныхъ мѣстъ. Найдя ихъ, онъ старается обезпечить ихъ за собою, не допускать туда постороннихъ людей, не принадлежащихъ къ его семьѣ или племени. Въ какомъ бы дикомъ состояніи ни являлся намъ человѣкъ, онъ всегда заботится о границахъ своихъ владѣній и всѣми силами отстаиваетъ пространство, какое ему нужно для поддержанія жизни посредствомъ охоты, рыбной ловли, собиранія дикихъ плодовъ и т. под Если условія обитанія въ избранной мѣстности оказываются благопріятными, племя, поселившееся въ ней, размножается, и съ теченіемъ времени она становится тѣсною для него. Оно пытается расширить ее захватомъ сосѣднихъ областей и вступаетъ въ борьбу съ ихъ обитателями, борьбу, которая оканчивается въ пользу его или въ пользу послѣднихъ, въ зависимости отъ того, кто изъ нихъ окажется сильнѣе.

Каждый народъ безъ исключенія началъ свое существованіе въ видѣ малочисленной группы въ ограниченной области, откуда постепенно распространялся, захватывая владѣнія своихъ сосѣдей, если они оказывались слабѣе его. Первоначальное развитіе въ узкомъ пространствѣ мы видимъ въ исторіи всѣхъ народовъ, даже и великихъ, которые въ настоящее время раздѣляютъ между собою всю земную поверхность. Римъ возникъ на нижнемъ Тибрѣ, въ области въ нѣсколько кв. километровъ, затѣмъ захватилъ въ свои руки почти весь извѣстный тогда міръ, и нынѣ его потомки занимаютъ болѣе $1^1/_2$ мил. кв. килом. въ одной Европѣ. Углубляясь въ исторію даже такого многочисленнаго народа, какъ китайцы, мы видимъ, что онъ исходитъ изъ ограниченной области, постепенно расширявшейся, по мѣрѣ подъема его образованности. Въ этихъ примѣрахъ мы наблюдаемъ исторію группъ, которыя сумѣли размножиться и распростра

ниться на счетъ многихъ изъ своихъ сосѣдей. Эти послѣдніе или подвергались истребленію и исчезали, или сливались съ побѣдителями, теряя самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ право владѣнія своей территоріей.

Росту каждаго народа, т.-е. увеличенію его численности и политической силы, соотвѣтствуетъ занимаемое имъ пространство. По бо́льшей части, области, обитаемыя дикарями, бываютъ невелики и съ рѣдкимъ населеніемъ. Правда, дикарю охотнику и скотоводу нужны бо́льшія пространства, чѣмъ земледѣльцу, чтобы онъ могъ находить въ нихъ дичь или перегонять скотъ съ одного мѣста на другое. Чѣмъ климатъ суровѣе, чѣмъ меньше пищи попадается въ мѣстѣ обитанія, тѣмъ оно должно быть обширнѣе. Мы это видимъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ, съ приближеніемъ къ полярному кругу, поверхность территоріи каждаго племени все увеличивается. Въ такихъ неблагопріятныхъ для жизни человѣка мѣстностяхъ населеніе бываетъ рѣдкимъ, и оно меньше встрѣчаетъ соперниковъ, состязающихся съ нимъ за обитаемыя или захватываемыя имъ пространства. Но зато исканіе лучшихъ мѣстъ тамъ болѣе развито, и, при возрастаніи численности племени, возникаетъ борьба за пространство, которая проходитъ, такимъ образомъ, черезъ всю исторію человѣчества, начинаясь на самыхъ низшихъ ступеняхъ его умственнаго развитія. Каждый народъ стремится къ простору, къ свободному проявленію своихъ силъ, но не всѣ народы обладаютъ одинаковой энергіей: вслѣдствіе болѣе или менѣе напряженной борьбы за существованіе, одни оказываются сильнѣе въ нападеніи и защитѣ, а другіе слабѣе. Причина этой силы или слабости во многомъ зависитъ, однако, отъ болѣе или менѣе обширной области, въ которой народу приходилось развиваться.

Воззрѣнія народовъ на свою политическую силу и стремленія ихъ къ распространенію ея слагаются подъ вліяніемъ пространства той области, въ который народъ растетъ и развивается. Большое пространство располагаетъ къ смѣлому расширенію, малое—къ робкому сосредоточенію. Новѣйшій наглядный примѣръ этого вліянія пространства мы видимъ въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые быстро завладѣли огромнымъ протяженіемъ Сѣверной Америки и стремятся къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній. Другимъ, болѣе близкимъ намъ примѣромъ можетъ

служить Россія, которая, образовавшись изъ сравнительно небольшого Московскаго государства, распространила свои предѣлы на всю восточную Европу и всю сѣверную Азію. На этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, что большое пространство является источникомъ политической силы: по мнѣнію нѣмецкихъ военныхъ историковъ, писавшихъ о походѣ 1812 г., Наполеонъ погибъ вслѣдствіе громадныхъ размѣровъ русскаго царства, которыхъ онъ не могъ осилить. Сила каждаго государства зависитъ отъ его пространства, но каждой эпохѣ соотвѣтствуетъ свое понятіе о большомъ и маломъ пространствѣ. Вмѣстѣ съ ходомъ исторіи это понятіе постоянно разрастается: такъ, самое большое государство древняго міра, Римъ, охватывавшее всѣ страны, прилегающія къ Средиземному морю, имѣвшія политическое значеніе, кажется намъ небольшимъ въ сравненіи съ новѣйшими громадными государствами, имѣющими владѣнія въ различныхъ частяхъ свѣта,—Россіей, Англіей, Китаемъ и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Великіе правители или полководцы, покорившіе цѣлыя страны, каковы были Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Карлъ Великій, Петръ Великій, Наполеонъ и др., имѣли самыя смѣлыя представленія о пространствѣ и не останавливались передъ громадными расширеніями территоріи своего отечества. Сочетаніе такихъ стремленій въ правящихъ лицахъ съ подвижностью народа и пониманіемъ такихъ стремленій обѣщаетъ наибольшій успѣхъ въ дальнѣйшемъ расширеніи его. Мы видимъ это всего нагляднѣе въ постепенномъ, безпрерывномъ расширеніи Англіи. Не только правительство ея, но и народъ съ одинаковой энергіей работаютъ для достиженія этой цѣли; ей содѣйствуютъ почти въ равной мѣрѣ и администрація, и миссіонеры, и торговцы, и промышленники. Администрація ищетъ новыхъ „сферъ вліянія“, миссіонеры занимаются обращеніемъ возможно бо́льшаго числа обитателей дикихъ странъ въ свою вѣру, торговцы заботятся о расширеніи англійскихъ рынковъ, какъ мѣстѣ для сбыта своихъ товаровъ. Эти стремленія къ возможно большему расширенію своей власти и своего вліянія настолько сдѣлались естественнымъ свойствомъ англичанъ, что они повторились и въ сѣверо-американцахъ, не отстававшихъ, и послѣ пріобрѣтенія независимости, въ этомъ отношеніи отъ государства, къ которому они прежде принадлежали. Хотя Соединенные Штаты пользуются обширными пространствами съ рѣд-

кимъ, дикимъ населеніемъ, которое не въ силахъ было отстаивать своихъ земель, и дѣйствуетъ не столько политическимъ, сколько экономическимъ путемъ, увеличивая свою сельскохозяйственную территорію, но и они не останавливаются на дальнѣйшемъ расширеніи ея и еще въ недавнее время отняли у Испаніи большой островъ Кубу и не скрываютъ того, что желали бы и дальнѣйшаго увеличенія своихъ владѣній.

Для такого безпрерывнаго расширенія не достаточно однихъ вожделѣній правящихъ классовъ и живущаго въ народѣ стремленія къ обогащенію: для этого нужна извѣстная политическая организація, извѣстные способы для удержанія подъ своею властью пріобрѣтаемыхъ странъ и извѣстная способность къ заселенію ихъ. Расширеніе государства можетъ идти успѣшно только при сочетаніи этихъ трехъ условій. Испанцы раньше другихъ завладѣли Америкой, и у нихъ не было недостатка въ смѣлыхъ людяхъ, которые быстро распространились по западному берегу Сѣверной Америки до Калифорніи и въ южной Америкѣ до Лаплаты; но Испанія никогда не умѣла организовать въ политическомъ отношеніи свои колоніи и установить правильныя отношенія ихъ съ метрополіей. Она раздѣлила огромную область только на три вице-королевства (Перу, Мексику и Новую Гренаду), которыя не могли управлять должнымъ образомъ этими обширными территоріями, и не давала развиваться мѣстной промышленности, заставляя колоніи покупать товары, привозимые изъ Испаніи. Франція, съ другой стороны, имѣла правильныя понятія объ устройствѣ администраціи колоніальныхъ владѣній согласно географическимъ условіямъ, но во французскомъ народѣ слишкомъ мало энергичныхъ лицъ, которыя желали бы перенести свою дѣятельность въ отдаленныя части свѣта; поэтому захваченныя ею земли не могли остаться подъ ея властью. Мы уже сказали выше, что англичане соединяли всѣ условія, необходимыя для успѣшнаго расширенія своего пространства, вслѣдствіе чего ихъ колонизаторская дѣятельность отмѣчена выдающимся успѣхомъ. Хотя для русскаго народа колонизація южныхъ и юго-восточныхъ степей европейской Россіи и Сибири представлялась болѣе легкимъ дѣломъ, такъ какъ эти области составляли естественное продолженіе коренной территоріи русскаго государства, но сплоченіе ихъ съ этой послѣдней выказываетъ большую колонизаторскую способность, признаваемую за русскими даже и ихъ соперниками. Извѣстный нѣмецкій географъ Пешель завое-

ваніе Сибири казаками ставитъ выше завоеванія Америки испанцами, такъ какъ казаки выказали при этомъ не только больше стойкости, но и больше пониманія предстоявшей имъ географической задачи. Правда, они нашли тамъ такое же строеніе поверхности и почти такія же климатическія условія, какъ и по сю сторону Урала, но они сумѣли воспользоваться рѣчною системою Сибири съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ новгородцы пользовались нѣкогда системою рѣкъ нашего европейскаго сѣвера. Они узнали, что притоки трехъ великихъ сибирскихъ рѣкъ близко подходятъ другъ къ другу и что промежуточныя пространства можно проходить „волокомъ", такъ же, какъ это дѣлали обитатели сѣверной Россіи. Если перенесеніе лодокъ на плечахъ казалось неудобнымъ, по отдаленности или трудной проходимости этихъ промежутковъ, то казаки, бывшіе, какъ и всѣ русскіе люди, искусными плотниками, оставляли лодки и, дойдя до другой рѣки, строили новыя. Такимъ образомъ, казаки прошли въ полстолѣтіе все пространство отъ Оби до восточнаго края Азіи, тогда какъ поселенцы Сѣверной Америки въ два съ половиной вѣка не дошли еще до Скалистыхъ горъ. Съ бо̀льшимъ пониманіемъ дѣла казаки опредѣлили, что благосостояніе ихъ можетъ быть сновано на охотѣ за пушными звѣрями, и прежде, чѣмъ построить поселеніе, освѣдомлялись о богатствѣ мѣстности въ этомъ отношеніи. И съ инородцевъ они брали дань пушнымъ товаромъ. Поселенія основывались ими весьма постепенно, но всегда на самыхъ важныхъ узлахъ сѣти сибирскихъ рѣкъ. Они строили сперва острогъ, или небольшое укрѣпленіе, и около него съ теченіемъ времени разростался городъ. Казакамъ приходилось выдерживать много столкновеній съ инородцами, не всегда гостепріимно относившимися къ поселенцамъ, но они никогда не уступали земли, которою успѣли овладѣть. Въ этомъ покореніи обширной и дикой страны, которая не многихъ могла привлекать тогда, русскіе люди выказали ту способность къ оцѣнкѣ значенія пространствъ и овладѣнію ими, какая свойственна народамъ, воспитавшимся въ странѣ съ обширной территоріей. Такой же государственно-географическій инстинктъ выказали и китайцы, сумѣвшіе не только отстоять свое земледѣльческое государство отъ угрожавшихъ ему сосѣднихъ кочевниковъ, но и расширить его за счетъ этихъ послѣднихъ. Хотя кочевники—манчжуры и завоевали Китай, но они дали ему только царствующую династію

манчжурскаго происхожденія, а сами почти безслѣдно растворились въ массѣ китайскаго народа. Въ настоящее время Китаю принадлежитъ верховная власть и надъ Монголіей, и надъ Тибетомъ, и надъ всей внутренней Азіей до русской границы.

Мы видимъ такимъ образомъ, что усиленіе величайшихъ государствъ нашего времени было вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніемъ ихъ территорій. Другія государства, утрачивавшія свои владѣнія, какъ, напримѣръ, Голландія, Испанія и Португалія, ослабѣвали и опускались на ступень второстепенныхъ державъ. Этотъ законъ, въ силу котораго государство, стремящееся къ увеличенію своей силы, въ то же время стремится и къ расширенію своихъ владѣній, мы видимъ на примѣрѣ Германіи, которая на нашихъ глазахъ сплотилась изъ нѣсколькихъ раздробленныхъ государствъ, т.-е. объединила и скрѣпила свою территорію, и которая, не довольствуясь развитіемъ своей военной силы, заботится о расширеніи своихъ владѣній, захватывая земли въ Африкѣ и въ Океаніи, и расширяя сферу своего вліянія въ Азіи. Нѣмцы, привыкшіе до сихъ поръ къ небольшимъ государственнымъ образованіямъ, перерождаются въ этомъ отношеніи и становятся народомъ, нуждающимся для своего роста въ пространственномъ расширеніи.

Этому закону роста государствъ, повидимому, противорѣчатъ мелкія государства древности, которыя нерѣдко заключались въ одномъ только городѣ съ его окрестностями, каковы были нѣкоторыя государства древней Греціи. Такое противорѣчіе объясняется, однако, иными условіями жизни древнихъ народовъ въ сравненіи съ новѣйшими, а также и особенно выгоднымъ географическимъ положеніемъ, какимъ пользовались эти мелкія государства. Въ нихъ сосредоточивались силы небольшого народа, которыя могли развиваться тамъ, какъ въ центрѣ, откуда распространялись въ окружающія мѣстности. Вслѣдствіе того, небольшія области могли властвовать надъ болѣе обширными, но власть эта никогда не была продолжительной. Если мелкимъ областямъ нельзя было расшириться, онѣ быстро проходили всѣ ступени развитія, созрѣвали и дряхлѣли раньше своихъ сосѣдей; горизонтъ ихъ становился слишкомъ узкимъ, и патріотизмъ— чисто мѣстнымъ. Когда въ сосѣдствѣ ихъ возникали государства, усилившіяся путемъ расширенія, имъ приходилось уступать послѣднимъ свое значеніе. Такъ, Римъ получилъ преобладаніе надъ Гре-

ціей, Испанія надъ Португаліей, и Англія надъ Нидерландами. Въ этомъ случаѣ повторилось то же явленіе, какое мы указывали выше, т.-е. народъ, воспитанный въ условіяхъ большого пространства, оказался сильнѣе народа, выросшаго въ противоположныхъ условіяхъ. Первый всегда проникаетъ въ область послѣдняго и, если онъ лучше организованъ и вооруженъ, навязываетъ ему свою организацію. Народъ, предоставленный самому себѣ и не стремящійся къ расширенію, всегда имѣетъ склонность распадаться на мелкія группы, независимыя другъ отъ друга. Мы видимъ это у дикарей, которые вообще склонны къ обособленію, и племена которыхъ съ большимъ трудомъ вступаютъ въ союзы между собой. Они могутъ держаться лишь при отсутствіи сплоченныхъ сосѣдей, имѣющихъ виды на ихъ территорію. Поэтому дикіе народы, при всей своей воинственности, такъ легко уступаютъ врагу, находящемуся на ступени государственной организаціи, стремящейся, въ силу естественнаго роста, къ расширенію своей территоріи.

Въ обладаніи большимъ пространствомъ во многихъ случаяхъ мы находимъ объясненіе различной политической силы государствъ или областей. Двѣ области различной величины всегда даютъ перевѣсъ наибольшей, даже при сходныхъ географическихъ условіяхъ. Въ этомъ простомъ законѣ или выводѣ изъ фактовъ мы видимъ причину, почему умѣренныя страны Сѣверной Америки сильнѣе тѣхъ же странъ Южной Америки: дѣло заключается въ томъ, что первая расширяется въ этой части, а послѣдняя суживается. Область сѣверныхъ французовъ больше области южныхъ, и послѣдніе должны были подчиниться первымъ; по той же причинѣ англичане подчинили себѣ шотландцевъ, а сѣверные славяне стали сильнѣе южныхъ и западныхъ.

Стремленію къ расширенію даже сильныхъ государствъ, помимо естественныхъ преградъ, ставятъ предѣлы и другія государства. На этомъ основана такъ называемая „система политическаго равновѣсія“. Начало ея исходитъ изъ XVI вѣка, когда она была впервые придумана дипломатами, но на самомъ дѣлѣ она имѣетъ значеніе не одного лишь дипломатическаго соглашенія, а необходимаго послѣдствія борьбы за пространство. Мы видимъ ее во всѣхъ государственныхъ отношеніяхъ, какъ начало пространственнаго уравненія. Какъ скоро потребность въ расширеніи ощущается государствомъ, оно

старается достигнуть его, отнявъ территорію у сосѣда или пріобрѣтя въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Если расширеніе сосѣда начинаетъ угрожать его безопасности, оно заботится о томъ, чтобы ограничить это расширеніе. Случаи того и другого рода мы видимъ весьма часто. Пруссія увеличилась на счетъ Силезіи и Польши, чтобы занять мѣсто въ ряду великихъ державъ. Вся Европа боролась съ Наполеономъ, чтобы заставить Францію войти въ предѣлы равновѣсія. Австрія, утративъ провинціи въ Италіи, замѣстила ихъ провинціями на Балканскомъ полуостровѣ.

Система политическаго равновѣсія ведетъ къ образованію союзовъ, т.-е. договора двухъ или болѣе государствъ съ цѣлью охраненія соединенными силами своихъ предѣловъ отъ вторженія другихъ государствъ и предупрежденія новыхъ захватовъ со стороны послѣднихъ. Эти захваты не считается, впрочемъ, возможнымъ ограничивать въ другихъ частяхъ свѣта, въ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ колоній или гдѣ не затрогиваются интересы европейскихъ государствъ. На захваты эти смотрятъ менѣе ревниво, если они касаются странъ мало населенныхъ, необработанныхъ и лежащихъ далеко отъ культурныхъ центровъ. На самомъ дѣлѣ, не всякое увеличеніе пространства можетъ приносить непосредственную выгоду государству, которое имъ завладѣваетъ. Послѣднее должно имѣть достаточную силу, чтобы пользоваться имъ, и прежде всего достаточный избытокъ своихъ обитателей, чтобы населить его. Въ противномъ случаѣ, и обширныя пространства земли могутъ не приносить ему выгоды и даже ослаблять его, увеличивая протяженіе границъ, требующихъ защиты отъ сосѣдей. Отчасти эти невыгоды испытывала Россія, пріобрѣтая ненаселенныя, пустынныя пространства, прилегающія къ Ледовитому океану на сѣверѣ Европы и Азіи. Поэтому пространственное расширеніе можетъ имѣть лишь относительное значеніе, такъ какъ оно становится настоящимъ источникомъ силы государства лишь при достаточной населенности и должной эксплуатаціи природныхъ богатствъ этого пространства. Въ географическомъ смыслѣ, простѣйшимъ опредѣленіемъ политической важности его служитъ населенность, измѣряемая отношеніемъ числа жителей къ его площади.

Государство не должно непремѣнно подчинять своей власти новыя пространства для того, чтобы пользоваться ими. Оно можетъ усили-

ваться въ экономическомъ отношенiи, пользуясь областями, нуждающимися въ его сельскохозяйственныхъ или фабричныхъ произведенiяхъ. Это достигается путемъ изученiя сосѣднихъ и лежащихъ за ними областей. Люди были мало подвижны и боялись невѣдомыхъ пространствъ, пока не знали ихъ. Незнакомство дикаго человѣка съ мѣстностью, даже мало отдаленной отъ мѣста его обитанiя, иногда бываетъ поразительнымъ. Такъ, путешественники по Африкѣ жалуются, что имъ трудно было узнавать дорогу у народовъ земледѣльческихъ, вовсе не интересовавшихся тѣмъ, что̀ лежитъ за предѣлами того рынка, куда они привыкли возить для обмѣна свои продукты. Народы кочевые, перегоняющiе стада въ различныя времена года иногда на довольно большiя разстоянiя, въ этомъ отношенiи отличаются, къ своей выгодѣ, отъ народовъ земледѣльческихъ. Имъ знакомы обширныя области и ихъ обитатели, чѣмъ и обусловливаются, между прочимъ, ихъ подвижность и предпрiимчивость. Знакомство съ новыми областями ведетъ къ отысканiю путей сообщенiя, которые приводятъ къ наиболѣе важнымъ центрамъ этихъ областей. Проведенiе путей сообщенiя даже на собственной территорiи есть лучшiй способъ для настоящаго завладѣнiя и наиболѣе выгоднаго пользованiя ею. Поэтому проведенiе новыхъ усовершенствованныхъ путей сообщенiя всегда играетъ важную роль въ жизни государства. Исторiя помнитъ имена тѣхъ государей, которые заботились о проведенiи дорогъ, связывающихъ отдаленные пункты ихъ государства, и вмѣняетъ это имъ въ безсмертную заслугу. Есть цѣлые материки, не знавшiе никакихъ дорогъ, кромѣ пѣшеходныхъ тропинокъ, какъ Африка и Австралiя, и первымъ дѣломъ европейцевъ, поселявшихся на этихъ материкахъ, было проведенiе колесныхъ и желѣзныхъ путей и обращенiе водныхъ путей въ состоянiе, пригодное для судоходства. Большiя пространства, являясь извѣстнымъ обезпеченiемъ будущаго и извѣстной защитой въ военномъ отношенiи, должны быть сближены съ центральными, наиболѣе населенными мѣстностями, и это возможно только путемъ развитiя путей сообщенiя. Вслѣдствiе того, пути сообщенiя являются вторымъ важнымъ въ географическомъ отношенiи признакомъ, опредѣляющимъ культурное значенiе пространствъ, т.-е. пригодность ихъ для свободно развивающейся умственной и экономической жизни государства. Первыми пiонерами, прокладывающими новые пути, чаще

всего бываютъ торговцы, ищущіе сбыта для своихъ товаровъ. Не простое любопытство, котораго не могло быть у мало образованныхъ народовъ, боящихся невѣдомыхъ областей, а торговыя выгоды заставляли людей проникать въ сосѣднія страны, съ цѣлью обмѣнивать произведенія своей страны на произведенія мѣстныя. Новгородскіе купцы проникали въ западную Сибирь задолго до отрядовъ казаковъ, завоевавшихъ ее, и хорошо знали о пушныхъ богатствахъ Сибири. Этому стремленію въ новыя страны всего болѣе способствуетъ море, и потому изъ приморскихъ областей выходили открыватели новыхъ частей свѣта и новыхъ морскихъ путей. Это были люди, обладавшіе большой энергіей и силой воли, которыхъ мы не можемъ не цѣнить, если примемъ во вниманіе, что многіе изъ нихъ пускались въ дальнее плаваніе безъ компаса. Развитію такихъ характеровъ, ставившихъ себѣ цѣлью жизни открытіе и изслѣдованіе новыхъ странъ, содѣйствовалъ морской просторъ, на которомъ они выростали, и который неудержимо тянулъ ихъ въ неизвѣданную даль. Въ данномъ случаѣ они испытывали на себѣ вліяніе обширнаго пространства, какимъ является море; здѣсь мы лучше всего видимъ тотъ подъемъ духа, какой вызывается неограниченными пространствами. Подобное же дѣйствіе оказывала степь и даже пустыня, создавшія столько энергичныхъ и подвижныхъ народовъ. Именно моря и широкія равнины создали крупныя политическія силы.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, какое значеніе въ историческомъ, въ общественномъ и въ экономическомъ отношеніяхъ имѣетъ пространство для человѣка. Для того, чтобы дать правильное понятіе объ описываемой области, странѣ или части свѣта, географія не только должна отмѣчать это пространство, опредѣляя его площадь въ квадратныхъ линейныхъ мѣрахъ, напримѣръ, въ географическихъ миляхъ или километрахъ, но и должна стараться дать о немъ ясное представленіе, путемъ сравненія съ площадями, хорошо извѣстными учащемуся. Пространственныя отношенія всегда должны быть знакомы ему для истиннаго сужденія о значеніи изучаемыхъ областей.

ГЛАВА III.

Границы.

Пограничныя линіи и пограничныя полосы.—Границы въ древнее и въ наше время.—Исторія границъ.—Естественныя границы и ихъ значеніе.

Тамъ, гдѣ на земной поверхности встрѣчаются области, различныя по характеру или по формѣ, всегда возникаютъ границы; таковы, напримѣръ, берегъ—граница между моремъ и сушей, или граница горъ, гдѣ горы понижаются и переходятъ въ равнину. Такую же границу мы видимъ тамъ, гдѣ прерывается лѣсъ и начинается лугъ, причемъ пограничная линія определяется поднимающеюся стѣною лѣса, или на чертѣ города, гдѣ граница обозначена стѣнами городскихъ строеній. Но эти рѣзкія границы являются скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Такъ, напримѣръ, горы могли бы служить вполнѣ опредѣленной границей лишь въ томъ случаѣ, если бы гребень ихъ изображалъ собою непрерывное, острое ребро, но такъ какъ обыкновенно этого не бываетъ, то и горы даютъ лишь неопредѣленную или идеальную границу. Въ дѣйствительности, говоря о границахъ, приходится говорить не о линіяхъ, какими онѣ представляются на картахъ, а о полосахъ съ болѣе или менѣе опредѣленными краями. Даже и такія, повидимому, рѣзкія границы, какъ береговая линія или подножіе горы, подлежатъ измѣненіямъ: такъ, морской берегъ въ одномъ мѣстѣ можетъ разрушаться волнами, а въ другомъ увеличиваться отъ наносовъ, и горныя мѣстности могутъ измѣняться отъ размыванія. Слѣдовательно, всегда, когда мы говоримъ о границахъ, мы должны представлять себѣ извѣстную пограничную область, относительно которой пограничная линія является понятіемъ отвлеченнымъ. Это положеніе вещей признается всѣми правительствами: такъ, для ближайшихъ жителей около границы существуютъ особыя правила перехода черезъ нее, въ виду ихъ торговыхъ и экономическихъ интересовъ, правила болѣе легкія сравнительно съ установленными для жителей внутреннихъ областей.

И землевѣдѣніе, и международное право держатся пограничныхъ линій, преимущественно, потому, что онѣ подлежатъ болѣе точному опредѣленію, приближаясь къ наиболѣе яснымъ для насъ геометри-

ческимъ понятіямъ. Онѣ имѣютъ и педагогическое удобство, такъ какъ, вслѣдствіе хотя бы воображаемой опредѣленности, легче запечатлѣваются въ памяти. Но, не говоря уже объ условности многихъ такихъ границъ, мы всегда должны помнить, что линейныхъ границъ вообще не существуетъ въ природѣ. Тамъ, гдѣ она, повидимому, сама создаетъ такія границы, напримѣръ, на горахъ, на такъ называемой снѣговой линіи или границѣ древесной растительности, въ дѣйствительности, мы не видимъ чего-либо похожаго на математическую линію: тамъ, гдѣ кончается сплошная масса льда, ледъ виднѣется еще отдѣльными участками, и тамъ, гдѣ прекращается сплошной лѣсъ, продолжаютъ еще расти отдѣльныя деревья. Если задача проведенія линейной границы оказывается невыполнимой въ тѣхъ областяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ такими мало подвижными массами, какъ ледники или лѣса, то она еще болѣе усложняется, когда намъ приходится говорить о границахъ, раздѣляющихъ народы, т.-е. человѣческія массы, самыя подвижныя изъ всѣхъ живыхъ существъ. Если мы прослѣдимъ исторію установленія границъ съ древнѣйшаго доступнаго для насъ времени, то мы увидимъ, что онѣ были всегда областями или полосами, которыя постепенно суживались, долго еще оставаясь поприщемъ свободнаго движенія народовъ. Такое состояніе границъ мы можемъ видѣть теперь съ совершенною ясностью между областями, еще слагающимися, образующимися въ политическомъ отношеніи, каковы государства Африки и Америки. Поэтому, чтобы получить правильное понятіе о политическихъ границахъ, чтобы опредѣлить ихъ истинное значеніе, мы должны имѣть въ виду и границы языковъ, расъ, культуръ, религій и народнаго хозяйства, при чемъ отвлеченная или линейная граница неизбѣжно превращается въ представленіе о болѣе или менѣе широкой полосѣ. Не только современныя границы, установленныя дипломатическими трактатами, не представляютъ чего-либо дѣйствительнаго или реальнаго въ географическомъ смыслѣ, но и болѣе древнія границы, устанавливавшіяся силою вещей, соглашеніемъ самихъ народовъ, отражавшимися въ ихъ сознаніи особенностями смежныхъ областей, въ физическомъ или этнографическомъ отношеніи только намѣчаютъ ихъ взаимные предѣлы, оставляя болѣе или менѣе по обѣимъ сторонамъ границы широкія или смѣшанныя области. Народъ, быстро растущій, прежде всего перерастаетъ свои границы, которыя передви-

гаются, сообразно его движенію. Съ той стороны, съ которой границы должны быть болѣе прочными, благодаря сильному сосѣду, оберегающему ихъ, это движеніе не имѣетъ, повидимому, политическаго характера, являясь только экономическимъ; но тамъ, гдѣ граница не охраняется съ такой энергіей и постоянствомъ, она всегда легко раздвигается. Слѣдовательно, говоря о границахъ, мы всегда, въ сущности, говоримъ о границахъ двоякаго рода—объ идеальной линіи соприкосновенія двухъ областей и о прилежащей къ ней переходной области. Первая изъ нихъ отличается условной неподвижностью, а вторая болѣе или менѣе перемѣщается, то суживаясь, то расширяясь. Вслѣдствіе того, каждая граница по существу своему измѣнчива. Всего болѣе это можно сказать о границахъ народовъ, въ силу свойственной имъ подвижности; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государство отстаиваетъ прочность своихъ границъ, онѣ рѣдко остаются въ теченіе долгаго времени на одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ европейскія государства не одинъ разъ измѣняли свои границы, исключая одной Англіи, имѣющей лишь морскія границы. Въ виду того, мы должны видѣть въ политическихъ границахъ нѣчто измѣнчивое, даже и тогда, когда ими служатъ широкія рѣки или высокія горы. И въ природѣ онѣ мѣняются такими процессами, какъ вѣковое повышеніе и пониженіе массъ твердой земли или бурныя явленія, въ видѣ ураганов, разрушающихъ съ помощью волнъ морскіе берега, или землетрясеній и вулканическихъ изверженій. Измѣненія политическихъ границъ подходятъ скорѣе къ явленіямъ второго рода, такъ какъ причинами ихъ служатъ бурныя столкновенія народовъ, которыя мы называемъ войнами. Границы остаются въ спокойномъ или неподвижномъ состояніи только во время мира: каждая война заставляетъ передѣлывать карты, т.-е. проводить новыя границы. Истинное значеніе границъ всего нагляднѣе обнаруживается въ военное время. Тогда оказывается, что простой или единой границей можетъ быть названа только граница суши и моря; всѣ другія границы являются двойными, потому что наступившее военное положеніе чувствуется съ особенной силой по обѣимъ сторонамъ условной пограничной линіи и ощущается менѣе, по мѣрѣ удаленія отъ этой двойной полосы.

Политическія границы отдѣльныхъ областей вовсе не создаютъ изъ нихъ чего-либо цѣльнаго въ географическомъ смыслѣ. Уже, помимо

колоній, мы находимъ области, отличающіяся этнографическимъ характеромъ своего населенія и историческимъ прошлымъ отъ сосѣднихъ областей и стремящіяся къ единенію съ областями родственными имъ въ томъ или другомъ отношеніи. Таковы стремленія къ объединенію между расами, выразившіяся съ особенной силой въ войнахъ истекающаго столѣтія.

Границы между нынѣшними государствами созданы длинной культурной исторіей и представляютъ результатъ новѣйшихъ политическихъ отношеній. Чѣмъ болѣе мы отодвигаемся отъ новѣйшаго времени въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе видимъ мы пограничныхъ областей вмѣсто пограничныхъ линій. Чѣмъ ниже ступень культуры, на которой стоитъ народъ, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ необходимости въ проведеніи рѣзкихъ линейныхъ границъ. Математическая граница есть особенность высшей культуры, требующая помощи геодезіи и картографіи. Покидая материкъ Европы, мы не должны ожидать найти такія же точныя границы, и линіи ихъ, проводимыя на картахъ, должны представлять для насъ лишь приблизительныя разграниченія сосѣднихъ областей. Мы видимъ это не въ одной Африкѣ, гдѣ границы между государствами постоянно перемѣщаются и поэтому являются всегда только временными, но и въ Америкѣ. О Южной Америкѣ говорятъ, что къ ней надо было бы прибавить еще 30 тыс. кв. м., чтобы всѣ притязанія различныхъ государствъ относительно границъ могли быть удовлетворены. Всѣ государства и колоніи страдаютъ тамъ отъ неопредѣленности границъ, что̀, при европейскихъ воззрѣніяхъ на ихъ точность, всегда можетъ служить поводомъ къ столкновеніямъ, какъ это было недавно между Британской Гвіаной и Венецуэлой. И Сѣверная Америка не установила еще вездѣ точныхъ границъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ.

Древнія и некультурныя государства заботились не о линейномъ разграниченіи съ сосѣдями, а о созданіи нейтральной полосы, какою всего лучше могла быть пустыня или вообще необитаемая область. Они старались окружить себя такими областями и не допускать въ нихъ сколько нибудь плотнаго населенія, чувствуя себя лучше защищенными этими безлюдными пространствами. По соглашенію между сосѣдями, пограничная полоса могла служить только для охоты, т.-е. для временнаго поселенія. Подобными пограничными, безлюдными полосами любилъ окружать себя Китай; онъ установилъ между

собой и Кореей пограничную область, отъ 7 до 12 геогр. миль шириною, которая не должна была быть обитаема; сношенія между сосѣдями могли происходить лишь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ были поставлены ворота, открывавшіяся для торговли только три раза въ годъ. Необитаемыя области отдѣляли Китай и отъ индокитайскихъ государствъ.

Безлюдныя пограничныя области, занятыя пустыней или первобытнымъ лѣсомъ, въ еще большемъ распространеніи представляетъ намъ Африка. Всѣ описанія путешественниковъ говорятъ о нейтральныхъ областяхъ, ширина которыхъ иногда доходитъ до нѣсколькихъ сотъ верстъ. Онѣ даже не всегда устанавливаются путемъ соглашенія сосѣднихъ государствъ, а во многихъ случаяхъ образуются сами собою. Государства внутренней Африки постоянно находятся въ тревожномъ состояніи, такъ какъ имъ угрожаютъ многочисленные завоевательные народы, и если угроза переходитъ въ дѣло, населеніе, естественно, скучивается около центра страны, ища тамъ защиты; вслѣдствіе того, пограничная область еще болѣе расширяется и затѣмъ опять суживается по минованіи опасности. Едва ли нужно пояснять, что, при такомъ положеніи вещей, въ Африкѣ можетъ быть рѣчь только о взаимномъ положеніи государствъ и ихъ главныхъ центровъ, а никакъ не о политическихъ границахъ въ нашемъ смыслѣ.

Точно также мы должны понимать и границы между государствами Европы, когда читаемъ о нихъ въ древней и средней исторіи. Подъ этимъ именемъ историки могутъ разумѣть только пограничныя полосы, которыя всегда охотно устанавливали между собою воинственныя народности. Отсюда происходитъ употребительное въ германской исторіи названіе «марки», какое носили эти пограничныя полосы или пояса. Въ Европѣ эти полосы заняты были или дѣйствительно ненаселенными областями, или дремучими лѣсами. Мы можемъ видѣть въ нихъ нѣчто вполнѣ естественное, даже въ большей степени, чѣмъ наши такъ называемыя естественныя границы — горные хребты, рѣки или моря, такъ какъ обитаемыя области древняго времени соотвѣтствовали обитаемымъ областямъ въ природѣ—оазисамъ, лѣснымъ прогалинамъ и горнымъ долинамъ. Исторія заселенія каждой страны показываетъ, что сперва занимались свободныя пространства въ лѣсу, для которыхъ лѣсъ оставался естественной защитой, падая подъ топоромъ поселенцевъ по мѣрѣ того, какъ возрастала

у нихъ потребность въ свободной землѣ. Въ небольшомъ первоначально занимавшемся пространствѣ происходило сосредоточеніе и обособленіе его обитателей, превращеніе изъ случайнаго сброда людей въ органически связанное племя. Оно сожигало и расчищало лѣсъ по мѣрѣ надобности, сберегая его для охоты и какъ мѣсто убѣжища въ случаѣ нападенія. Даже тогда, когда охота сдѣлалась побочнымъ занятіемъ, уступивъ мѣсто земледѣлію, окружающая лѣсная полоса все еще поддерживалась въ цѣляхъ охраны. Въ мирное время ею мало пользовались, но не допускали въ нее постороннихъ, оберегая ее, какъ естественную защиту. Тамъ, гдѣ не было лѣса, съ такой же цѣлью охраняли смежную необитаемую область. Такой порядокъ соотвѣтствовалъ естественной замкнутости земледѣльческихъ племенъ и выразился всего нагляднѣе въ пограничныхъ областяхъ Китая, этого обширнѣйшаго изъ земледѣльческихъ государствъ. Пограничныя области служили и для торговли, такъ какъ земледѣльцы не хотѣли впускать въ мѣста своего обитанія чужеземцевъ, приходившихъ къ нимъ даже съ мирными, торговыми цѣлями. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, владѣнія извѣстнаго племени должны были разрастаться насчетъ этой нейтральной полосы и, подвигаясь въ ней, давать начало новымъ полосамъ, пока, наконецъ, граница не подходила къ владѣніямъ другого племени. Или въ пограничной области могли селиться другія племена, обладавшія достаточной силой, чтобы отстоять свое новое мѣстообитаніе. Такимъ образомъ, возникали пестрыя области заселенія, въ которыхъ мѣстности, обитаемыя родственными племенами, прерывались областями, гдѣ жили чуждыя имъ племена. Съ расширеніемъ населенныхъ мѣстностей пограничныя полосы постепенно суживались и приближались къ линейнымъ границамъ, имѣвшимъ иногда форму ломаной линіи, независимую отъ какихъ-либо естественныхъ раздѣленій, въ родѣ большихъ рѣкъ или возвышенностей. Это имѣло такой видъ, какъ-будто одна область вдается въ другую, но на самомъ дѣлѣ происходило отъ уничтоженія нейтральной полосы, нѣкогда занятой лѣсами или менѣе плодородными участками, имѣвшими свои собственныя границы, помимо орографическихъ. Согласно общему закону роста государствъ, границы ихъ разрастаются такимъ образомъ, что болѣе крупныя области захватываютъ границы болѣе мелкихъ. Въ отдѣльности границы странъ идутъ такъ же, какъ и границы провинцій и округовъ: какъ

въ послѣднихъ сливаются между собою границы общинъ, превращаясь въ границы округовъ, такъ и провинціальныя границы могутъ стать государственными. Исторія развитія границъ указываетъ намъ причину видимой неправильности ихъ у многихъ государствъ, въ особенности въ Средней Европѣ. Отсюда происходитъ и различіе между ломаными и извилистыми границами старыхъ европейскихъ странъ и прямолинейными границами областей Новаго Свѣта, проведенными по градусамъ широты и долготы.

Мы уже говорили, что въ первыя времена своего развитія государства не нуждаются въ точныхъ границахъ, такъ какъ сосредоточиваются около нѣкоторыхъ центральныхъ мѣстъ, откуда жизнь лишь постепенно приливаетъ къ окраинамъ. Но когда государство начинаетъ развиваться, когда для него является потребность точнѣе установить свои отношенія къ сосѣднимъ государствамъ, тогда оно начинаетъ заботиться объ установленіи не только точныхъ границъ, но и по возможности простыхъ и короткихъ. Установленіе границъ представляло не одинаковыя задачи въ разныя историческія времена. Европа настоящаго времени имѣетъ надобность въ иныхъ границахъ, чѣмъ Европа XVII вѣка, когда еще не было рѣчи ни о какихъ округленіяхъ и исправленіяхъ границъ. Границы старыхъ государствъ Европы могутъ быть названы продуктомъ долговременнаго уравниванія, и это исправленіе границъ продолжается и до сихъ поръ путемъ различныхъ обмѣновъ и уступокъ. Такимъ образомъ, каждая граница имѣетъ свою исторію, заключающуюся въ ея укрѣпленіи и сокращеніи, вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ ея отдѣльныхъ частей. Сомнительныя мѣста прочно устанавливаются, неблагопріятныя исправляются обмѣномъ или покупкой. Старая граница, установленная тщательной работой въ теченіе продолжительнаго времени, всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто болѣе точное, не такъ легко перемѣщаемое, какъ болѣе новая граница, т.-е. болѣе соотвѣтствуетъ прочности старыхъ государствъ.

Говоря о географическомъ положеніи, мы упоминали о томъ, что, при разъясненіи его, всегда слѣдуетъ касаться всей страны, насколько она представляется однимъ цѣлымъ. По поводу Франціи, мы указали, что она опирается на два моря и на горную цѣпь, которыя послужили, такъ сказать, рамкой для ея государственнаго развитія. Такіе предѣлы принято называть „естественными границами“, которыя

какъ-будто ставитъ сама природа. Дѣйствительно, онѣ существенно отличаются отъ границъ искусственныхъ или условныхъ, проводимыхъ человѣкомъ иногда помимо существующихъ въ природѣ раздѣленій или преградъ. Альпы разграничивали среднюю Европу отъ южной еще до появленія человѣка, и полярная граница лѣсовъ всегда будетъ отдѣлять обитаемую часть земли отъ необитаемой. Границы послѣдняго рода должны считаться наиболѣе естественными, такъ какъ перемѣщеніе или измѣненіе ихъ не зависитъ отъ воли человѣка. Тундры, пустыни и возвышенныя части горъ, лишенныя растительности, всегда будутъ рѣзко отдѣляться отъ обитаемыхъ мѣстъ, хотя и въ этомъ случаѣ мы, какъ уже упомянуто было выше, находимъ скорѣе пограничныя полосы, чѣмъ рѣзкія линіи. Пустыня, напримѣръ, можетъ быть обитаема на ея окраинахъ и поэтому не служитъ такой опредѣленной границей, какъ море. Даже и горы требуютъ искусственнаго установленія пограничной линіи: и самый рѣзкій горный гребень, и самый ясный водораздѣлъ могутъ давать поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ. Это можно видѣть въ исторіи установленія границъ Франціи и Испаніи. Казалось, Пиренеи представляютъ лучшую естественную границу, какую только можно желать, и между тѣмъ только во второй половинѣ XIX вѣка этимъ пограничнымъ государствамъ удалось придти къ соглашенію относительно раздѣляющей ихъ линіи, которая во многихъ мѣстахъ уклоняется отъ главнаго гребня и водораздѣла. И рѣки, какъ естественныя границы, имѣютъ лишь относительное значеніе. Онѣ перестаютъ рѣзко раздѣлять страны или области, лежащія по ихъ берегамъ, когда, какъ напримѣръ, европейскія рѣки, становятся настолько судоходными, что служатъ болѣе средствами соединенія, чѣмъ разобщенія. Едва ли можно назвать естественной границей такую рѣку, какъ Эльба, по которой ежегодно проходятъ 17 тыс. морскихъ судовъ и безчисленное число мелкихъ. Рѣки, въ особенности большія, раздѣляютъ вполнѣ лишь дикія страны, въ которыхъ судоходство мало развито или вовсе отсутствуетъ: такъ, жители области Конго почти ничего не знаютъ другъ о другѣ, живя какъ бы на островахъ моря. Горы, въ свою очередь, не всегда рѣзко раздѣляютъ народы, живущіе по обѣимъ сторонамъ ихъ: въ Европѣ различіе между народами, живущими въ областяхъ, прилегающихъ къ сѣверному и къ южному краямъ Альпъ менѣе значительно чѣмъ между народами къ С. и къ Ю. отъ Пиреней. Въ этомъ смыслѣ

естественными границами, поставленными самой природою и непреодолимыми для человѣка, можно назвать только границы между обитаемыми и необитаемыми областями, помѣщая между ними на первомъ мѣстѣ границу между сушею и моремъ, т.-е. морской берегъ. Поэтому, при указаніи границъ государства, надо ставить на первомъ мѣстѣ его морскія границы. Обратно сухопутнымъ, эти послѣднія бываютъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ онѣ длиннѣе, давая возможность пользоваться моремъ, какъ важнѣйшимъ изъ путей сообщенія и какъ источникомъ продовольствія. И какъ защита, морская граница имѣетъ большія преимущества надъ сухопутной. Всѣ перерывы однообразнаго протяженія суши, рѣки, озера, болота, горы, лѣса, могутъ служить защитою лишь для небольшихъ областей, въ родѣ рѣчныхъ, озерныхъ и болотныхъ островковъ, горныхъ вершинъ и лѣсныхъ прогалинъ. Болѣе обширныя страны могутъ лишь отчасти опираться на нихъ, и онѣ на самомъ дѣлѣ играютъ роль отдѣльныхъ валовъ, бастіоновъ и рвовъ. Хотя горныя и рѣчныя границы не бываютъ столь же извилистыми, какъ морскія, но и онѣ часто имѣютъ неправильную форму. Кромѣ того, онѣ измѣняются и силами природы, вслѣдствіе, напримѣръ, обмелѣнія рѣкъ или перемѣщенія ихъ русла, высыханія озеръ и болотъ и т. п. Степи и пустыни могутъ служить рѣзкими культурными границами, но, какъ естественныя границы, онѣ уступаютъ воднымъ, и въ смыслѣ опредѣленности, и въ смыслѣ защиты.

Границы, считающіяся естественными, какъ, напримѣръ, рѣки, въ различныя времена играли неодинаковую роль, и слава, какою онѣ пользуются въ этомъ отношеніи, можетъ иногда исходить изъ болѣе или менѣе отдаленнаго времени. Такъ, рѣки пользовались всегда большимъ вниманіемъ со стороны полководцевъ и военныхъ историковъ, какъ линіи защиты, и переходъ черезъ нихъ служилъ выраженіемъ нагляднаго успѣха военныхъ дѣйствій. Однако, и въ древнія времена, когда рѣки могли служить большей преградой, чѣмъ въ наши дни, многія изъ нихъ нуждались въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ для своей защиты. Рѣки могли быть полезны въ прежнее время, когда нужно было найти естественную линію для опредѣленія границы между двумя государствами или областями. Мы видимъ, напримѣръ, что Карлъ Великій всѣ границы своей имперіи провелъ отчасти по горамъ, но преимущественно по рѣкамъ. Для этой цѣли могли служить одинаково и большія, и малыя рѣки, и даже ручьи,

но въ послѣднихъ случаяхъ еще менѣе можетъ идти рѣчь объ естественныхъ границахъ. И большія рѣки теряли это значеніе при увеличеніи населенія ихъ береговъ и усиленіи судоходства. Это случилось даже съ Рейномъ, который долго считался естественной границей германскихъ и романскихъ народовъ. Мы видимъ теперь города, лежащіе другъ противъ друга на его берегахъ, уже совершенно слившимися между собою, какъ Кельнъ и Дейцъ, и не можемъ уже говорить о преградѣ, представляемой рѣкой, когда она болѣе, чѣмъ въ двадцати мѣстахъ, перерѣзана желѣзнодорожными мостами.

Еще менѣе точности и правильности представляютъ озерныя границы. На Баденскомъ озерѣ сходятся Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Австрія, Тургау и Сенъ-Галленъ, и границы ихъ на самомъ озерѣ не опредѣлены никакими трактатами. Граница между Франціей и Швейцаріей проведена по срединѣ Женевскаго озера, какъ линія между двумя перпендикулярами, опущенными отъ устья двухъ ручьевъ, т.-е. вполнѣ воображаемая. И граница между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Канадой проходитъ по срединѣ озеръ.

Горныя границы могутъ служить дѣйствительными преградами лишь до тѣхъ поръ, пока государство умѣщается въ своихъ предѣлахъ и не перерастаетъ ихъ. Населеніе его поднимается по скатамъ горъ и переходитъ на другой склонъ, если онъ не отдѣленъ необитаемыми высотами. Въ такомъ случаѣ является необходимость точнаго разграниченія его съ государствомъ, лежащимъ по ту сторону горъ. Если раздѣленіе недостаточно выражено самимъ строеніемъ горы, то для пограничныхъ линій приходится прибѣгать къ водораздѣлу рѣкъ, хотя и этотъ послѣдній можетъ иногда вести къ недоразумѣніямъ. Несмотря на видимую ясность разграниченія, и здѣсь могутъ возникать искусственныя границы, отступающія отъ естественныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, напримѣръ, когда границы общинъ не совпадаютъ съ государственными.

Мы видимъ отсюда, что такъ называемыя естественныя границы далеко не всегда имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ искусственныя. Политическая географія должна поэтому считаться съ границами въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ установлены трактатами, признавая ихъ болѣе или менѣе цѣлесообразными, въ зависимости отъ

ихъ большей или меньшей характерности, какая сообщается имъ водою или лѣсомъ, горою или долиной. Граница, впрочемъ, получаетъ значеніе естественной не только отъ формъ поверхности, но и отъ различія обитателей смежныхъ областей. Вообще, значеніе границы оцѣнивается ея органическою связью съ государствомъ. Границы, въ своемъ цѣломъ, во многомъ опредѣляютъ политическую силу государства. Открытая граница является источникомъ слабости для него, но послѣднее тѣмъ меньше страдаетъ отъ нея, чѣмъ опредѣленнѣе другія границы и чѣмъ болѣе средствъ къ защитѣ онѣ представляютъ. Такъ, для Франціи, въ виду ея морскихъ и горныхъ границъ, открытая граница съ Лотарингіей менѣе опасна, чѣмъ граница Германіи съ Россіей. Въ виду сказаннаго, мы можемъ получить ясное понятіе о достоинствѣ границъ изъ отношенія сухопутныхъ, всегда менѣе опредѣленныхъ и мѣняющихъ свое значеніе, и морскихъ границъ. Такъ, Германія имѣетъ 32% береговой границы, явно уступая въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, имѣющимъ 46% береговой границы.

Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что естественная граница не всегда бываетъ наилучшей. Качество границъ зависитъ отъ характера и силы государства, для котораго онѣ играютъ эту роль. Кромѣ границъ моря и пустыни, граница представляется болѣе или менѣе сильной, помимо ея естественнаго значенія, если государство заставляетъ безусловно уважать ее, но она выигрываетъ въ своемъ качествѣ, когда совпадаетъ съ естественнымъ предѣломъ и захватываетъ его въ себя. Если она не идетъ по гребню водораздѣла, она должна переходить черезъ него; рѣчная граница должна захватывать и рѣку. Береговая граница должна заключать въ себѣ и острова, лежащіе передъ берегомъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣть свободный доступъ къ нимъ; идя по берегу пролива, она должна занимать весь берегъ одной стороны его и имѣть, по меньшей мѣрѣ, опорный пунктъ на другомъ берегу или на близъ лежащемъ островѣ. Однимъ словомъ, граница должна быть проведена такъ, чтобы въ предѣлы государства были включены участки морского берега, и устья большихъ рѣкъ. Еще болѣе она должна стремиться къ тому, чтобы охватывать ближайшее населеніе одинаковаго происхожденія съ главнымъ населеніемъ государства. Ради удобства защиты, для нея выгоднѣе, если по близости отъ нея нѣтъ большихъ промышленныхъ

городовъ. Если пограничная линія не можетъ приблизиться къ своему идеалу, т.-е. къ линіи, по возможности короткой, то вершины ея угловъ и выпуклости дугъ должны быть обращены въ сторону сосѣдняго государства.

Границы считаются лучшими или худшими, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ легкости или трудности ихъ защиты. Въ этомъ, помимо ясности разграниченія, заключаются и качества естественныхъ границъ. Граница, не представляющая естественной защиты, въ видѣ моря или горъ, требуетъ укрѣпленія, а въ прежнія времена требовала даже особаго воинственнаго населенія, на которое возлагалась обязанность охраненія границъ, за что ему предоставлялись извѣстныя льготы. Такое значеніе имѣли казаки, охранявшіе предѣлы русскаго государства отъ нападеній турокъ и кочевниковъ восточныхъ степей. Во времена еще болѣе раннія отсутствіе естественныхъ преградъ замѣнялось валами, которые любили строить римляне, или даже стѣнами на большихъ протяженіяхъ, въ родѣ знаменитой Китайской стѣны.

Хотя границы, естественно, находятся въ тѣсной связи съ пространствомъ государства, но протяженіе ихъ у большого государства относительно меньше, чѣмъ у малаго: такъ, границы Германской имперіи, по отношенію къ площади государства, въ 82 раза короче, чѣмъ границы владѣній города Базеля. Изъ того, что мы говорили о преимуществахъ короткихъ границъ, легко видѣть, насколько въ этомъ случаѣ выгода остается за большимъ государствомъ. Подобное сравненіе пограничной линіи съ площадью государства порицается многими географами, какъ сравненіе величинъ неоднородныхъ; но политическая географія не можетъ отказаться отъ него, потому что оно освѣщаетъ для нея отношеніе площади государства, какъ геометрической фигуры, къ его окружности или периферіи. Другими словами, чтобы получить ясное представленіе о пространствѣ государства, важное значеніе котораго мы разъяснили выше, мы должны имѣть такое же отчетливое представленіе и объ его фигурѣ, т.-е. о линіи, ограничивающей его.

Въ этомъ геометрическомъ смыслѣ мы и говоримъ о правильныхъ или неправильныхъ границахъ. Государство имѣло бы самую правильную границу, если бы оно представляло форму круга, въ центрѣ котораго находилась бы столица; но такихъ государствъ не суще-

ствуетъ, и каждая болѣе или менѣе длинная пограничная линія выказываетъ неправильности, т.-е. уклоненія отъ прямой линіи, связывающей два отдѣльныхъ пограничныхъ пункта. Эти отклоненія, вмѣстѣ взятыя, можно назвать развитіемъ или удлиненіемъ пограничной линіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о развитіи линіи морского берега. Смотря по степени своего развитія или расчлененія, границы раздѣляются на болѣе или менѣе расчлененныя. Вообще границы можно раздѣлить на четыре типа: 1) прямолинейный, 2) слегка расчлененный, 3) сильно расчлененный и 4) разорванный. Границы перваго типа идутъ по прямой, вторыя по волнистой или изогнутой линіи, третьи охватываютъ особыя периферическія области и четвертыя совершенно выдѣляютъ включенныя или исключенныя изъ нихъ области.

Кромѣ значенія границъ по отношенію къ сосѣднему государству, онѣ играютъ весьма важную роль въ экономической и умственной жизни государства, какъ периферическій или наружный органъ его, въ родѣ той, какую играютъ внѣшніе покровы у животнаго или растенія. Черезъ границу происходитъ постоянный обмѣнъ духовныхъ и матеріальныхъ произведеній двухъ сосѣднихъ государствъ; вслѣдствіе того, прилегающая къ ней область живетъ особенно возбужденной, такъ сказать, двойной жизнью, и въ ней существуютъ учрежденія особаго рода, въ родѣ таможенъ, пограничной стражи, заставъ, укрѣпленій и т. под. Эти наружные органы государства надѣлены особой чувствительностью, почему именно въ нихъ всего осязательнѣе ощущается сила или слабость государства. Въ первомъ случаѣ потребность роста этого послѣдняго въ пограничной области выражается всего ощутительнѣе, такъ какъ именно ей предстоитъ увеличиться въ случаѣ новаго приращенія, и, наоборотъ, она должна податься назадъ, когда государство пришло уже къ періоду уменьшенія своей поверхности.

Изученіе формы государства нельзя отдѣлить отъ изученія его границъ, которыя, помимо отношенія ихъ къ его пространству, имѣютъ отношеніе къ его географическому положенію, опредѣляющемуся его очертаніемъ. Мы видимъ здѣсь непосредственную, тѣсную связь всѣхъ географическихъ элементовъ или составныхъ частей государства, какъ географическаго цѣлаго. Для изученія его, мы должны имѣть опредѣленное понятіе не только объ его пространственныхъ

размѣрахъ и о положеніи его на земномъ шарѣ и по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ, но и ясное представленіе объ его формѣ. Послѣдняя должна быть изучена и сама по себѣ, и по отношенію къ сосѣднимъ обитаемымъ или необитаемымъ областямъ.

ГЛАВА IV.

Строеніе поверхности.

Формы поверхности съ точки зрѣнія физической и политической географіи.—Горы по отношенію ихъ къ сосѣднимъ народамъ.—Горные проходы и долины.—Горныя государства.—Типъ и характеръ горныхъ народовъ.—Плоскогорья и роль ихъ въ исторіи культуры.—Равнины.—Значеніе ихъ въ исторіи человѣчества.—Кочевые и земледѣльческіе народы.

I. Горы и плоскогорья.

Физическая географія занимается одинаково изученіемъ возвышенностей и впадинъ земли, наполненныхъ или ненаполненныхъ водою, при чемъ въ моряхъ и озерахъ она тщательно отмѣчаетъ глубины, чтобы составить себѣ ясное понятіе о формахъ ихъ дна. Политическая географія сосредоточивается лишь на материкахъ и островахъ, т.-е. частяхъ суши, выступающихъ изъ моря, касаясь послѣдняго только какъ жидкой среды, раздѣляющей твердыя части земной поверхности. Для нея безразлично, какія глубины оказываются въ моряхъ, раздѣляющихъ части суши: такъ, напримѣръ, измѣреніе глубинъ моря, открывшее въ Тихомъ океанѣ глубину въ 9400 метр., не имѣло для нея значенія, такъ же, какъ для исторіи Греціи — наибольшая глубина Средиземнаго моря (4400 мет.) въ восточной части Іонійскаго моря. Единственное исключеніе, когда глубина моря имѣетъ важность для обитателей суши, а слѣдовательно, и для политической географіи, представляетъ глубина полосы моря, прилегающей непосредственно къ берегу. Это значеніе зависитъ отъ характера и разнообразія животной жизни въ] прибрежной полосѣ, отражающейся на продовольствіи, торговлѣ и населенности береговъ. Близость къ берегу мелей, богатыхъ рыбою, въ родѣ Ньюфаундлендской,

вызываетъ усиленное скопленіе людей и пріобрѣтаетъ большую промышленную важность. Такъ какъ для объясненія настоящаго распредѣленія суши и воды намъ приходится обращаться къ прошлому, то можно сказать, что морское дно отражается до извѣстной степени и въ исторіи. Политическая географія не можетъ ограничиться опредѣленіемъ направленія горнаго хребта относительно странъ свѣта, измѣреніемъ его высоты и изученіемъ его строенія, но должна еще поставить себѣ вопросы, насколько эти горы обитаемы, какое онѣ имѣютъ значеніе для путей сообщенія и для сосѣднихъ народовъ и государствъ. Опредѣленіе высоты надъ уровнемъ моря сохраняетъ свою важность и въ политической географіи, но средними цифрами высоты материковъ она не можетъ пользоваться въ той же степени, какъ географія физическая. Такъ, зная, что средняя высота Европы равняется 280 мет., а Африки—670, мы представляемъ себѣ только, что большая часть Африки является плоскогорьемъ, а Европы—низменностью. Но Сѣверная Америка имѣетъ среднюю высоту приблизительно равную Африкѣ (600 мет.), и мы ошибочно заключили бы отсюда, если бы предположили, что первая по своему строенію имѣетъ сходство съ послѣдней: на самомъ дѣлѣ, въ Африкѣ преобладаютъ плоскогорья, а въ Америкѣ—высокія горы и низины. Преобладаніе извѣстнаго уровня высоты въ государственной области важно для насъ лишь въ томъ смыслѣ, насколько оно благопріятно или неблагопріятно ея политической силѣ, насколько оно увеличиваетъ или уменьшаетъ ея плодородіе и населенность. Для физическаго географа средняя высота Испаніи (660 мет.) только сближаетъ ее съ Африкой, а для политическаго кажется болѣе важнымъ обстоятельствомъ, что въ этой странѣ слишкомъ много горъ въ сравненіи съ пространствомъ равнинъ и недостаточно рѣкъ для ея большого протяженія.

Такимъ образомъ, для политической географіи на первый планъ выступаютъ не высоты, а формы поверхности, при чемъ послѣднія обусловливаютъ вліяніе первыхъ. Мы наблюдаемъ, напримѣръ, такой фактъ: вообще, низменности гуще населены, чѣмъ возвышенности, но уменьшеніе населенія не находится въ прямомъ отношеніи къ увеличенію высоты. Населеніе бываетъ обыкновенно всего гуще на нѣкоторомъ среднемъ уровнѣ высоты низменности. Въ Германіи, напримѣръ, наиболѣе низменныя полосы, лежащія у самаго моря,

менѣе населены, чѣмъ болѣе возвышенныя, находящіяся позади ихъ. Другое уклоненіе отъ уменьшенія населенія съ высотою заключается въ томъ, что многія горы выказываютъ лишь мѣстное увеличеніе населенія: горы, поднимающіяся въ пустыняхъ, лучше орошены и плодороднѣе прилежащихъ мѣстностей и поэтому болѣе населены. И причины промышленнаго характера, какъ, напримѣръ, минеральныя богатства, содѣйствуютъ скопленію населенія на высокихъ ступеняхъ горъ. Но въ общемъ горныя страны населены рѣже низменныхъ въ томъ же поясѣ: между тѣмъ, какъ въ Швейцаріи мы находимъ 71 обитателя на квадратный километръ,—въ Бельгіи ихъ 207.

Горы представляютъ совершенно иныя условія для обитанія человѣка въ сравненіи съ низинами. Съ ними связаны климатическія различія, уменьшеніе температуры и увеличеніе осадковъ вмѣстѣ съ высотою. Чѣмъ климатъ страны однообразнѣе, тѣмъ болѣе поднимающіяся въ ней горы играютъ роль климатическихъ острововъ. Въ сущности, климатъ въ горахъ на извѣстныхъ высотахъ равномѣрнѣе, чѣмъ на плоскогорьяхъ и въ низинахъ. Въ сухихъ климатахъ мѣстность тѣмъ здоровѣе, чѣмъ она выше. Въ этомъ смыслѣ многія горныя мѣстности можно поставить рядомъ съ низинами другихъ климатовъ. Такъ, пастбища внутренней Аравіи, обрабатываемыя возвышенности Судана и плоскогорья Южной и Средней Америки принадлежатъ къ однороднымъ географическимъ явленіямъ. Возвышенности въ 3—4 тыс. метровъ, какъ, напримѣръ, на сѣверномъ краѣ Индіи и въ тропической Южной Америкѣ, представляютъ лежащіе другъ надъ другомъ пояса жаркаго, умѣреннаго и холоднаго климатовъ, оказывающіе то или другое вліяніе на человѣка: подобно поясамъ растеній, они представляютъ и пояса народовъ. Мы можемъ видѣть это наглядно въ населеніи средней Азіи, гдѣ выступаютъ три формы или ступени поверхности, и имъ соотвѣтствуютъ три формы государствъ. Внутри горъ мы находимъ грубые пастушескіе и земледѣльческіе народы. На окраинѣ горъ тѣснятся плотныя земледѣльческія, промышленныя и торговыя населенія въ самомъ пестромъ смѣшеніи. Далѣе, по ту сторону культурныхъ пространствъ, въ степи разсѣяны номады. Въ нашей Средней Азіи народныя массы распредѣляются такимъ образомъ, что въ Степной области (безъ Семирѣченска) и въ Закаспійской области приходится только 0,5 — 1,4 обитателей на 1 кв. килом., 1,7 — 2,2 въ об-

ласти Сыръ-Дарьи и Семирѣченскѣ и 7,7—9,3 въ Ферганѣ и Самаркандѣ. Въ Хивинскомъ и Бухарскомъ оазисахъ приходится въ первомъ 8, а въ послѣднемъ 6 на 1 кв. км. Съ удаленіемъ въ горы населеніе быстро уменьшается и въ Памирскихъ областяхъ, Рошанѣ, Ваханѣ и Шугнанѣ, доходитъ, вѣроятно, до низкихъ цифръ степныхъ областей. Соотвѣтственно тому, мы находимъ самыя сильныя государства въ переходныхъ областяхъ и въ оазисахъ, гдѣ Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ и Хива являются древними политическими и отчасти культурными центрами; рѣдко населенныя степи облегчили для Россіи доступъ внутрь Средней Азіи, а мелкія горныя государства никогда не имѣли настоящей самостоятельности, которая теперь уже окончательно исчезла, благодаря раздѣлу ихъ между Россіей, Англіей и Афганистаномъ.

Сами народы всегда понимали эти различія между возвышенностями и низменностями и выражали эти различія въ названіяхъ мѣстностей, отмѣчающихъ ихъ. Мы видимъ это въ языкахъ всѣхъ народовъ, въ области обитанія которыхъ существовали противоположности высокихъ и низкихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, въ названіяхъ Верхняя и Нижняя Германія, Верхняя и Нижняя Саксонія, Верхніе и Нижніе Альпы, Гайлэндъ и Лаулэндъ въ Шотландіи, Абруццы и Кампанія въ Италіи и т. п.

Въ горахъ существуютъ внутреннія различія строенія, оказывающія различныя дѣйствія на исторію народовъ. Крутой спускъ Альпъ во внутреннюю сторону, т.-е. въ сторону Италіи, облегчалъ движеніе сверху въ низину рѣки По и затруднялъ переходъ въ эти горы въ противоположномъ направленіи, гдѣ возвышенности, плоскогорія и глубокія рѣчныя долины окружаютъ наружный край Альпъ. Этотъ переходъ внутрь горъ легче, однако, въ западныхъ Альпахъ, чѣмъ въ восточныхъ, передъ которыми находится еще южная Альпійская цѣпь. Сжатое строеніе Альпъ на западѣ соединяетъ препятствія на узкомъ пространствѣ, гдѣ ихъ легче было преодолѣть, тогда какъ на востокѣ расширяющіяся горы представляли препятствія, хотя и менѣе значительныя, но на пространствѣ болѣе обширномъ.

Различіе между горами для политической географіи заключается, впрочемъ, не только въ ихъ высотѣ, но и въ большей или меньшей возможности сообщенія черезъ нихъ, въ существованіи большаго или

меньшаго числа удобныхъ горныхъ проходовъ. Въ Альпахъ вообще проходы ниже въ восточной сторонѣ ихъ, а въ Гималаяхъ, наоборотъ, въ западной. Проходы всегда находятся въ связи съ долинами и рѣками, образующими ведущія къ нимъ дороги. Долина Рейса и долина Тичино—естественные пути къ Сенъ-Готардскому проходу; если бы Иннъ и Эчъ не прорѣзывали сѣверныхъ и южныхъ Альпъ, Брэннерскій проходъ не имѣлъ бы принадлежащаго ему важнаго значенія. Гдѣ сходятся такіе проходы, тамъ возникаютъ средоточія мирныхъ сношеній и воинственныхъ предпріятій; таковы: Валлисъ, въ Швейцаріи, долина Верхняго Мурра и пр. Проходы имѣютъ большее или меньшее значеніе, смотря по тому—перерѣзываютъ ли они всю горную цѣпь, или только часть ея; такъ, римлянамъ достаточно было пройти черезъ гору Женевръ, чтобы очутиться въ Галліи. Нѣкоторые проходы идутъ черезъ поперечные гребни горы, какъ, напримѣръ, Арльбергскій проходъ, раздѣляющій Тироль и Форарльбергъ, т.-е. облегчающій переходъ изъ сѣверныхъ въ центральные Альпы. Такіе проходы важны для внутреннихъ сношеній въ горахъ, устанавливая связь между большими продольными долинами горныхъ складокъ, областей плодородія и наиболѣе оживленной и обезпеченной жизни въ горахъ. Такъ, проходъ Фурка соединяетъ Валлисъ съ верхней долиной Рейна. Въ этихъ проходахъ мы видимъ, что они служатъ не только путями временнаго сообщенія, но и настоящими жизненными путями горъ. Вдоль проходовъ поселенія и земледѣліе поднимаются на такую высоту, гдѣ иначе они едва ли бы развились, и самыя высокія мѣста обитанія въ горахъ лежатъ въ самыхъ проходахъ или около нихъ. Историческую роль ихъ мы видимъ и въ древней исторіи, когда римляне основывали въ нихъ свои военныя колоніи, и въ новѣйшей изъ той важности, какую, напримѣръ, англичане придаютъ проходамъ въ Гималаяхъ.

Еще большее значеніе въ смыслѣ сообщенія имѣютъ горныя долины, въ особенности, когда по нимъ протекаютъ большія рѣки. Даже и высокія горы съ немногочисленными проходами могутъ получать, благодаря имъ, доступность для населенія прилегающихъ долинъ или склоновъ. То же самое можно сказать обо всѣхъ рѣчныхъ долинахъ, даже относящихся къ равнинамъ. Важность ихъ для сообщенія между сосѣдними населеніями зависитъ отъ рельефа почвы, и текущія въ нихъ воды только облегчаютъ сношенія простѣйшимъ

видомъ ихъ—плаваньемъ на судахъ. Качество равнинъ въ этомъ отношеніи бываетъ различнымъ, смотря по тому,—имѣемъ ли дѣло съ верхней, горной частью, или нижней, низменной. Направленіе рѣчныхъ долинъ часто бывало рѣшающимъ для извѣстныхъ мѣстностей, вызывая возникновеніе въ нихъ городовъ, какъ мы видимъ это въ долинахъ Рейна, Роны и многихъ другихъ европейскихъ рѣкъ. Особенное значеніе пріобрѣтаютъ соединенія двухъ долинъ, орошаемыхъ большими рѣками, какъ напримѣръ это при сліяніи Роны и Сены, обусловившемъ процвѣтаніе Ліона, второго города Франціи. Происхожденіе такихъ важныхъ пунктовъ объясняется тѣмъ, что въ мѣстѣ встрѣчи двухъ рѣкъ мы находимъ всегда два наклона, и, когда встрѣчаются большія рѣки, то въ этомъ мѣстѣ соприкасаются и въ образующейся общей долинѣ соединяются обширныя области. Форма долины, кромѣ того, не ограничивается какимъ-либо однимъ потокомъ, а часто повторяется и въ рѣкахъ, вливающихся въ него, образуя такъ называемую рѣчную систему. Такъ образуются рѣчные бассейны, извѣстныя мѣста которыхъ пріобрѣтаютъ большую важность, благодаря сочетанію рѣчныхъ долинъ. Подобному сопоставленію обязана своимъ положеніемъ Вѣна, у которой соединяются южный склонъ области Мархіи, склонъ Судетовъ и восточной склонъ области Дуная, начинающійся у Шварцвальда.

Въ виду различій для человѣческой жизни, какія представляютъ горы и равнины, мы находимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возвышенная форма переходитъ въ ровную, границу между двумя областями, имѣвшими неодинаковую историческую судьбу. Обыкновенно, у подножія горъ разстилаются равнины, тяготѣющія къ иному центру, независимо отъ сосѣднихъ горъ. Жители равнины могутъ слагаться въ большія государства, осуществлять задачи, представляющіяся имъ въ ихъ исторической жизни и почти не касаться живущихъ надъ ними горныхъ народовъ, продолжающихъ свое уединенное, самобытное существованіе помимо сосѣдней равнины. Римляне долгое время не проникали въ Альпы и только постепенно включили ихъ въ свои предѣлы, сперва съ юга и затѣмъ съ запада и съ сѣвера. Австрія, Италія, Германія и Франція всегда соприкасались съ Альпами и даже опирались на нихъ, но центръ тяжести ихъ лежалъ въ сторонѣ отъ этихъ горъ. То же самое мы видимъ и въ

этнографическихъ областяхъ: кельтскіе, романскіе, германскіе и славянскіе народы поднимались въ Альпы и селились тамъ, но исторія ихъ шла независимо отъ этихъ горныхъ соплеменниковъ.

Малая доступность нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностей, вслѣдствіе ихъ возвышеннаго положенія, крутизна подъема и отсутствіе долинъ, облегчающихъ доступъ къ нимъ, давала возможность образованія самостоятельныхъ народовъ, сохранявшихъ свою независимость даже и въ томъ случаѣ, когда сосѣднія равнины заняты были сильными завоевательными народами. Эти горные народцы живутъ въ своихъ высокихъ долинахъ, какъ на островахъ, замкнутые отъ всякихъ сообщеній съ сосѣдями, лишенные даже стремленій къ какимъ бы то ни было сношеніямъ съ ними. Примѣры такихъ народовъ мы видимъ во многихъ кавказскихъ племенахъ, какъ, напримѣръ, въ сванетахъ, которые, въ количествѣ 12 тысячъ человѣкъ, живутъ у истоковъ рѣки Ингера и говорятъ на языкѣ, непонятномъ для сосѣднихъ съ ними соплеменниковъ. Такіе же народные островки представляютъ собою живущіе въ средней, возвышенной области Кавказа тушины, пшавы и хевсуры. Шире распространены осетины, занимающіе верхнія долины, кругомъ Казбека; языкъ ихъ, будучи вѣтвью персо-армянскаго языка, далеко уклонился отъ него, такъ же, какъ и религія далеко отошла отъ христіанства. И въ другихъ странахъ мы можемъ видѣть, насколько сходныя географическія условія создаютъ сходныя этнографическія явленія. Ту же картину, какую показываетъ намъ обширный и величественный Кавказъ, мы видимъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ на небольшомъ островѣ Корсикѣ. Тамъ въ каждой долинѣ создавалось маленькое государство, которое примѣняло на свободѣ обычай кровавой мести и вело настоящую разбойничью жизнь. Какъ говоритъ одинъ изъ знатоковъ Корсики объ этихъ обитателяхъ недоступныхъ горныхъ уголковъ, присоединеніе ихъ къ культурѣ прежде всего должно было бы начаться съ ихъ обезоруженія. Въ гористомъ Афганистанѣ только сильнымъ властителямъ удается объединить живущія тамъ горныя племена. Гдѣ бы мы ни видѣли эти самостоятельные горные народы, мы всегда находимъ у нихъ присущую имъ самобытность: они живутъ внѣ времени, внѣ культурныхъ теченій сосѣднихъ равнинныхъ областей. Только жизнь въ горной мѣстности даетъ намъ объясненіе самостоятельности и суровости нравовъ спартанцевъ. Таковы же были и шотландскіе горцы, которые еще въ

XIII вѣкѣ отстаивали свои нравы и свой языкъ. Самобытность и простота нравовъ, какія отличаютъ горцевъ, явились послѣдствіями ихъ уединенной жизни и борьбы съ тяжелыми естественными условіями. По большей части, они не добровольно, очутились въ мѣстностяхъ, менѣе пригодныхъ для жизни человѣка, чѣмъ плодородная равнина: они были вытѣснены туда сильными завоевателями, въ мѣста, наименѣе удобныя, и, приспособившись къ жизни въ этихъ послѣднихъ, воспользовались ихъ недоступностью для сохраненія своей независимости. Эти особыя условія создали изъ нихъ этнографическій типъ, рѣзко отличающійся отъ жителей равнины. На самомъ дѣлѣ, жизнь на горахъ, даже и въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, сопряжена съ трудностями, не существующими въ низинахъ. Уже одно движеніе по наклонной поверхности требуетъ особаго напряженія организма. Къ этому надо присоединить уменьшеніе тепла и содержанія кислорода въ воздухѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скудость растительной и животной жизни на возвышенностяхъ. Подъемъ на высокую гору оказываетъ вредное физіологическое дѣйствіе, выражающееся мышечнымъ утомленіемъ, соединеннымъ съ повышеніемъ температуры, съ сердечнымъ утомленіемъ, ведущимъ къ расширенію сердца, и нервнымъ утомленіемъ, заканчивающимся полнымъ упадкомъ силъ. У человѣка непривычнаго можетъ произойти при этомъ особое недомоганіе, называемое „горной болѣзнью“, вызываемое уменьшеніемъ количества кислорода и углекислоты въ крови, вслѣдствіе разрѣженія и уменьшенія теплоты воздуха. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что въ Альпахъ, даже ниже 2,000 метр., въ крови человѣка увеличивается число кровяныхъ тѣлецъ, т.-е. происходитъ сгущеніе крови.

При постоянной жизни въ горахъ въ теченіе многихъ поколѣній, организмъ человѣка приспособляется къ ней, но претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія такъ же, какъ и его характеръ. Жизнь въ горахъ прежде всего физически закаляетъ человѣка, независимо отъ его воли, такъ какъ безъ такого закала въ горахъ жить нельзя. Далѣе, она развиваетъ мужество и выносливость, что можно видѣть въ горахъ и у пастуховъ, и у охотниковъ, даже у дровосѣковъ. При этомъ близость къ безлюднымъ областямъ ледниковъ, скалъ и лѣсовъ, дѣйствуя наподобіе близости дремучаго лѣса или моря, развиваетъ чувство свободы. Отъ постояннаго общенія съ природой, духъ человѣка

становится свободнѣе и самостоятельнѣе; онъ сживается съ окружающимъ и не легко привыкаетъ къ новымъ условіямъ. Наконецъ, у жителей замкнутой долины, вслѣдствіе общихъ опасностей и лишеній, устанавливается болѣе тѣсная близость, чѣмъ у жителей равнины. Уединеніе горъ, подобно пустынямъ, располагаетъ и къ развитію религіознаго чувства. Кромѣ этихъ особенностей характера, горцы обладаютъ и нѣкоторыми, исключительно свойственными имъ физическими признаками. Ихъ всегда изображаютъ коренастыми и приземистыми. Такими путешественники описываютъ обитателей горъ въ Африкѣ и Меланезіи. Существуютъ наблюденія, относящіяся еще къ началу нашего столѣтія, что нѣкоторые горные народы, какъ, напримѣръ, обитатели южно-американскихъ Андъ, отличаются сильнымъ развитіемъ грудного ящика; это приписывается необходимости усиленной дѣятельности легкихъ и грудныхъ мышцъ, вслѣдствіе разрѣженности тамошняго воздуха.

Эти особенности горныхъ народовъ, зависящія отъ дѣйствія на нихъ географическихъ условій, происходятъ отъ того, что нигдѣ въ другихъ мѣстностяхъ, даже на островахъ, мы не находимъ столь же изолирующихъ условій, какъ въ горахъ. Острова посѣщаются сосѣдями и мимо идущими судами, и часть пришельцевъ остается тамъ, но въ горахъ этого не бываетъ, и поэтому онѣ даютъ начало болѣе характернымъ этнографическимъ типамъ. Съ рѣзко опредѣленной физіономіей эти народы выступаютъ и въ исторіи. Ретійцы въ Альпахъ и корсиканцы казались древнимъ писателямъ упрямыми и непокорными, и такой же славой пользовались впослѣдствіи швейцарцы и тирольцы. Если подобные народы выказывали себя въ исторіи преимущественно со стороны своей способности къ сопротивленію, а не къ нападенію, то это зависѣло отъ ихъ малочисленности и отсутствія сплоченности между обитателями отдѣльныхъ долинъ. Условія горной жизни иногда налагаютъ, впрочемъ, непосильныя задачи на мѣстное населеніе, и организмъ человѣка тамъ не крѣпнетъ, а слабѣетъ и вырождается: таковы многія недоразвитыя и уродливыя формы, къ которымъ принадлежатъ кретины, извѣстные въ Швейцаріи и на Кавказѣ и въ другихъ горныхъ странахъ.

Совершенно особую роль играютъ въ исторіи человѣчества плоскогорья, или плоскія возвышенности, встрѣчающіяся въ наибольшемъ развитіи въ Азіи и Африкѣ, но имѣющія важное значеніе и въ Аме-

рикѣ. Плоскогорья соединяютъ въ себѣ отчасти свойства горъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе возвышеннаго положенія надъ уровнемъ моря, и отчасти свойства равнинъ, такъ какъ они лишены раздробленности настоящихъ горъ. Далеко не всѣ плоскогорья, впрочемъ, можно назвать настоящими равнинами: по большей части, они окружены горами, или по нимъ проходятъ горные хребты. Съ окружающихъ возвышенностей плоскогорья получаютъ лучшее орошеніе, хотя при этомъ могутъ иногда оставаться безлѣсными. Вслѣдствіе своей высоты, они могутъ доставлять своимъ обитателямъ чистый воздухъ и ясное небо, но иногда требуютъ отъ нихъ такого же напряженія силъ, какъ и настоящія горы. Высота нѣкоторыхъ плоскогорій, въ особенности величайшихъ плоскогорій Азіи, типомъ которыхъ можетъ служить Тибетъ, создаетъ большія затрудненія для человѣческаго обитанія разрѣженностью воздуха и суровостью климата. Поэтому такія плоскогорья малолюдны и не играютъ замѣтной роли въ исторіи человѣческой культуры. Совершенно иное значеніе они пріобрѣтаютъ въ жаркихъ, влажныхъ странахъ, каковы сѣверная половина южной и средняя Америка. Тамъ они представляютъ оазисы или острова умѣреннаго климата и способствуютъ образованію культурныхъ государствъ, между тѣмъ, какъ окружающія ихъ низины остаются въ дикомъ состояніи. Въ Америкѣ мы видимъ цѣлую цѣпь культуръ на нѣсколькихъ плоскогорьяхъ, идущихъ въ средней Америкѣ отъ Новой Мексики, черезъ сѣверную Мексику, Анагуакъ, Мистеку до Юкатана и въ Южной Америкѣ отъ Колумбіи до Чили. Ни одна изъ плодородныхъ лѣсистыхъ странъ Южной Америки и ни одна изъ степныхъ восточныхъ странъ ея, во внутренней Бразиліи и на Ла Платѣ, не создали культуры; это оказалось возможнымъ только для связанныхъ между собою высоко лежащихъ, травянистыхъ и хорошо орошенныхъ равнинъ Андскаго хребта. Эта культура плоскогорій, какъ въ Перу, такъ и въ Мексикѣ, опиравшаяся на большія осѣдлыя, земледѣльческія расы, подобно китайской, могла вобрать въ себя различныя вражескія нашествія, не теряя своего оригинальнаго характера и не спускаясь съ своихъ высотъ.

Большинство человѣчества принадлежитъ къ равниннымъ народамъ, и оно сознавало всегда свою противоположность народамъ горнымъ, хотя оно вытѣсняло ихъ въ недоступныя мѣста и, вслѣдствіе ихъ независимаго духа, а часто и опасности, какой они угрожали

мирнымъ населеніямъ сосѣднихъ равнинъ, старалось ослабить ихъ и подчинить своей власти, но оно всегда отдавало должное ихъ энергіи и неустрашимости и само охотно вело свое происхожденіе отъ горныхъ народовъ. Такъ, арійцы считаютъ себя потомками народовъ Кавказа и называютъ себя именемъ кавказцевъ.

Горныя мѣстности образуютъ замкнутыя и малочисленныя политическія единицы, но ихъ не слѣдуетъ представлять себѣ связанными лишь съ очень тѣсными пространствами. Имъ принадлежатъ не только долины, но и горныя пастбища, на которыхъ обитатели ихъ пасутъ свой скотъ, служащій для нихъ главнымъ источникомъ существованія, и которыя могутъ занимать большія протяженія. Когда горныя общины соединяются въ одно политическое цѣлое, то въ ихъ рукахъ могутъ оказываться большія площади земли, какъ мы это видимъ въ Швейцаріи, которой принадлежитъ поверхность въ 41.346 кв. км., населенныхъ, правда, только 3 мил. людей, между тѣмъ какъ въ Саксоніи, Виртембергѣ и Гессенѣ почти на такомъ же пространствѣ живутъ $6^1/_2$ милл. Поэтому, насколько сила государства заключается въ его пространствѣ, она выражена въ достаточной степени въ государствахъ, подобныхъ Швейцаріи. На нее смотрятъ обыкновенно какъ на очень маленькое государство, принимая во вниманіе лишь обитаемыя мѣстности ея, и забываютъ, что остальная часть поверхности ея горъ также принадлежитъ ей, составляя около четверти настоящихъ Альпъ; именно этому обстоятельству она и обязана своимъ самостоятельнымъ положеніемъ среди четырехъ великихъ державъ въ области, заключающей важнѣйшіе проходы изъ сѣверной Европы въ южную. Тѣ же причины, т.-е. условія жизни въ горахъ, при рѣдкомъ населеніи и большихъ свободныхъ пространствахъ, содѣйствовали образованію особыхъ отпечатковъ у горныхъ народовъ, не сохранившихъ своей независимости и вошедшихъ въ составъ прилегавшихъ къ нимъ территорій равнинныхъ государствъ. Это можно сказать, напримѣръ, о Савойѣ, Дофинэ, принадлежащихъ къ Франціи, и Тиролѣ, Штиріи и Каринтіи, составляющихъ вполнѣ самобытныя области въ австрійскомъ государствѣ.

Не только высокія горы, изолирующія своихъ обитателей, но и горы средней и даже небольшой высоты играютъ самую существенную роль въ строеніи поверхности страны, являясь существеннымъ орографическимъ элементомъ ея. Но его не слѣдуетъ считать един-

ственнымъ достойнымъ вниманія, затмевающимъ всѣ остальные: для насъ всего важнѣе общій характеръ, какой придаетъ странѣ сочетаніе всѣхъ орографическихъ элементовъ. Но мы должны различать и въ отдѣльности эти составныя части ея. Такъ, въ Италіи, на полуостровѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, мы видимъ преобладаніе Апеннинъ, съ сопровождающими ихъ по обѣимъ сторонамъ уступами и низинами; за этой частью слѣдуетъ низина По, примыкающая съ другой стороны къ предгорьямъ западныхъ и южныхъ Альпъ; кромѣ того, вполнѣ самостоятельное значеніе имѣютъ Сардинія и Сицилія. Говоря объ Апеннинскомъ полуостровѣ, мы не должны забывать, что болѣе половины Итальянскаго королевства живетъ въ отдѣлѣ Альпъ, въ низинѣ По и на островахъ. При всѣхъ различіяхъ поверхности Франціи и Германіи, мы видимъ въ нихъ сходство элементовъ строенія ихъ поверхности. Въ обѣихъ преобладаютъ горы средней высоты, обращенныя къ большимъ низинамъ, ведущимъ къ морю,—во Франціи на западной, а въ Германіи—на сѣверной сторонѣ; въ то же время обѣ страны прилегаютъ къ Альпамъ. Несмотря на разнообразія въ строеніи Англіи и Уэльса, имъ обоимъ свойственно раздѣленіе на восточную низину и западную горную страну. Хотя отдѣльные хребты и рѣчные бассейны благопріятствовали развитію небольшихъ историческихъ областей, но указанное дѣленіе имѣло преобладающее значеніе въ историческомъ отношеніи. Еще въ римскую эпоху юго-востокъ Англіи, колонизированный римлянами, рѣзко отличался отъ горной страны, остававшейся въ рукахъ кельтскаго населенія, и перевѣсъ земледѣльческой равнины восточной Англіи, обозначившійся уже весьма давно, удержался до наступленія промышленной эпохи въ предпрошломъ столѣтіи. Только тогда, когда получили значеніе уголь и желѣзо въ западной и сѣверо - западной части страны, населеніе могло скучиться въ горныхъ мѣстностяхъ, и у подножія горъ могъ образоваться рядъ многолюдныхъ городовъ отъ Бирмингэма до Глазго. Значеніе, какое имѣла для Греціи раздробленность ея на мелкія горныя и равнинныя мѣстности, слишкомъ извѣстно для того, чтобы на немъ надо было останавливаться здѣсь. На самомъ дѣлѣ, небольшія плодородныя низины вокругъ Аѳинъ и Аргоса кажутся бухтами въ чрезвычайно запутанномъ строеніи горъ, общею чертой котораго можно назвать лишь близость къ одному и тому же морскому берегу. Въ данномъ случаѣ мы можемъ видѣть политическую важность,

какую имѣетъ способъ сочетанія орографическихъ элементовъ страны и въ особенности мѣсто ихъ соединенія или раздѣленія. Противоположность между однообразнымъ и раздробленнымъ строеніемъ поверхности и расположеніемъ орографическихъ чертъ страны по общему плану или по отдѣльнымъ особенностямъ всего болѣе выражается въ образованіи государствъ. Въ томъ обстоятельствѣ, что большія государства развивались на большихъ рѣкахъ, орографическія условія выступаютъ на первый планъ, такъ какъ они образуютъ бассейны, въ которыхъ развиваются рѣки. Аллеганскія или Скалистыя горы своими возвышенностями на сѣверѣ примыкаютъ къ бассейну Миссисипи, и эта рѣка, со своими притоками занимающая огромную область въ 3 мил. кв. км., служитъ выраженіемъ великаго орографическаго расчлененія Сѣверной Америки. Въ Южной Америкѣ мы находимъ такое же величавое строеніе поверхности и соотвѣтствующія ему величественныя рѣки. Громадная область Бразиліи соотвѣтствуетъ бассейну Амазонки, а длинный рядъ тихоокеанскихъ государствъ—длинному, непрерывному протяженію Андъ. И великія историческія области Азіи опредѣляются орографіей. Линія, проведенная отъ Гиндукуша къ Верхоянскимъ горамъ, раздѣляетъ эту часть свѣта на половину низинъ и половину среднихъ возвышенностей на западѣ и сѣверѣ и на половину плоскогорій на югѣ и востокѣ. Енисей течетъ вдоль западнаго края гористой и холмистой области и отдѣляетъ низменную, ровную степную область западной Сибири отъ гористой и лѣсистой восточной Сибири. Далѣе на югѣ плоскогорье внутренней Азіи образуетъ связующее звено почти для цѣлой четверти этого материка; здѣсь находится родина кочевниковъ, тревожившихъ Азію и вмѣстѣ съ тѣмъ Европу. Обособленныя въ культурномъ и политическомъ отношеніи страны Индіи, Индо-Китая и восточной Азіи лежатъ къ югу и къ востоку отъ этого плоскогорья. Узелъ Памира въ мѣстѣ скрещенія пяти большихъ горныхъ хребтовъ былъ и остается до сихъ поръ могущественнымъ пограничнымъ столбомъ, обозначающимъ границу между передней и внутренней Азіей, а также между Индіей и Тураномъ, служа пунктомъ пересѣченія русской, англійской и китайской сферъ вліянія. Строеніе Африки отличается своего рода величественной простотой; въ ней, за исключеніемъ Марокко, мы видимъ общую орографическую черту, которую можно назвать основною: узкая пограничная полоса, террасы и плоскогорья

одинаково слѣдуютъ другъ за другомъ въ Наталѣ и въ Абиссиніи, въ Капской области и въ Либеріи.

Отмѣчая главныя черты строенія поверхности, мы получаемъ только общее понятіе о строеніи этой послѣдней; при болѣе подробномъ изученіи ея, мы видимъ и другія черты, имѣющія иногда существенную важность для человѣческаго населенія. Такъ, огромное распространеніе бассейна Миссисипи въ Сѣверной Америкѣ заставляетъ отступать на второй планъ окраины ея, т.-е. систему Аллеганскихъ горъ и западное плоскогорье. Эти окраины требуютъ, тѣмъ не менѣе, подробнаго знакомства съ ними, такъ какъ ихъ различія имѣли существенное вліяніе на жизнь народовъ Америки. И для знакомства съ Италіей намъ недостаточно было бы остановиться на общемъ различіи Альпійскаго и Апеннинскаго отдѣловъ ея. И въ Индіи мы отмѣчаемъ двѣ основныя черты строенія—Деканское плоскогорье и низины Ганга и Инда. Въ небольшихъ историческихъ государствахъ мы должны принимать во вниманіе все разнообразіе ихъ строенія, такъ какъ въ этомъ разнообразіи заключается ключъ къ ихъ исторіи. Типичнымъ примѣромъ ихъ всегда останется Греція, безпорядочное пересѣченіе горъ которой раздѣляетъ ее на горныя и низменныя мѣстности, примыкающія другъ къ другу, но имѣвшія различную историческую судьбу. Эта судьба во многихъ сторонахъ своихъ находитъ объясненіе въ орографіи.

Изъ сказаннаго выше о значеніи различій въ строеніи горъ для жизни народовъ мы можемъ заключить, что препятствія, какія онѣ представляютъ распространенію человѣчества, зависятъ и отъ ихъ высоты, и отъ ихъ проходимости и доступности, и отъ ихъ направленія. Но горы не только задерживали, но и направляли движеніе народовъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ вызывали извѣстное расположеніе политическихъ и даже культурныхъ областей. Альпы отдѣляютъ средиземную часть Европы, составляющую одно цѣлое съ сѣверной Африкой и западной Азіей, отъ средней и сѣверной Европы. Такимъ образомъ, Альпы явились причиною, почему Европа къ сѣверу отъ этихъ горъ раздѣлилась на западную, среднюю и восточную. Христіанство, проникнувъ въ средиземную область изъ западной Азіи, не перешло прямо черезъ Альпы, а распространилось въ среднюю Европу съ запада.

2. Равнины и низины.

Орографическую противоположность горамъ представляютъ ровныя поверхности, лежащія невысоко надъ уровнемъ моря, а иногда опускающіяся даже ниже его. Понятія „равнина" и „низина" нерѣдко смѣшиваются между собою, но, употребляя ихъ, мы не должны забывать, что первое заключаетъ представленіе только о формѣ поверхности, а послѣднее, кромѣ того, и опредѣленіе высоты надъ уровнемъ моря. Низиной принято называть такую поверхность, самая высокая окраина которой не выше 300 метр. надъ уровнемъ моря. Мы знаемъ, что вполнѣ горизонтальныхъ равнинъ существуетъ немного: всѣ онѣ имѣютъ склонъ къ тому или другому морю, по направленію къ которому текутъ ихъ рѣки, и ровная поверхность ихъ нерѣдко пересѣкается возвышенностями. Но различія между формами строенія ихъ гораздо менѣе значительны, чѣмъ въ горныхъ странахъ, и поэтому онѣ не могли являться препятствіемъ для свободнаго передвиженія людей. Препятствіями здѣсь служили рѣки, озера или болота, которыя, однако, легче было преодолѣть, чѣмъ горные хребты, и равнины уже сами по себѣ способствовали образованію цѣльныхъ политическихъ областей, которымъ для своего развитія нужно было преодолѣвать не формы поверхности, а обширныя пространства. Вслѣдствіе легкости распространенія человѣчества по равнинамъ, онѣ играли главную роль въ его исторіи, усиливающуюся огромными протяженіями, какія онѣ занимаютъ на земной поверхности. Это протяженіе объясняется различными причинами ихъ происхожденія: низины образовывались заполненіемъ наносами мелкихъ морскихъ заливовъ, чему, быть-можетъ, содѣйствовало медленное поднятіе почвы, размываніемъ и выравниваніемъ горныхъ хребтовъ и отсутствіемъ дѣйствія силъ, нарушающихъ горизонтальность пластовъ, отлагавшихся моремъ. Отъ указанныхъ причинъ зависитъ распространеніе низинъ на всѣхъ сѣверныхъ материкахъ, а также въ Австраліи и въ восточной части Южной Америки. Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ строенія средней Европы служитъ тѣсная связь ея съ плоской восточной низиной, отъ чего всегда зависѣло вліяніе восточной Европы на среднюю.

Обширныя равнины способствуютъ развитію многочисленныхъ однообразныхъ народовъ. Мы лучше всего это видимъ въ нашемъ отечествѣ, представляющемъ громадную равнину. О русскомъ народѣ нѣмецкій ученый Гакстгаузенъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Этотъ народъ выказываетъ повсюду самую однородную массу, какая существуетъ въ Европѣ. Въ немъ мало замѣтно развитіе провинціальной и индивидуальной жизни, мало разнообразія, но зато онъ представляетъ основы и задатки крупной и энергичной политической силы“. Это замѣчаніе, относящееся къ великорусскому племени, можетъ быть дополнено тѣмъ, что, при всемъ его распространеніи, оно говоритъ на одномъ нарѣчіи, одинаковомъ для простого и образованнаго класса. Въ Германіи еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ насчитывалось болѣе ста отдѣльныхъ народныхъ костюмовъ, а въ Великороссіи, которая въ шесть разъ больше ея, былъ только одинъ костюмъ, съ незначительными мѣстными оттѣнками. То же можно сказать о нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, остающихся одинаковыми и неизмѣнными въ теченіе долгаго времени.

Это дѣйствіе однообразія географическихъ условій высказывается еще сильнѣе въ степныхъ пространствахъ, лишенныхъ лѣсной растительности. Здѣсь къ формѣ поверхности, болѣе или менѣе плоской, присоединяется вліяніе климата, недостаточно влажнаго для произрастанія лѣса, и растительныхъ формъ, среди которыхъ главную роль играетъ невысокій травяной покровъ. Соединеніе равнины, сухости и травянистой растительности весьма распространено въ извѣстныхъ поясахъ земли. Степи во всѣхъ странахъ свѣта занимаютъ самыя обширныя и однообразныя области, существованіе которыхъ вызывается и поддерживается однѣми и тѣми же климатическими причинами. Растительные виды, покрывающіе степи въ различныхъ мѣстахъ, не одинаковы, но степной растительности повсюду свойственны одни и тѣ же отличительные признаки—безлѣсность, недостатокъ отдѣльныхъ деревьевъ, однообразіе видовъ и формъ растительнаго покрова. Степь далеко не вездѣ представляетъ совершенно ровную поверхность. Такъ, во внутренней Азіи она то повышается, то понижается, выказываетъ разнообразіе геологическаго состава и крайнія различія плодородія и безплодія. Дожди распредѣлены въ ней довольно разнообразно, такъ же, какъ и господствующіе вѣтры; среднія годовыя температуры различныхъ областей ея весьма

различны между собою. Тѣмъ не менѣе, вся эта область, простирающаяся на протяженіи 20 градусовъ широты, отличается однообразіемъ, выравнивающимъ всѣ упомянутые различія. Эта характеристика степныхъ пространствъ Стараго Свѣта можетъ быть вполнѣ примѣнена и къ степямъ Америки и Австраліи. Несмотря на нѣкоторое разнообразіе рельефа и растительности, эти степи одинаково производили на путешественниковъ впечатлѣніе величайшаго однообразія.

Степь не исключаетъ возможности земледѣлія, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ представляетъ весьма плодородную почву, но земледѣліе въ ней ограничивается сухостью климата и возможно лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ примѣнимо искусственное орошеніе. Въ Туркменской степи, вмѣстѣ съ возрастаніемъ обработки ея, уменьшается количество воды въ рѣкахъ и источникахъ. Афганцы потребляютъ также весь запасъ воды въ своей странѣ, и рѣки, въ родѣ Герируда въ Кабулѣ, въ извѣстную часть года совершенно пересыхаютъ, потому что вся вода ихъ отводится на поля. Это ограниченіе земледѣлія ставитъ предѣлъ и размноженію населенія, такъ какъ при недостаткѣ воды земледѣліе исчезаетъ. Въ этомъ мы видимъ причину, почему въ степяхъ Стараго и Новаго Свѣта встрѣчается такъ много заброшенныхъ культурныхъ мѣстностей. Въ Гоби и въ Джунгаріи можно найти не мало засыпанныхъ пескомъ большихъ городовъ: возрастающая сухость превратила здѣсь степь въ пустыню и заставила человѣка покинуть ее.

Необходимость тяжелаго, непрерывнаго труда и зависимость отъ своего клочка земли и оросительныхъ канавъ дѣлали земледѣльца въ степяхъ еще менѣе способнымъ къ сопротивленію, чѣмъ въ лучше орошенныхъ странахъ, и превращали его въ еще болѣе легкую добычу воинственныхъ народовъ. Если мы примемъ во вниманіе, что степной земледѣлецъ вынужденъ проводить даже подземныя канавы и въ теченіе долгихъ лѣтъ выщелачивать солончаковую почву, чтобы сдѣлать ее пригодной для растеній, то мы легко поймемъ, что ему трудно было оторваться отъ своей земли для сопротивленія непріятелю, и что онъ предпочиталъ признать надъ собою его власть, если только тотъ не перерѣзывалъ его жизненныхъ нитей. Вслѣдствіе того, именно на границѣ степей мы видимъ рѣзкую противоположность между земледѣльческими и кочевыми народами, которые всегда господствовали надъ первыми. Нашъ извѣстный путешественникъ

Пржевальскій отмѣчаетъ эту противоположность холоднаго и пустыннаго плоскогорья и теплой, плодородной, богато орошенной китайской равнины. При его вступленіи въ страну Ордосъ, степную область въ верхнемъ теченіи Хоангхо, ему бросилось въ глаза различіе между образомъ жизни и характеромъ настоящихъ земледѣльцевъ и настоящихъ кочевниковъ, которыхъ сама природа осудила на постоянное отчужденіе другъ отъ друга. Для китайца безпокойная жизнь, полная лишеній, какова жизнь кочевника, кажется непонятной и достойной презрѣнія; съ своей стороны, и кочевникъ смотритъ съ презрѣніемъ на жизнь, полную заботъ и труда, сосѣдняго земледѣльца и высшимъ счастьемъ на землѣ считаетъ свою дикую свободу. Именно отсюда исходитъ противоположность въ характерѣ обоихъ народовъ; трудолюбивый китаецъ, достигшій съ незапамятныхъ временъ сравнительно высокой, хотя и своеобразной цивилизаціи, всегда избѣгалъ войны и считалъ ее величайшимъ бѣдствіемъ. Наоборотъ, подвижной, дикій и закаленный отъ внѣшнихъ вліяній обитатель холодной монгольской пустыни всегда былъ готовъ къ нападеніямъ и набѣгамъ. При неудачѣ онъ терялъ немного, а въ случаѣ успѣха пріобрѣталъ богатства, накопленныя иногда трудомъ цѣлыхъ поколѣній.

Степь была настоящей сферой кочевничества, и ей оно обязано своимъ происхожденіемъ и развитіемъ. Тамъ, гдѣ земледѣліе было затруднительно, могло, напротивъ, успѣшно распространяться скотоводство, благодаря обилію травянистыхъ луговъ, могущихъ прокармливать большія количества мелкаго и крупнаго скота. Но при размноженіи скота являлась необходимость часто мѣнять пастбища, какъ скоро въ извѣстномъ мѣсяцѣ кормъ былъ уже стравленъ. Пастбища не вездѣ были одинаковаго качества, и, отыскивая болѣе обильныя кормомъ, кочевникъ долженъ былъ передвигаться иногда на большія разстоянія. Если мѣстности, въ которыхъ онъ перемѣщался, примыкали къ горамъ, онъ пользовался этими послѣдними, дававшими пріютъ его стадамъ въ лѣтнее время, когда зной и жалящія насѣкомыя дѣлали неудобнымъ для нихъ пребываніе на равнинѣ. Кочевникъ долженъ былъ переходить съ мѣста на мѣсто съ семьей и со всѣмъ своимъ имуществомъ; поэтому жилище его было легкое, удобное для переноски, и изъ подобныхъ же легкихъ и негромоздкихъ вещей состояла его домашняя утварь. Съ теченіемъ

времени перекочевки его потеряли случайный характеръ: онъ зналъ напередъ, какіе мѣсяцы онъ проведетъ въ такой-то и какіе въ другой мѣстности, и, сообразно съ тѣмъ, распредѣлялъ свои передвиженія. Послѣднія требовали обширныхъ пространствъ, и потому населеніе степей, обитаемыхъ кочевниками, не могло быть многочисленнымъ. Съ другой стороны, съ кочевничествомъ была несовмѣстима сколько-нибудь высокая культура, такъ какъ номады довольствовались самымъ необходимымъ и держались во всемъ привычныхъ, освященныхъ временемъ и обычаемъ формъ. Населеніе степей составляетъ не болѣе одной десятой населенія такого же пространства воздѣланной земли. Когда русскіе пришли въ Мервъ, они на протяженіи 200 км., орошаемыхъ Герирудомъ, не нашли ни одного осѣдлаго поселенія. Степные обитатели распредѣлены также весьма неравномѣрно. Безлюдные участки большого протяженія чередуются тамъ съ густо населенными оазисами.

Необходимость укрощенія полудикихъ животныхъ, постоянное умерщвленіе ихъ съ цѣлью продовольствія поддерживаютъ въ кочевникѣ извѣстную душевную грубость, которая вмѣстѣ съ физическимъ закаломъ, благодаря степному климату и постоянному движенію на воздухѣ, содѣйствуетъ образованію сильныхъ и грубыхъ натуръ. Въ то же время передвиженія, въ которыхъ участвуютъ многія семьи, требуютъ установленнаго порядка и строгой дисциплины. Поэтому осѣдлость на первыхъ порахъ ослабляетъ народы, а кочевничество въ теченіе извѣстнаго времени придаетъ имъ силу. Но впослѣдствіи земледѣліе все болѣе и болѣе обогащаетъ человѣка и даетъ возможность значительнаго возрастанія числа жителей въ одной области; между тѣмъ кочевничество, пользуясь только дарами природы, не создаетъ новыхъ продуктовъ и, такимъ образомъ, обрекается на застой или регрессъ.

Борьба кочевыхъ и осѣдлыхъ народовъ началась съ тѣхъ поръ какъ установились два эти культурныя состоянія. Мы видимъ ее въ исторіи Египта и въ исторіи евреевъ. И олицетворенія добра и зла древней персидской религіи, Ормуздъ и Ариманъ, представляютъ собою благодѣтельное начало плодородной земли и враждебное человѣку начало степной природы. Старый Свѣтъ перерѣзывается степной полосой, начинающейся отъ Атлантическаго океана и доходящей до Тихаго, по обѣимъ сторонамъ которой лежатъ плодородныя

низины, и во всей нашей исторіи отражается воздѣйствіе кочевниковъ этого пояса на осѣдлые народы. Различіе между лѣсомъ и степью отражается въ исторіи Европы. Еще римскіе историки отмѣчали раздѣленіе народовъ восточной Европы и противоположность юго-восточныхъ степей и сѣверныхъ лѣсовъ. Повсюду, гдѣ были пространства степного характера въ средней Европѣ, они наполнялись номадами, приходившими изъ Азіи, къ числу которыхъ принадлежали предки нынѣшнихъ венгровъ. Они заняли низину средняго Дуная между Карпатами и восточными отрогами Альпъ, вытѣснивъ оттуда славянскіе земледѣльческіе народы.

Несмотря на свою видимую свободу, которою номады отличаются отъ земледѣльцевъ, они какъ нельзя больше связаны съ естественными условіями своей страны. Мы находимъ у нихъ повсемѣстное сходство нравовъ и обычаевъ, создающее единство всѣхъ кочевыхъ народовъ, несмотря на различія ихъ этническаго происхожденія. Центральная Азія создала два типа — западный (тюркскій) и восточный (монгольскій); въ то же время земледѣльцы этой полосы также принадлежатъ къ двумъ типамъ — арійцамъ и китайцамъ. Даже степное скотоводство въ западной части Сѣверной Америки и на льяносахъ и пампасахъ Южной Америки выработало особый типъ пастуховъ (каубоевъ, гаучосовъ и пр.), которые отчасти восприняли кровь и обычаи индѣйцевъ и стоятъ ближе къ нимъ чѣмъ къ европейскимъ сородичамъ въ Америкѣ, посвятившимъ себя земледѣльческому труду. Въ степной части сѣверной Африки жизнь кочевниковъ выступаетъ въ однихъ и тѣхъ же арабско-мавркихъ формахъ отъ Атлантическаго океана до Краснаго моря. И между тѣмъ, какъ Европа съ необычайной быстротой движется по пути прогресса, на границахъ ея мы видимъ степные народы, остающіеся все въ томъ же состояніи, въ какомъ они находились многіе вѣка тому назадъ. Не даромъ жизнь кочевниковъ Африки и Аравіи производитъ на путешественниковъ впечатлѣніе оживающей передъ ними картины библейскаго прошлаго. Пастухи-кочевники настолько подчинились жизненнымъ условіямъ своихъ обширныхъ травянистыхъ равнинъ, что переходъ къ инымъ жизненнымъ формамъ представляетъ для нихъ величайшую трудность и удается только тамъ, гдѣ земледѣліе насильственно завладѣваетъ степью. Сильный пастушескій народъ никогда не разстается легко со своими стадами и передви-

женіемъ, такъ же, какъ и земледѣльческій не переходитъ къ кочевничеству иначе, какъ будучи побуждаемъ къ тому силою. Поэтому земледѣліе и скотоводство не надо считать только извѣстными промыслами; это—формы жизни, въ которыхъ вся дѣятельность и стремленія имѣютъ особое направленіе: одежда, пища, образъ жизни, жилище, семья, общество и государство у тѣхъ и у другихъ представляютъ коренныя различія. Земледѣльцы начинаютъ проникать въ степь лишь при довольно высокомъ состояніи культуры; въ дѣйствительности, мы видимъ это вторженіе, какъ явленіе сравнительно новое, лишь въ трехъ большихъ степныхъ странахъ — движеніе китайскихъ земледѣльцевъ изъ области Хоангхо къ западу, превращеніе степныхъ мѣстностей въ земледѣльческія въ южной Россіи и подобное же превращеніе прерій и пампасовъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ.

Исторія двухъ послѣднихъ столѣтій показываетъ намъ непрерывное оттѣсненіе номадовъ отъ политическихъ границъ осѣдлыхъ народовъ и постоянное уменьшеніе числа самостоятельныхъ политическихъ образованій кочевниковъ. Не слѣдуетъ, однако, заключать изъ этого, что съ теченіемъ времени кочевничество должно вовсе исчезнуть. Слѣдуетъ предположить, что независимости кочевыхъ народовъ въ главномъ очагѣ ихъ—во внутренней Азіи—въ недалекомъ будущемъ будетъ положенъ конецъ Россіей и Китаемъ, но они могутъ быть еще весьма полезны обѣимъ этимъ державамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе невозможно или возможно лишь въ ограниченномъ видѣ. Когда они не подвергались давленію двухъ сильныхъ державъ, кочевники могли образовывать сильныя государства; но эти послѣднія составляютъ уже достояніе прошлаго, и азіятскіе номады распались опять на отдѣльные роды, улусы, хошоны и т. п. Подчинить ихъ своей власти и для Россіи, и для Китая оказалось возможнымъ лишь при условіи проникновенія въ мѣста ихъ обитанія.

Глубокое различіе между лѣсистой и травянистой равнинами было уже отмѣчено нами выше; между тѣмъ, какъ степь представляетъ величайшія удобства для движенія народовъ, лѣсъ задерживаетъ ихъ. Культура зарождалась въ плодородныхъ, бѣдныхъ лѣсами мѣстностяхъ и уже впослѣдствіи изъ такихъ мѣстностей проникла въ лѣсистыя. Въ Перу, въ Египтѣ, въ государствахъ Судана и въ южной Африкѣ она двигалась, такимъ образомъ, по направленію

къ экватору, а въ сѣверной и восточной Европѣ—по направленію къ полюсу. Это была одна изъ причинъ, почему культура началась раньше на Средиземномъ морѣ, чѣмъ въ средней и сѣверной Европѣ, и культура сѣвернаго Китая—раньше культуры Кореи, Японіи и средняго Китая. О трудностяхъ, какія приходилось преодолѣвать при движеніи черезъ невѣдомые лѣса, даютъ намъ понятіе описанія путешественниковъ, посѣщавшихъ впервые лѣса Америки и Африки. Но, благодаря этому обстоятельству, лѣсъ доставлялъ надежную защиту для своихъ обитателей и давалъ имъ возможность жить немногочисленными, но независимыми племенами. Они занимались охотой и, пока не переходили къ земледѣлію, должны были доставать хлѣбъ у земледѣльческихъ сосѣдей. Расчистка лѣса, необходимая для перехода къ земледѣлію, была труднымъ дѣломъ, почти невыполнимымъ при каменныхъ орудіяхъ. Даже и съ желѣзнымъ топоромъ въ рукахъ негръ плохо справляется съ мощными деревьями своихъ лѣсовъ: чтобы уничтожить ихъ, онъ поджигаетъ подлѣсокъ и ждетъ, пока буря повалитъ обгорѣлыя деревья. Поселенцы Сибири и Сѣверной Америки на первыхъ порахъ охотнѣе выбирали менѣе плодородныя, но безлѣсныя пространства. По мѣрѣ увеличенія населенія, нуждающагося въ пахотныхъ земляхъ, и вмѣстѣ съ увеличеніемъ техническихъ средствъ для уничтоженія лѣса, это послѣднее идетъ обыкновенно быстрыми шагами. Можно сказать вообще, что распространеніе культуры соединяется съ лѣсоистребленіемъ. Это справедливо не только для Европы, но и для тропическихъ странъ, напримѣръ, Зондскихъ острововъ, лѣса которыхъ должны уступать свое мѣсто пахотнымъ полямъ. Вредное вліяніе обезлѣсенія слишкомъ извѣстно, чтобы о немъ надо было говорить здѣсь. Мы сами въ значительной степени испытываемъ его вслѣдствіе неразсчетливаго сведенія лѣса въ сѣверной и средней Россіи, что болѣе всего выражается въ обмелѣніи рѣкъ и частыхъ засухахъ, зависящихъ отъ слишкомъ быстраго стеканія весеннихъ водъ въ обезлѣсенныхъ мѣстахъ.

Указанное обстоятельство имѣетъ важное значеніе для равнинъ, такъ какъ рѣки ихъ питаются преимущественно дождевой и подземной водой, въ свою очередь, зависящей отъ количества атмосферныхъ осадковъ. Между тѣмъ рѣки играютъ особенно важную роль на равнинахъ, какъ пути сообщенія и какъ источники орошенія въ

маловодныхъ мѣстностяхъ. Въ то же время онѣ придаютъ и разнообразіе странамъ, однообразнымъ самимъ по себѣ. Вода стекаетъ въ низкія мѣста, рѣки увеличиваются, образуютъ озера и болота, и низина постепенно склоняется къ морю. Въ такихъ странахъ, какъ Россія и западная Сибирь, область Миссисипи и даже сѣверо-германская низменность, историческую роль играли не возвышенности, а низины съ ихъ водами.

Низины составляютъ естественный переходъ къ морю, отчего и зависятъ тѣсныя отношенія первыхъ къ послѣднему, что въ политическомъ смыслѣ превосходитъ выгоды высокихъ горныхъ границъ. Море проникаетъ въ бухтообразныя устья широкихъ рѣкъ низины, вслѣдствіе чего океаническій климатъ широко распространяетъ свое вліяніе; экономическое и политическое дѣйствіе моря ощущается въ каждой обращенной къ нему низинѣ. Дѣйствіе моря усиливается рѣками, ведущими внутрь страны и дающими начало иногда своеобразнымъ политическимъ образованіямъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ возникаетъ торговый городъ, пріобрѣтающій значеніе для всей окружающей страны, въ другомъ болотистая мѣстность препятствуетъ образованію многочисленнаго населенія.

Непосредственное соприкосновеніе низинъ съ моремъ и наибольшее развитіе рѣкъ и озеръ на равнинахъ дѣлаютъ естественнымъ переходъ отъ нихъ къ географическому значенію упомянутыхъ водныхъ поверхностей.

ГЛАВА V.

Моря, рѣки и озера.

Морскіе берега.— Полуострова и острова.— Морскія державы.— Рѣки.— Вліяніе рѣкъ на образованіе государствъ.— Рѣчные бассейны.— Гавани.— Притоки.— Озера и болота.

Взаимодѣйствіе моря и суши всего нагляднѣе выражается въ морскихъ берегахъ. Хотя берегъ одной стороной обращенъ внутрь страны, а другой—въ открытое море, но онъ всегда обладаетъ извѣстной самостоятельностью. Опредѣляя его значеніе, мы должны имѣть въ виду не одну береговую линію, а извѣстную полосу, которой принадлежатъ черты, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся, каковы дюны, песчаныя косы и части земли, попеременно то покрываемыя водою,

то выступающія изъ-подъ нея. Къ особенностямъ берега принадлежатъ и построенные на немъ города, во многомъ отличающіеся отъ внутреннихъ. Чтобы владѣть моремъ, надо пріобрѣсти твердую опору на сушѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она соприкасается съ воднымъ пространствомъ. Съ другой стороны, отсюда можетъ распространяться и завладѣніе сушей: такимъ образомъ, эти прибрежные пункты оказываются принадлежащими одновременно и сушѣ, и морю. Въ политическомъ развитіи берега беретъ верхъ то море, то суша, и исторія страны колеблется между океаническими и континентальными стремленіями. Иногда берегъ заселяется съ моря, ради цѣлей мореплаванія, торговли и рыбной ловли; въ такомъ случаѣ онъ и политически принадлежитъ морю и можетъ быть названъ лишь твердымъ краемъ морского царства. Онъ можетъ быть независимымъ отъ прилегающей къ нему суши, какъ это показываетъ намъ множество примѣровъ изъ исторіи заморскихъ колоній, отъ финикіянъ до нынѣшнихъ морскихъ станцій европейцевъ на берегахъ Африки. Береговое государство можетъ разрастаться и внутрь, и тогда интересы твердой земли проявляютъ себя въ немъ съ такой же силой, какъ и морскіе. Берегъ, служившій только для ввоза, начинаетъ служить и для вывоза. Тамъ, гдѣ сливаются внутренніе и внѣшніе интересы, образуются пункты, подлежащіе особенно быстрому развитію. Этому обстоятельству обязаны своимъ сильнымъ ростомъ приморскіе города, основывавшіеся у морскихъ устьевъ рѣкъ, а также нѣкоторыя древнія государства, каковы Вавилонъ и Египетъ, цвѣтущія колоніи того времени, напр., Гадесъ (Кадиксъ) и Массилья (Марсель), и новые приморскіе города Сѣверной и Южной Америки. Почти всѣ колоніи первоначально были береговыми государствами, и разростаніе ихъ внутрь страны шло отъ моря. Это можно сказать обо всѣхъ государствахъ Америки, если прибрежье сливалось съ внутренней равниной; въ томъ случаѣ, когда являлось естественное препятствіе для его распространенія, какъ, напр., въ западной части Южной Америки, государство оставалось береговымъ (Чили).

Съ самостоятельностью берега связаны особые признаки населенія, пользующагося выгодами, связанными съ побережьемъ, и, вслѣдствіе того, представляющаго извѣстныя отличія отъ обитателей внутреннихъ странъ. Финикіяне и азіятскіе греки въ теченіе всей сво-

ей исторіи оставались прибрежными народами. Еще въ большей степени это можно сказать объ эскимосахъ, связанныхъ только съ моремъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ негостепріимнымъ странамъ, лежащимъ позади нихъ. Когда такой народъ распространяется, отыскиваетъ новыя мѣста для своего разселенія, онъ по возможности ищетъ подобныхъ же условій на своемъ или на чужомъ берегу, стараясь занять положеніе, выгодное и въ политическомъ отношеніи. Онъ часто занимаетъ приморскіе пункты раньше, чѣмъ это успѣваютъ сдѣлать внутренніе жители этой страны: такъ, греки предупредили въ этомъ направленіи народовъ Малой Азіи, итальянцы на Адріатикѣ—сербовъ и кроатовъ, и чилійцы въ южно-американскихъ архипелагахъ—аргентинцевъ. Такимъ образомъ, изъ рыбачьихъ поселковъ возникали иногда крупныя прибрежныя мѣста, пріобрѣтавшія вліяніе даже и въ томъ случаѣ, когда колонизаторамъ не удавалось завладѣть внутренней страной. Обитателямъ этой послѣдней приходится тогда оспаривать или отвоевывать у нихъ морскіе берега, какъ приходилось русскимъ отбивать ихъ у финновъ и шведовъ. Исторія показываетъ намъ гораздо больше примѣровъ народовъ, занимавшихъ берегъ съ моря, поселявшихся на немъ и владѣвшихъ моремъ изъ своихъ гаваней, чѣмъ внутреннихъ народовъ, подвигавшихся до морского берега, распространявшихся по немъ и проникавшихъ оттуда на острова и въ чужія земли. Не говоря уже о приведенныхъ выше примѣрахъ изъ древней исторіи, мы наблюдаемъ эти явленія на всѣхъ берегахъ Новаго Свѣта, Австраліи и Африки, на Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ. Тамъ, гдѣ морскіе берега были заняты до прихода европейцевъ, какъ, напримѣръ, на Малайскомъ архипелагѣ, послѣднимъ не такъ легко было утвердить свою власть на морѣ и на сушѣ.

Крутые берега на самомъ дѣлѣ доступнѣе плоскихъ, потому что утесы вертикально спускаются надъ водою, и суда могутъ подходить къ нимъ, не боясь мелей. Если такіе берега изрѣзаны гаванями и имѣютъ за собою лишь узкую полосу земли, они всего болѣе привлекаютъ мореплавателей, какъ это было съ берегами Греціи, Норвегіи и Новой Англіи. Поэтому населеніе, вынужденное пользоваться всѣмъ отъ моря, имѣя за собою лишь узкую прибрежную полосу, отличается отъ того, которое можетъ распространиться по широкому побережью: первые остаются настоящими морскими народами, а

послѣдніе сливаются съ внутренними. Въ Сѣверной Америкѣ, въ Нью-Фаундлендѣ и на всемъ берегу Новой Англіи первые поселенцы исключительно держались гаваней и прокармливались рыбной ловлей, судостроеніемъ и мореходствомъ, между тѣмъ, какъ поселенцы къ югу отъ рѣки Гудзонъ обратились къ земледѣлію на широкомъ, слегка покатомъ склонѣ ихъ побережья. Отсюда колонизація стала распространяться внутрь, по рѣкамъ и предгорьямъ Аллеганскихъ горъ. Это различіе до сихъ поръ еще ощущается въ развитіи сѣверо-американцевъ къ сѣверу и къ югу отъ названной рѣки: первые по преимуществу развивали мореплаваніе и торговлю, а послѣдніе—земледѣліе.

Различіе между побережьемъ и внутренней страной уменьшается по мѣрѣ распространенія въ послѣдней путей сообщенія. Древнюю исторію на востокѣ по большей части, а на западѣ исключительно, можно назвать исторіей береговыхъ государствъ. Но затѣмъ движеніе ея направилось внутрь материка, все болѣе и болѣе захватывало внутреннія страны и съ каждымъ столѣтіемъ становилось въ большей степени исторіей суши. Новѣйшія государства заботятся уже о равномѣрномъ развитіи своихъ сухопутныхъ и морскихъ интересовъ. Нѣкоторыя береговыя пространства получаютъ значеніе, только благодаря тому, что ими завладѣваютъ континентальныя государства. Это можно сказать, напримѣръ, обо всѣхъ побережьяхъ, какими завладѣваетъ Россія, начиная отъ Балтійскихъ провинцій и кончая берегами Тихаго океана. И Далмація получила политическую важность лишь послѣ того, какъ ею завладѣла Австрія. Ничѣмъ не выдававшіяся мѣстности береговъ Апеннинскаго полуострова значительно выиграли вслѣдствіе объединенія Италіи. Морскіе берега теперь срастаются съ внутренней страной, и ихъ нелегко уже оторвать онъ нея.

Не слѣдуетъ думать, однако, что морскіе берега, даже при самыхъ благопріятныхъ свойствахъ, сами по себѣ содѣйствовали высокому развитію мореплаванія. И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мы видимъ заимствованіе этого искусства одними народами у тѣхъ, которые уже подвинулись дальше на этомъ пути. Такъ, греки не сами по себѣ изобрѣли искусство мореплаванія, а переняли его у финикіянъ. Преимущество морскихъ народовъ заключается лишь въ томъ, что каждый изъ ихъ жителей болѣе привыченъ и приспособ-

ленъ къ мореходству, чѣмъ обитатель внутренней страны. Даже выгодно расчлененный морской берегъ въ наше время можетъ утратить прежнее значеніе, если окажется въ рукахъ политически слабой или недостаточно культурной державы: мы видимъ это на примѣрѣ Малой Азіи подъ турецкимъ владычествомъ и Ирландіи въ столѣтія, предшествовавшія завладѣнію этой страной Англіи. Расчлененіе береговъ, т.-е. обиліе бухтъ, острововъ и полуострововъ, полезно не только въ томъ отношеніи, что оно создаетъ большее число убѣжищъ для кораблей, но и въ томъ, что удлинняющаяся при этомъ морская линія позволяетъ большему числу людей приходить въ соприкосновеніе съ моремъ. Въ концѣ концовъ, предпріимчивость и культурность этого населенія создаетъ значеніе извѣстныхъ мѣстъ прибрежья, независимо отъ ихъ исключительно морскихъ качествъ. Венеція, Генуя и нѣкоторыя другія морскія державы владѣли морями, пользуясь только одной хорошей гаванью. И финикійскіе берега не отличались богатствомъ развитія и, вмѣстѣ съ ходомъ исторіи, все болѣе и болѣе теряли свое значеніе, вслѣдствіе появленія болѣе сильныхъ морскихъ державъ. Различныя времена предъявляютъ различныя требованія къ берегамъ, свойства которыхъ оказываются неодинаковыми въ политическихъ отношеніяхъ. Сообщенія въ Средиземномъ морѣ два съ половиною тысячелѣтія тому назадъ были удобны, благодаря множеству острововъ и политическому раздробленію береговъ, но эта выгода потеряла свое значеніе, когда открылось движеніе по сѣверной части Атлантическаго океана. Но если значеніе береговъ измѣняется вмѣстѣ съ политическимъ и экономическимъ развитіемъ народовъ, то положеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ гаваней остается одинаково цѣннымъ во всѣ времена. Гавань можно назвать самымъ обособленнымъ явленіемъ въ политической географіи. Она можетъ существовать независимо отъ мѣстныхъ условій, играя роль одинаково важнаго органа во всѣ историческія эпохи. Гавань Милета цѣнилась всѣми древними народами. Морское преимущество Лондона было хорошо извѣстно уже римлянамъ. Достаточно бывало занесенія песками удобной гавани, чтобы остановить развитіе извѣстной области побережья. И финикійскій берегъ отчасти потерялъ свое значеніе, потому что гавани его стали мельче. Антверпенъ могъ подняться лишь тогда, когда гавань Брюгге занесена была пескомъ.

Особое значеніе изъ всѣхъ частей суши, омываемыхъ моремъ, пріобрѣтаютъ полуострова, какъ переходная форма отъ материковъ къ островамъ, а отъ нихъ къ морю. Полуострова, соприкасающіеся съ моремъ бо̀льшею частью своего очертанія, приближаются къ островамъ, а въ той части, въ которой сливаются съ материкомъ, они имѣютъ континентальный характеръ. Если это соединеніе узко и незначительно въ географическомъ смыслѣ, то полуостровъ можно почти считать островомъ, какъ это можно сказать о Пелопонезѣ. Въ противномъ случаѣ дѣйствіе океана ощущается только на берегахъ, наиболѣе выдающихся въ море. Изолированность полуострова, вслѣдствіе которой онъ принадлежитъ болѣе морю, чѣмъ сушѣ, создается и орографическими причинами—высокими горами (Гималаи и Пиренеи), пустынями (Аравія) и большими рѣками (По). Впрочемъ, рѣки способствуютъ и соединенію полуострова съ материкомъ, какъ это дѣлаетъ Дунай въ Сербіи и Болгаріи.

Такимъ образомъ, полуострова могутъ вести и къ замкнутости находящихся на нихъ государствъ, и къ облегченію сношеній ихъ съ материкомъ. Нельзя сказать, чтобы морская часть полуострова изолировала его всего болѣе: Корея въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ имѣла лишь сухопутныя сношенія съ Китаемъ, и уже гораздо позднѣе Японія вынудила ее открыть для морскихъ сообщеній Фузанъ и другія гавани. Но во многихъ случаяхъ политическое развитіе полуострова начиналось въ морской части его, какъ это было съ Индіей, Греціей и Италіей. Полуострова тѣмъ болѣе приближаются къ островамъ, чѣмъ длиннѣе ихъ береговая линія: островной характеръ Греціи выражается въ томъ, что отношеніе береговой линіи ея къ поверхности превосходитъ почти вдвое такое же отношеніе въ Италіи. При большемъ островномъ характерѣ полуострова усиливается и связь его съ близлежащими островами, съ которыми обыкновенно онъ образуетъ одно государство. Такую связь мы видимъ между Цейлономъ и Индіей, Сициліей и Италіей, Эвбеей и Греціей. Съ другой стороны, полуостровъ можетъ распространять свою власть и за предѣлы своей сухопутной границы, которая въ то же время можетъ составлять для него источникъ слабости, потому что черезъ нее часто направляются вторженія съ материка; такъ было съ Италіей, на независимость которой постоянно производили покушенія, иногда и съ успѣхомъ, Австрія и Франція, а

также съ сѣверной Испаніей и сѣверной частью Балканскаго полуострова. Сухопутная граница пріобрѣтаетъ, поэтому, особое значеніе, и на ней сосредоточиваются самые жизненные интересы двухъ сосѣднихъ странъ, какъ мы видимъ это въ Индокитаѣ, Индостанѣ, Кореѣ, Флоридѣ, Калифорніи и Пиренейскомъ полуостровѣ.

Кромѣ полуострововъ большихъ размѣровъ, на которыхъ развивались самостоятельно заявлявшія себя въ исторіи значительныя государства, извѣстное значеніе принадлежитъ и мелкимъ полуостровамъ, обусловливающимъ расчлененность береговъ. Такіе полуострова, какъ Шотландія и Уэльсъ, несомнѣнно, играли замѣтную роль въ исторіи Великобританіи уже потому, что и до сихъ поръ еще они не утратили извѣстной національной самостоятельности. То же можно сказать и о Бретани, которая изъ всѣхъ частей Франціи всего медленнѣе срасталась съ нею. Каждый изъ небольшихъ полуострововъ, на которые распадается Греція, занималъ особое положеніе и имѣлъ свою собственную исторію. Нельзя не упомянуть и о песчаныхъ косахъ или стрѣлкахъ, на которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникали города, пріобрѣтавшіе почти островное положеніе.

Хотя нѣсколько словъ слѣдуетъ сказать и о перешейкахъ. Принадлежа къ сушѣ, они находятся, однако, подъ исключительнымъ вліяніемъ морей и поддерживаютъ связь между ними. Во многихъ случаяхъ они представляютъ собою сравнительно недавнія геологическія образованія: таковы перешейки Суэцкій, Дарьенскій и Панамскій. Поэтому прорѣзываніе этихъ перешейковъ, съ цѣлью открыть свободное сообщеніе между морями, которыя они раздѣляютъ, есть, въ сущности, возстановленіе прежде существовавшей связи между водными поверхностями.

При всѣхъ политическихъ послѣдствіяхъ изолированности полуострововъ, отдѣленныхъ отъ материка высокими горами, они не могутъ не уступать въ этомъ отношеніи островамъ, уединенность которыхъ обусловливается окружающими ихъ морскими пространствами. Съ одной стороны, острова въ своемъ политическомъ развитіи представляютъ условія такъ называемыхъ тѣсныхъ пространствъ, о значеніи которыхъ мы говорили во второй главѣ, но, съ другой стороны, это обстоятельство тѣмъ болѣе способствуетъ развитію своеобразныхъ этническихъ и политическихъ формъ. Для примѣра доста-

точно указать два исключительно островныя, большія государства нашего времени—Великобританію и Японію. Несмотря на различія географическаго положенія и расоваго характера, они представляютъ много сходства между собою. Каждое изъ нихъ развило особый этническій типъ, отличающійся отъ своихъ материковыхъ сородичей, объединивъ въ немъ довольно разнородные элементы, входившіе первоначально въ его составъ. Оба они обладаютъ склонностью къ расширенію и, пользуясь выгодами своихъ морскихъ границъ, опираются на сильный флотъ. Они одинаково опасаются болѣе тѣснаго соприкосновенія съ другими державами: въ силу этого опасенія, Японія долго не открывала своихъ гаваней иноземцамъ, а Великобританія воспротивилась проведенію туннеля подъ Ламаншемъ.

Своеобразности политическаго характера на островахъ соотвѣтствуетъ и оригинальность индивидуальныхъ характеровъ. Островитянинъ чувствуетъ себя подъ защитою моря, и уже это обстоятельство придаетъ ему духъ независимости въ бо̀льшей степени, чѣмъ обитателямъ материковъ. Кантъ говорилъ объ англичанахъ, что они сами создали свой характеръ. Изъ всѣхъ народовъ Европы внутреннее развитіе ихъ началось всего раньше и всего менѣе нарушалось вліяніемъ сосѣдей. Уже при королѣ Альфредѣ они были самостоятельной націей, чего нельзя сказать о французахъ при Карлѣ Великомъ. По выраженію англійскаго историка Фримэна, „ростъ англичанъ совершался въ одномъ и томъ же тѣлѣ, при чемъ въ каждую данную минуту старое никогда совсѣмъ не уничтожалось и новое не замѣщало его вполнѣ". Сознаніе народа должно быть совершенно инымъ, когда онъ развивается въ естественныхъ, ненарушимыхъ границахъ, въ сравненіи съ народами материка, искусственно сдерживаемыми въ своихъ предѣлахъ и всегда готовыми перейти черезъ нихъ. Послѣ завоеванія норманновъ Англія не подвергалась чуждымъ вліяніямъ сколько-нибудь крупныхъ размѣровъ. Значеніе эпохи Елизаветы для Англіи именно въ томъ и заключается, что съ тѣхъ поръ она окончательно отрѣшилась отъ этихъ вліяній, въ особенности по отношенію къ Испаніи и Франціи. Въ то же время произошло сліяніе съ Шотландіей, и выгоды островного положенія еще болѣе могли обезпечить этой націи важныя политическія послѣдствія.

Изолированность острова превосходитъ изолированность части суши, отдѣленной отъ сосѣднихъ частей какими-либо трудно

проходимыми границами. Островная жизнь сохраняетъ однѣ и тѣ же формы. Такъ, Исландія представляетъ образецъ старыхъ формъ германской жизни, почти не потерпѣвшихъ отъ времени. Если государство довольствуется замкнутой жизнью въ сторонѣ отъ другихъ, то оно при подобномъ положеніи легко впадаетъ въ неподвижность и является политически отсталымъ и слабымъ. Это положеніе оказалось справедливымъ во всей своей силѣ для Ирландіи. Нормандскія поселенія въ Гренландіи, основанныя еще въ концѣ X вѣка, исчезли, не оставивъ никакого слѣда въ исторіи. Такія же послѣдствія имѣла изолированность для Венеціи и для Пелопонеза,—послѣдствія, которыя оказались въ ту эпоху, когда историческое движеніе перемѣнило свое русло и отошло отъ ихъ береговъ.

Защищенное положеніе, представляемое островами, выражается и въ мелкихъ островахъ и придаетъ имъ значеніе естественныхъ укрѣпленій. Этимъ объясняются усилія морскихъ державъ къ завладѣнію небольшими островами, каковы Гельголандъ, Перимъ, при входѣ въ Красное море, Гонконгъ и др. По той же причинѣ многіе большіе города основывались на островахъ, какъ, напримѣръ, Тиръ, Гадесъ, Бомбей, Занзибаръ, Гонконгъ и Нью-Іоркъ. Даже бури и большія волненія служатъ для защиты острововъ. Бора (сѣверо-восточный вѣтеръ) считался однимъ изъ средствъ охраны Венеціи. Насколько острова казались приморскимъ народамъ наиболѣе надежными мѣстами, мы видимъ изъ того, что греки построили свой національный храмъ на островѣ Делосѣ. Та же причина, съ другой стороны, заставляла избирать острова для мѣста изгнанія и заключенія; такой характеръ получили въ новѣйшее время Новая Каледонія и Сахалинъ. Острова были всегда мѣстомъ убѣжища, куда стекались бѣглецы изъ разныхъ странъ, что было выгодно для мѣстнаго населенія, такъ какъ иноземцы приносили съ собою свѣжія силы и новыя знанія. Голландцы и французы, присоединившіеся къ Реформаціи, оказали большую пользу Англіи, принеся съ собою неизвѣстные тамъ промыслы и техническіе пріемы.

Нѣкоторые острова, какъ, напримѣръ, Англія, сумѣли выйти изъ замкнутаго круга своего географическаго положенія и распространить свою власть на цѣлые внѣ-европейскіе материки, но другіе острова, для которыхъ политическія обстоятельства или свойства ихъ населенія не допустили большого распространенія, быстро достигнувъ

зрѣлости, впослѣдствіи утратили всякое самостоятельное значеніе. Такую судьбу испытала Сицилія, которая въ XII и XIII вв. была одной изъ могущественныхъ странъ Европы. Теперь на нашихъ глазахъ Японія ищетъ выхода изъ своего замкнутаго пространства, давно уже ставшаго слишкомъ тѣснымъ для ея обитателей.

Какъ скоро жители побережья освоятся съ моремъ, они пускаются въ болѣе и болѣе дальнія поѣздки, оцѣнивая преимущества этого способа сообщенія, свободнаго отъ препятствій и враговъ, встрѣчающихся на сушѣ. При этихъ поѣздкахъ особое значеніе получаютъ острова, какъ мѣста отдыха и возобновленія продовольственныхъ запасовъ и прѣсной воды. Благодаря островамъ, норманны достигли съ одной стороны Сициліи, а съ другой Америки. И малайцы, пользуясь островами Тихаго и Индійскаго океановъ, распространились къ западу до Мадагаскара, а къ востоку до острова Пасхи. По той же причинѣ мы всегда видимъ острова во власти мореходныхъ народовъ. Значеніе островковъ для морской державы лучше всего можно оцѣнить въ исторіи распространенія Англіи, всегда искавшей въ островахъ опоры для установленія своей власти надъ морями.

Значеніе островковъ зависитъ отъ большей или меньшей самостоятельности ихъ, отъ степени ихъ связи съ материками и отъ положенія ихъ на болѣе или менѣе торныхъ морскихъ путяхъ. Островъ, лежащій передъ материкомъ, имѣетъ преимущество большей самостоятельности въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ и въ то же время извѣстной связи съ нимъ, а также и передового положенія на морѣ. И материки выигрываютъ отъ сосѣдства островковъ, какъ мы видимъ это въ Аттикѣ по отношенію къ Эвбеѣ, въ области устья рѣки Гудзонъ по отношенію къ острову, на которомъ построенъ Нью-Іоркъ, и въ южной Флоридѣ по отношенію къ Кэй-Уэсту. Преимущества островковъ выражаются уже тѣмъ, что они обыкновенно бываютъ гуще населены, чѣмъ ближайшія мѣста побережья материка: еще древніе писатели замѣчали, что островитяне обрабатывали даже горные склоны, между тѣмъ, какъ у обитателей сосѣднихъ частей материка обширныя пространства оставались невоздѣланными. Эти заманчивыя стороны островковъ, привлекающія къ нимъ все новыхъ и новыхъ обитателей, создавали во многихъ случаяхъ пестрый составъ населенія, какъ въ культурныхъ, такъ и въ некультурныхъ поясахъ

земли. Не только острова Средиземнаго и другихъ морей Европы отличаются разнообразіемъ своихъ этническихъ элементовъ; то же самое мы видимъ на островахъ Океаніи, гдѣ полинезійцы смѣшивались съ меланезійцами, и на Мадагаскарѣ, гдѣ малайцы сталкивались съ неграми.

Значеніе островов изменяется при перемѣнахъ исторической судьбы близлежащихъ материковыхъ странъ, и нѣкоторые изъ островов, нѣкогда пользовавшіеся міровой извѣстностью, имѣютъ теперь лишь второстепенное значеніе. Это можно сказать объ островахъ и Средиземнаго моря, и Атлантическаго океана, но исключеніе должно быть сдѣлано для островов, служащихъ соединительными звеньями между материками. Такъ, одинаковую цѣнность для мореплаванія и торговли навсегда сохранятъ острова, соединяющіе Европу и Африку, Сѣверную и Южную Америку (Антильскіе) и Азію съ Австраліей (Зондскіе и др.).

Въ смыслѣ политической географіи, мы не можемъ отдѣлять сушу отъ моря, такъ какъ на него простирается власть государствъ, берега которыхъ оно омываетъ. Говорить о морѣ, какъ о пустынномъ, никому не принадлежащемъ пространствѣ, можно только въ тѣхъ случаяхъ, когда на берегахъ его обитаютъ низко стоящіе въ культурномъ отношеніи народы, въ родѣ австралійцевъ, готтентотовъ и т. под., пользующихся моремъ лишь для рыбной ловли, не отваживающихся далеко пускаться въ него и не имѣющихъ силы защищать свои берега отъ непріятельскихъ вторженій. Къ морямъ, на которыя никто не заявляетъ притязаній, относятся и полярныя моря, льды которыхъ дѣлаютъ ихъ недоступными для судовъ.

И обширныя водныя пространства, и легкость передвиженія по водамъ океана съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ научился перемѣщаться по нимъ, оказывали громадное вліяніе на исторію, способствуя распространенію человѣчества. Каждое государство, пробивавшееся на морскіе берега, не только выигрывало въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, усиливая сбытъ своихъ издѣлій и получая взамѣнъ ихъ новыя, не производившіяся имъ, но получало и выходъ для своего стремленія къ расширенію, распространяя свое вліяніе на обширныя, свободныя морскія пространства. Тогда у него являлся новый органъ, увеличивавшій его силу, а именно—военный флотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на морѣ рѣшались вопросы о преобладаніи

того или другого государства, какъ это было въ борьбѣ Англіи и Испаніи. При такихъ столкновеніяхъ преодолѣвала не исключительно морская сила, а духовный подъемъ самого государства, въ рукахъ котораго флотъ былъ только орудіемъ. Поэтому морское могущество современныхъ державъ заключается не въ одномъ только количествѣ и техническомъ совершенствѣ судовъ, но и въ той политической идеѣ, какая связана съ тѣмъ или другимъ флагомъ. Непосредственное вліяніе моря бываетъ, однако, неодинаковымъ, завися отъ странъ, которыя оно омываетъ, отъ величины водныхъ поверхностей и отъ связи съ другими частями моря. Средиземное море одинаково проникаетъ во всѣ окружающія его страны, чего нельзя сказать о Балтійскомъ, и для Америки Атлантическій океанъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Тихій.

Преобладаніе водной поверхности, превышающей почти втрое поверхность суши, отражается въ политической географіи настолько же, насколько и въ физической. Это отношеніе надо всегда помнить при сравнительной оцѣнкѣ материковъ, которые являются только островами всемірнаго океана. И небольшія протяженія берега открываютъ доступъ къ океану, а слѣдовательно, и ко всѣмъ берегамъ его. Море связываетъ отдаленныя другъ отъ друга части земли, проникая между ними и охватывая ихъ. Сообщеніе по морю легче, чѣмъ по сушѣ, и поэтому, съ помощью его, тѣмъ легче можетъ распространяться политическая власть. Даже не обширная и слабая страна, благодаря владычеству на морѣ, можетъ пріобрѣсти вліяніе на многія другія страны; съ другой стороны, никакое государство не можетъ быть сильнымъ, если оно не проявляетъ своей силы на морѣ.

Единство морской поверхности, которая въ дѣйствительности сливается въ одинъ океанъ, выражается въ томъ, что на морѣ нѣтъ ни раздѣленія, ни границъ. Всѣ договоры о разграниченіи морей имѣли обыкновенно лишь временное и незначительное дѣйствіе. Вслѣдствіе единства моря, морское владычество всегда стремится къ единовластію, такъ же, какъ морская торговля—къ монополіи. Во всѣхъ поясахъ—одна и та же голубая или зеленая поверхность соленой воды, одинаково волнующаяся и у ледяныхъ горъ, и у коралловыхъ рифовъ. Различія между морями создаются разнообразіемъ формъ омываемой ими суши; тамъ, гдѣ эти формы сходны, являются сходныя жизненныя условія. Сходства этихъ формъ въ восточной части

Средиземнаго моря, облегчали греческую колонизацію, которая на всѣхъ берегахъ находила нѣчто знакомое и родственное. Это подобіе замѣчается и на берегахъ, усѣянныхъ дюнами или снабженныхъ дельтами, и поэтому морскимъ народамъ легче разставаться съ родиной, въ надеждѣ найти ее въ другихъ странахъ, чѣмъ обитателямъ внутреннихъ частей суши.

Суша, посредствомъ большихъ и малыхъ острововъ, разбросанныхъ по морю, раздѣляетъ его на большіе и малые отдѣлы, которымъ очертанія суши придаютъ самую разнообразную форму; хотя они и соединяются между собою, но иногда, для того, чтобы попасть изъ одного въ другой, приходится дѣлать большой обходъ вокругъ выдвигающейся части суши. Обширныя океаническія пространства соединяются между собой узкими проливами. Одна часть моря можетъ быть богата островами, и тогда она раздѣляется на небольшія части, или она можетъ вовсе не имѣть острововъ, и въ такомъ случаѣ представляетъ однообразную форму поверхности. Интересы народовъ, разсѣивающіеся въ океанѣ, сближаются между собою въ съуженныхъ морскихъ пространствахъ, въ зависимости отъ близости береговъ между собой. Берега получаютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ меньше моря, омывающія ихъ: Сицилія, напримѣръ, не имѣла бы такого значенія, если бы лежала въ открытомъ океанѣ. Вліяніе береговъ всего болѣе въ узкихъ проливахъ, входъ и выходъ которыхъ охраняется по обѣимъ сторонамъ пушками.

Сознавая выгоды сосѣдства съ моремъ, каждое государство стремится завладѣть возможно бо́льшимъ протяженіемъ береговой линіи, захватывая ее отъ одного залива или отъ одного мыса до другого. Соперничество между державами всего болѣе проявляется въ замкнутыхъ моряхъ, которое каждая изъ нихъ стремится сдѣлать своимъ внутреннимъ моремъ. Мы видимъ это въ борьбѣ Россіи съ тевтонскими рыцарями съ Швеціей за обладаніе Балтійскимъ моремъ и въ борьбѣ ея съ Турціей за обладаніе Чернымъ моремъ. На самомъ дѣлѣ, однако, даже сильная держава не могла бы присвоить себѣ исключительнаго права владѣнія ограниченнымъ морскимъ пространствомъ настолько, чтобы не пускать туда кораблей другихъ державъ; эти послѣднія соединенными силами заставили бы ее отказаться отъ такого исключительнаго обладанія внутреннимъ моремъ, такъ какъ вся исторія пріучила къ свободному пользованію

морскими водами. Турція, владѣя Дарданельскимъ проливомъ, могла добиться только запрещенія военнымъ кораблямъ проходить черезъ этотъ проливъ, и такимъ результатомъ обязана стремленію нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ ограничить морское могущество Россіи.

Говоря о политическомъ положеніи, мы уже упоминали о преимуществахъ странъ, выдвигающихся въ море, по отношенію къ противолежащимъ странамъ морского берега. Выгода такого положенія особенно наглядно замѣчается въ отношеніяхъ Англіи и Сѣверной Америки. Оно не только нѣкогда позволило Англіи завладѣть этимъ материкомъ предпочтительно передъ Франціей, но и до сихъ поръ поддерживаетъ торговый обмѣнъ въ громадныхъ размѣрахъ. Подобныя же отношенія, хотя и въ меньшемъ развитіи, существуетъ между Португаліей и Бразиліей. По той же причинѣ мысы получаютъ важное политическое значеніе, иногда не уступая въ этомъ отношеніи полуостровамъ.

Политическая важность проливовъ заключается не только въ томъ, что они допускаютъ сообщеніе между сосѣдними замкнутыми морями, но еще и въ томъ, что на ихъ берегахъ сосредоточиваются интересы прилегающихъ къ нимъ странъ. Населенія обоихъ береговъ обыкновенно смѣшиваются, хотя бы полосы того и другого были во власти различныхъ державъ, какъ мы это можемъ видѣть на берегахъ Ламанша. Берега пролива выигрываютъ еще болѣе, если черезъ него направляется значительное торговое движеніе; въ такомъ случаѣ возникаютъ такіе міровые города, какъ Константинополь. Однако, политическое значеніе проливовъ не измѣряется однимъ количествомъ или вмѣстимостью проходящихъ въ нихъ кораблей. Несмотря на древнюю славу Босфора, Суэзскій каналъ долженъ былъ оставить его за собою, потому что первый ведетъ изъ Средиземнаго моря въ замкнутое Черное море, а послѣдній—въ Индійскій и Тихій океаны.

Атлантическій океанъ придаетъ своимъ берегамъ большее значеніе, чѣмъ Тихій, потому что онъ лежитъ между Европой и Америкой. Будучи почти вдвое меньше Тихаго океана, онъ до сихъ поръ исключительно можетъ называться историческимъ, замѣнивъ въ этомъ смыслѣ въ новой исторіи Средиземное море. Значеніе его выражается въ томъ, что старѣйшіе, многолюднѣйшіе и наиболѣе торговые города Сѣверной Америки лежатъ на атлантическомъ берегу ея. Такимъ

образомъ, Атлантическій океанъ является главнѣйшимъ океаномъ сѣвернаго полушарія, уступая эту роль Тихому только въ южномъ полушаріи. Въ сѣверной части Тихаго океана господствуютъ Россія и Соединенные Штаты, а въ южной—Англія. Прорытіе Панамскаго перешейка обѣщаетъ главную выгоду прибрежнымъ городамъ Тихаго океана въ томъ отношеніи, что приблизитъ ихъ къ Атлантическому: тогда для достиженія Лимы и Вальпарайсо понадобится вдвое меньше времени, чѣмъ теперь. Хотя въ западной Америкѣ и вѣрятъ, что будущее принадлежитъ Тихому океану, но пока еще сила государствъ опредѣляется отношеніемъ ихъ къ Атлантическому океану.

Мы уже говорили о нравственныхъ качествахъ, развиваемыхъ въ обитателяхъ приморской страны ихъ сосѣдствомъ съ моремъ. Изъ всѣхъ обширныхъ пространствъ морскія пространства производятъ наибольшее вліяніе на человѣческій духъ, отражающееся въ расширеніи политическихъ и торговыхъ интересовъ. Нельзя сказать, однако, чтобы море порождало космополитизмъ: если обитатель морского побережья легко перемѣщается въ другія, подобныя же мѣстности, то онъ все-таки не теряетъ связи съ родиной, а остающійся въ своемъ отечествѣ смотритъ на другія подобныя страны преимущественно какъ на источники обогащенія своего народа, своей родины. Достаточно убѣдительный примѣръ тому мы видимъ въ нынѣшней Англіи. Ея стремленіе къ захватамъ цѣлыхъ странъ и материковъ можетъ быть отчасти объяснено тѣмъ, что распространеніе своей власти надъ морями вызываетъ къ дѣятельности иныя силы, чѣмъ стремленіе къ увеличенію своей территоріи на сушѣ. Расширеніе морского могущества не можетъ быть дѣломъ одного геніальнаго правителя или только побѣдоноснаго войска. Въ немъ участвуютъ всѣ граждане страны своей личной смѣлостью, предпріимчивостью и знаніями. Поэтому расширеніе власти на морѣ является лучшей школой энергичныхъ народовъ. Могущество Рима превратилось въ міровое первенство съ той поры, какъ онъ сдѣлался морской державой. Венеція, Нидерланды и Англія обязаны своимъ превосходствомъ въ умственной жизни ихъ времени своимъ качествамъ морскихъ державъ. Могущество послѣднихъ заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ морскихъ силахъ, или флотѣ. Англія побѣдила Нидерланды громаднымъ развитіемъ своего торговаго флота. Всѣ морскія, державы склонны пренебрегать своими сухопутными военными силами,

что мы могли видѣть въ послѣднюю войну Англіи въ южной Африкѣ. Поддержаніе морского могущества легче для островныхъ государствъ, такъ какъ позволяетъ имъ сосредоточиваться на своихъ морскихъ силахъ и на оборонѣ своихъ береговъ. Исключительное развитіе морскихъ силъ въ ущербъ сухопутнымъ всегда бываетъ опаснымъ для будущности государства, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Голландіи, Даніи и Швеціи. Настоящей міровой политикой морской державы должно быть соединеніе океаническихъ и континентальныхъ интересовъ. Англія стремится перейти къ такой политикѣ путемъ своего имперіализма, но уже встрѣчаетъ сильнаго противника въ лицѣ Германіи, стремящейся изъ материковой державы сдѣлаться и морской державой. Предсказать исходъ такихъ стремленій для Англіи пока еще трудно, въ виду того, что ей придется сталкиваться на этомъ пути съ континентальными державами, борьба съ которыми, какъ, напримѣръ, съ Россіей въ Азіи, представляетъ для нея большія опасности.

Морскія бури и волненія вызывали большія потери человѣческихъ жизней, но въ то же время содѣйствовали всего болѣе закаливанію народовъ, отдававшихся во власть такъ называемой „невѣрной стихіи". Съ теченіемъ времени моряки ознакомились съ періодическими и неперіодическими движеніями моря и сумѣли воспользоваться съ выгодою для себя и постоянными вѣтрами, и правильными теченіями. Послѣднія до изобрѣтенія пара представляли иногда серьезное препятствіе для судовъ, но въ другихъ случаяхъ, напротивъ, содѣйствовали открытію новыхъ странъ и установленію правильныхъ сообщеній. Извѣстно, какую роль сыграло морское теченіе въ первомъ путешествіи Колумба. Оно же дало увѣренность въ существованіи новаго материка, принося оттуда обломки неизвѣстныхъ деревьевъ. Такія же указанія давали путешественникамъ и теченія полярныхъ морей. Даже и пароходы настоящаго времени, идущіе изъ Америки въ Европу, пользуются гольфстрёмомъ, несущимъ ихъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку.

Во многихъ мѣстахъ мореплавателямъ помогаютъ и приливы, облегчая имъ входъ въ мелководныя гавани. Приливы увеличиваютъ значеніе рѣкъ, впадающихъ въ море, распространяясь въ нихъ на большое протяженіе, способствуя движенію въ нихъ судовъ до тѣхъ пунктовъ, гдѣ уже заканчивается ихъ вліяніе. Этотъ подъемъ при-

ливной волны простирается, напримѣръ, въ рѣкѣ Св. Лаврентія на 700 км. Въ другой рѣкѣ Сѣверной Америки, Гудзонѣ, сила прилива чувствуется по всему ея теченію. Подобныя рѣки пріобрѣтаютъ характеръ морскихъ рукавовъ, который вводилъ въ заблужденіе многихъ мореплавателей, какъ, напр., при открытіи сѣверо-западнаго прохода изъ Атлантическаго океана въ Тихій черезъ воды полярнаго архипелага Сѣверной Америки.

Рѣки, питая море, являются продолженіемъ его, вдающимся внутрь материковъ. Рѣки отступаютъ передъ моремъ въ смыслѣ бо́льшей ограниченности сообщенія, какое онѣ представляютъ въ сравненіи съ нимъ. Ихъ можно назвать слабыми отпрысками моря, способствующими сношеніямъ съ нимъ, но лишь на извѣстномъ протяженіи, установленномъ природой. Ограниченность рѣчного сообщенія заключается не только въ меньшей площади поверхности рѣкъ, но и въ зависимости отъ строенія ложа: нѣкоторыя, даже многоводныя рѣки не допускаютъ судоходства по всей ихъ длинѣ вслѣдствіе пороговъ, и рѣчныя системы развѣтвляются иногда весьма причудливо, вслѣдствіе возвышенностей, встрѣчающихся на ихъ пути. Въ виду того, даже обладаніе большими рѣками не можетъ замѣнить обладанія морскимъ берегомъ.

Вода имѣетъ огромную важность для жизни человѣчества и какъ средство сообщенія, и какъ необходимый элементъ его питанія. Въ этомъ смыслѣ даже небольшіе источники въ маловодныхъ мѣстностяхъ получаютъ большую важность, устанавливая направленіе путей, а при бо́льшемъ обиліи воды, привлекая къ себѣ населеніе. Уменьшеніе количества воды въ рѣкахъ и озерахъ вслѣдствіе высыханія дѣйствуетъ гибельно на орошаемую ими мѣстность, въ особенности, если рѣки служатъ для орошенія полей. Пониженіе уровня рѣкъ и обмелѣніе ихъ заставляетъ иногда покидать построенные на нихъ города и переносить ихъ въ другое мѣсто. Потребность въ водѣ въ сухихъ мѣстностяхъ способствуетъ скрѣпленію общественнаго союза, въ виду необходимости соединенныхъ усилій для этой цѣли. Мы видимъ это въ государствахъ Америки и въ древнемъ Египтѣ и Месопотаміи.

Но главное значеніе рѣкъ заключается все-таки въ ихъ связи съ моремъ, открывающей доступъ во внутреннія части материка. Въ виду того, обиліе рѣкъ на берегу моря отчасти замѣняетъ расчле-

ненность берега, какъ мы это видимъ на берегу Нѣмецкаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяніе рѣкъ выражается въ томъ, что онѣ служатъ путями сообщенія, перерѣзываютъ сушу, раздѣляя ее на отдѣльные участки, распространяютъ плодородіе по своимъ берегамъ съ помощью разливовъ и являются средоточіями особенно густого населенія.

Значеніе многоводной рѣчной сѣти, находящейся въ открытомъ соединеніи съ моремъ, для внутренней и внѣшней торговли оцѣнивалось вездѣ и всегда всѣми народами, и націи, занимающія передовыя мѣста въ міровой торговлѣ, обязаны этимъ преимуществомъ, между прочимъ, выгодному распредѣленію судоходныхъ рѣкъ въ своихъ мѣстообитаніяхъ. Это можно сказать о Голландіи, Англіи и Франціи. Россія и Сѣверная Америка, при обширныхъ территоріяхъ, на которыхъ естественные и наиболѣе дешевые пути сообщенія, представляемые рѣками, имѣютъ особенную важность, всегда извлекали пользу изъ своихъ судоходныхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ страну на большихъ протяженіяхъ. Особенно богато надѣлены природой въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, которымъ бассейнъ Миссисипи доставляетъ 20.000 км. удобныхъ водныхъ путей. Но и на меньшихъ пространствахъ мы видимъ полезное дѣйствіе судоходныхъ рѣкъ на торговое движеніе страны. Судоходство Германіи наиболѣе значительно въ сѣверной низинѣ, гдѣ текутъ много рѣкъ въ Нѣмецкое море, и самыя большія изъ нихъ, Эльба и Одеръ, приближаются другъ къ другу на 14 км. Тамъ, гдѣ естественная сѣть рѣкъ представляетъ пробѣлы, затрудняющіе сообщеніе, это неудобство устраняется съ помощью каналовъ. Стремленіе восполнить эти недостатки настолько естественно, что мы видимъ развитую канализацію уже у древнихъ египтянъ, халдеевъ, китайцевъ и индусовъ. Первые каналы въ Голландіи были проведены римлянами, и съ тѣхъ поръ эта страна стала самою богатою въ этомъ отношеніи страной Европы.

Число и многоводность рѣкъ зависятъ отъ климата, и поэтому рѣки, въ свою очередь, распредѣляются поясами, что особенно замѣтно въ частяхъ свѣта, отличающихся простотою строенія и климатическихъ отношеній. Въ Азіи бросается въ глаза различіе богатыхъ рѣками сѣверной и южной частей материка и бѣдной орошеніемъ центральной части. Не менѣе замѣтно и различіе противоположнаго характера между сѣверной и южной Африкой съ скуднымъ орошеніемъ и богато-

надѣленной рѣками средней частью этого материка. Незначительное распространеніе умѣреннаго пояса въ южномъ полушаріи обусловливаетъ невыгодную для этого пояса бѣдность рѣками, что особенно отражается въ Австраліи. Рѣки выигрываютъ въ своемъ значеніи, когда протекаютъ по скудно орошеннымъ областямъ. Лучшимъ примѣромъ того можетъ служить Нилъ, а также и Хоанхо, текущая изъ внутренней Азіи къ морю.

Со свойствомъ рѣкъ служить удобными путями внутри страны связывается свойство ихъ привлекать къ себѣ населеніе. Рѣки вообще не раздѣляютъ, а связываютъ народы. Мы видимъ это въ исторіи Рейна, соединявшаго еще въ древности галловъ и германцевъ и унизаннаго городами по обоимъ берегамъ. То же можно сказать и о Луарѣ, и о Сенѣ: Мишле называлъ Парижъ, Руанъ и Гавръ однимъ городомъ, главной улицей котораго является Сена. Тѣмъ болѣе настоящей жизненной артеріей страны оказывается такая рѣка, какъ Нилъ, которая одна только создаетъ жизнь въ окружающей ее пустынѣ. Значеніе Нила не исчерпывается тѣмъ, что Египетъ можно назвать, словами Геродота, „даромъ рѣки Нила“; древніе египтяне называли Нилъ Египтомъ, и имя его распространилось на всю страну, которая есть не что иное, какъ его долина. Народы ищутъ въ рѣкахъ защиты, плодородія и удобства сообщенія, вслѣдствіе чего между тѣми и другими устанавливается тѣсная связь. Эта связь, впрочемъ, развивается лишь съ развитіемъ культуры: на низшихъ ступеняхъ ея рѣки не служатъ еще путями сообщенія и не имѣютъ значенія политическихъ границъ и стратегическихъ линій. Онѣ дѣйствуютъ, скорѣе, какъ линіи, по которымъ направляется передвиженіе и группируются населенія. Такимъ путемъ возникаютъ настоящіе рѣчные народы, жизнь которыхъ непосредственно связана съ рѣкою, на берегу которой они живутъ. Такъ, Конго, начиная отъ верхняго теченія Уэлле, почти по всему своему протяженію, окружена рыболовными и судоходными народами, господствующими надъ нею. Такое же распространеніе индѣйцевъ Южной Америки мы замѣчаемъ по Амазонкѣ и ея южнымъ притокамъ. Связь этихъ дикарей съ большой рѣкой, на которой они обитаютъ, нѣсколько иная, чѣмъ у культурныхъ народовъ. Для послѣднихъ рѣки имѣютъ по преимуществу торговое значеніе, а на первыхъ порахъ служили путями для перемѣщенія на большія разстоянія и

для распространенія по отдаленнымъ мѣстностямъ страны. Между тѣмъ, дикари, подобно приморскимъ дикарямъ, пользуются рѣкою преимущественно какъ средствомъ прокормленія и не проникаютъ на далекія протяженія отъ мѣста своего обитанія.

Казалось бы вполнѣ естественнымъ для народовъ распространяться внизъ по теченію рѣкъ, но исторія не оправдываетъ этого естественнаго предположенія. Повидимому, Египетъ всего удобнѣе могъ бы быть заселенъ изъ Абиссиніи, откуда вытекаетъ восточный истокъ Нила, но вся культура Египта противорѣчитъ этой простой догадкѣ, будучи продуктомъ нильской долины, не имѣющимъ ничего общаго съ упомянутымъ истокомъ Нила и Абиссиніей. Поэтому мы должны допустить, что населеніе могло двигаться внизъ по теченію, а культура должна была вступить въ Египетъ по направленію отъ устьевъ Нила, такъ какъ признаки ея впервые замѣчаются въ нижнемъ Египтѣ. Тѣмъ не менѣе, направленіе рѣкъ содѣйствовало мирнымъ сношеніямъ народовъ и опредѣляло путь стремленіямъ къ политическому господству въ особенности въ своихъ нижнихъ теченіяхъ. Желѣзныя дороги лишь отчасти ослабляютъ дѣйствіе рѣкъ, направляющее населенія по ихъ теченію. Мы видимъ это въ Россіи, гдѣ увеличеніе желѣзнодорожной сѣти не препятствуетъ развитію народной жизни по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру и пр. Если это развитіе встрѣчаетъ нѣкоторое ограниченіе, то оно заключается въ уменьшеніи судоходной способности рѣкъ, вслѣдствіе обмелѣнія, измѣненія русла и т. под., Во многихъ рѣкахъ среднее теченіе имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ нижнее, которое является наполовину рѣкой, наполовину моремъ. Въ среднемъ теченіи рѣка пріобрѣтаетъ полную самостоятельность и представляетъ наибольшую естественную связь со своими притоками, которые вполнѣ принадлежатъ ей, между тѣмъ какъ въ нижнемъ теченіи съ нею могутъ сливаться чуждые элементы (сліяніе Прута съ Дунаемъ или Мааса съ Рейномъ). Верхнее теченіе представляетъ менѣе удобствъ для распространенія, являясь въ равнинныхъ мѣстахъ маловоднымъ, а въ горныхъ трудно проходимыми ущельями.

Большія рѣки далеко не всегда принадлежатъ одному государству, что въ особенности можно сказать о рѣкахъ средней Европы. Такъ, Германіи принадлежитъ лишь среднее теченіе Рейна, верхнее теченіе котораго находится въ Швейцаріи, а нижнее въ Голландіи.

Устья двухъ большихъ рѣкъ Россіи, Вислы и Нѣмана, лежатъ не въ ея предѣлахъ, а въ Пруссіи. Такіе факты не вызываютъ, однако, политическихъ осложненій и не ведутъ къ спорамъ между державами, владѣющими совмѣстно теченіемъ рѣки. Это раздѣленіе уравновѣшивается свободою плаванія по рѣкѣ, обезпеченной политическими трактатами. Рѣка не теряетъ своей связующей силы, даже находясь въ различныхъ рукахъ, и тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ ее, когда принадлежитъ одному государству, по крайней мѣрѣ, въ большей части своего теченія. Не даромъ существуетъ мнѣніе, что разрозненныя въ національномъ отношеніи государства Австріи связываются Дунаемъ, и что Миссисипи воспрепятствовала распаденію штатовъ Сѣверной Америки на сѣверные и южные. Связующее значеніе для русскаго царства имѣла и Волга съ ея притоками, сплотившая лѣсную и степную области Россіи; въ бассейнѣ ея были основаны важнѣйшіе города (Владиміръ-на-Клязьмѣ, Москва, Нижній Новгородъ и пр., игравшіе роль политическихъ и экономическихъ центровъ). Развитіе государствъ въ новыхъ территоріяхъ всегда связывается съ рѣками. Не даромъ рѣки Африки служатъ всего чаще предметомъ несогласія между державами, постепенно завладѣвающими этой частью свѣта: Англія и Португалія спорятъ изъ-за Ширэ и Замбези, Англія, Франція и Германія соперничаютъ на Нигерѣ.

Эта борьба за обладаніе рѣками объясняется и выгодами ихъ эксплоатаціи, и удобствомъ ихъ въ качествѣ естественныхъ границъ. Въ главѣ о границахъ мы уже говорили, насколько рѣки могутъ считаться естественными границами, и повторимъ здѣсь только, что въ этомъ качествѣ онѣ выступаютъ лишь тамъ, гдѣ требуется искусственное раздѣленіе большихъ областей, лишенныхъ опредѣленныхъ границъ, какъ, напр., въ Индіи, гдѣ такими границами принимаются Индъ и Гангъ.

Своимъ раздробленіемъ на безчисленные источники, ручьи и притоки, рѣчная система дѣлитъ страну на соотвѣтственное число отдѣловъ, по большей части, окруженныхъ водою. Это — внутреннее раздѣленіе, дополняющее и отмѣчающее неровности почвы, но при этомъ прежде всего выступаютъ орографическія черты, а не болѣе или менѣе обильное количество воды въ странѣ. Здѣсь указывается лишь раздробленіе суши впадинами, занятыми проточною водою.

Онѣ вовсе не должны быть велики, чтобы имѣть географическое и даже историческое значенiе: Рубиконъ, Минчiо и т. п. — рѣки небольшихъ размѣровъ.

Соединенiе двухъ рѣкъ, или впаденiе притока въ главную рѣку, означаетъ соединенiе двухъ естественныхъ путей, а часто и двухъ политическихъ направленiй. Чѣмъ области, соединяющiяся такимъ образомъ, болѣе отличаются одна отъ другой, тѣмъ бо́льшую важность получаетъ мѣсто ихъ соприкосновенiя. Если измѣненiе въ направленiи главной рѣки происходитъ отъ впаденiя притока, то это еще болѣе содѣйствуетъ увеличенiю значенiя мѣста соединенiя двухъ рѣкъ. Развитiе рѣкъ обусловливается впаденiемъ притоковъ съ различныхъ сторонъ, при чемъ возникаютъ пункты, имѣющiе характеръ центровъ: таковы Кобленцъ, при слiянiи Мозеля и Рейна, Майнцъ— Майна и Наге и проч. Но самый величественный примѣръ этого рода представляетъ расширенiе Нила, который, принявъ Бахръ-Эль-Газаль и Собатъ, открываетъ дороги въ восточный Суданъ, къ верхнему Конго, къ экваторiальнымъ озерамъ и въ страну галласовъ. При несовершенствѣ судостроительной и инженерной техники, рѣки раздѣляютъ сосѣднiя области, и особую важность получаютъ, въ такихъ случаяхъ, мѣста переправъ, на которыхъ рѣку можно переѣхать въ бродъ. Иногда въ такихъ мѣстахъ создаются поселенiя, превращающiяся въ города. Съ теченiемъ времени значенiе такихъ переправъ переходитъ къ мостамъ. Мы знаемъ изъ древней исторiи о такой переправѣ на Евфратѣ, и о Трояновомъ мостѣ при Турнъ-Северинѣ.

Скопленiя прѣсной воды, которыя мы называемъ озерами, играютъ не маловажную роль въ исторiи человѣчества уже вслѣдствiе большой площади воды, которая въ суммѣ равняется 1,7 миллiоновъ кв. километровъ. Нѣкоторыя озера не уступаютъ своимъ пространствомъ морямъ: такъ, Каспiйское море лишь немногимъ меньше Чернаго и больше Балтiйскаго моря. И въ торговомъ отношенiи озера могутъ занимать высшее мѣсто въ сравненiи съ морями: въ Соединенныхъ Штатахъ торговый флотъ на пяти большихъ озерахъ больше флотовъ Австрiи, Италiи и Грецiя, взятыхъ вмѣстѣ. Озера имѣютъ не только волненiя, равносильныя морскимъ бурямъ, но и теченiя, и даже приливы. Они могутъ служить средоточiемъ рѣчныхъ системъ

и въ этомъ отношеніи могутъ быть поставлены рядомъ съ нѣкоторыми внутренними морями.

Озера также могутъ притягивать къ себѣ населеніе и становиться центромъ государствъ, какъ мы это видимъ во внутренней Азіи, въ Мексикѣ и отчасти во внутренней Африкѣ. Какую цѣнность представляютъ озера для окрестныхъ жителей, мы видимъ всего яснѣе въ Швейцаріи, гдѣ населеніе по преимуществу скучивается около озеръ, и гдѣ многія изъ нихъ раздѣлены между сосѣдними государствами, какъ, напр., Женевское озеро. Даже и небольшія озера могутъ играть подобную роль въ маловодныхъ мѣстностяхъ, а въ болѣе орошенныхъ они имѣютъ значеніе частей рѣчной системы, облегчающихъ передвиженіе по ней. Такое положеніе озеръ оказалось весьма важнымъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ многочисленныя озера, соединенныя съ рѣками, облегчали сношенія во времена, предшествовавшія постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и содѣйствовали эксплоатаціи этой мѣстности.

Кромѣ того, въ доисторическую эпоху озера служили защитой для береговыхъ жителей, которые строились даже надъ поверхностью воды, на сваяхъ. Въ настоящее время эта роль перешла къ болотамъ, имѣющимъ лишь отрицательное значеніе въ исторіи и служащимъ для охраны населеній, пользующихся тамъ обитаемыми мѣстами. Въ силу своей недоступности, въ прежнія времена болота создавали небольшія независимыя общины. Въ наши дни, помимо стратегическаго значенія нѣкоторыхъ болотистыхъ пространствъ, они не имѣютъ цѣнности и повсюду въ культурныхъ странахъ осушаются болѣе или менѣе дѣятельно.

ГЛАВА VI.

Климатъ и почва.

Климатъ страны есть наглядное выраженіе положенія ея въ извѣстномъ поясѣ. Эта связь не замѣчается съ перваго взгляда, но, на самомъ дѣлѣ, дѣла и судьбы народовъ во многомъ зависятъ отъ наклоненія земной оси, отъ приблизительно шаровидной формы земли и отъ движеній ея, которыми обусловливаются суточныя и годовыя перемѣны. Длина дней и ночей на экваторѣ равномѣрнѣе, чѣмъ у насъ, а по ту сторону полярнаго круга дни и ночи тянутся непрерывно цѣлыми

мѣсяцами. Обитатели Явы почти не замѣчаютъ перемѣнъ температуры, а въ восточной Сибири въ январѣ бываетъ до 50° холода, въ іюлѣ до 20° тепла. Въ нашей странѣ атмосферные осадки выпадаютъ во всѣ времена года, а въ Италіи и въ Греціи уже рѣзко выступаютъ дождливые и сухіе періоды. Эти климатическія различія оказываютъ могущественное вліяніе на всю землю и на всѣхъ живыхъ существъ. Вліянія эти должны быть поставлены во главѣ всѣхъ историческихъ изученій. Видя прежде всего, что наклоненіе земной оси на $23^1/_2$° вызываетъ измѣнчивое распредѣленіе тепла, мы приходимъ далѣе къ зависимости вѣтровъ и осадковъ отъ теплоты. Это затрогиваетъ тысячи соединительныхъ нитей, которыя связываютъ съ климатомъ хозяйственную дѣятельность человѣка, его здоровье, распространеніе по землѣ, даже политическую и умственную жизнь.

Дѣйствіе климата на человѣка настолько очевидно, что никогда и никѣмъ не отрицалось и было замѣчено еще древними учеными, изъ которыхъ одинъ (Гиппократъ) оставилъ намъ книгу „О водѣ, воздухѣ и мѣстахъ“. Въ то время понятіе о климатѣ сливалось съ понятіемъ о географическомъ положеніи, и это отождествленіе удерживалось въ сочиненіяхъ по общественнымъ наукамъ почти до нашего времени. Поэтому мы такъ часто видимъ въ такихъ сочиненіяхъ разсужденія о вліяніи климата, къ которому сводятся всѣ измѣненія, претерпѣваемыя человѣкомъ отъ дѣйствія окружающихъ условій. География не можетъ мириться съ такимъ смѣшеніемъ разнородныхъ понятій и, говоря о климатѣ, разумѣетъ только сочетаніе и распредѣленіе главныхъ свойствъ воздуха, тепла и холода, сырости и сухости, т.-е. имѣетъ дѣло съ понятіями, вполнѣ опредѣленными, и съ величинами, поддающимися точному измѣренію.

Та отрасль географіи, которая называется теперь географіей человѣка, показываетъ намъ двоякое дѣйствіе климата на этого послѣдняго. Во-первыхъ, климатъ дѣйствуетъ непосредственно на отдѣльныхъ лицъ, на цѣлые народы и на обитателей цѣлыхъ поясовъ, дѣйствуетъ на ихъ физическую энергію и душевное настроеніе; въ концѣ концовъ, это приводитъ ихъ къ акклиматизаціи, т.-е. къ полному приспособленію къ климатическимъ условіямъ. Во-вторыхъ, онъ дѣйствуетъ посредствующимъ образомъ, вліяя на жизненныя условія, не имѣющія прямого отношенія къ человѣку. Дѣйствіе, оказываемое климатомъ, заключается по преимуществу въ зависимости отъ него животныхъ и

растеній, доставляющихъ человѣку пищу и матеріалъ для одежды и жилища, попадающихся ему въ дикомъ видѣ или входящихъ въ его жизненный обиходъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній. И почва, въ свою очередь, зависитъ отъ климата, создающаго въ одномъ мѣстѣ ледъ или голый камень, а въ другомъ—плодородный черноземъ, вызывающаго преобладаніе степи, лѣса или пустыни. Прямое и посредствующее вліяніе климата отражается и въ политико-географическихъ результатахъ, въ ростѣ государствъ, ихъ прочности и силѣ.

Касаясь вопроса о вліяніи климата на человѣка съ географической точки зрѣнія, мы прежде всего можемъ прослѣдить дѣйствіе его на распространеніе народовъ. Климатическія условія существованія человѣка до извѣстной степени тѣ же, что и для другихъ живыхъ существъ, и ими прежде всего опредѣляются границы географическаго распространенія человѣка. Насколько распространеніе организмовъ зависитъ отъ климата, первое можно назвать пространственнымъ приспособленіемъ. Человѣкъ переноситъ всѣ климаты земли и принадлежитъ къ органическимъ существамъ, наиболѣе поддающимся приспособленію. Онъ живетъ въ самыхъ холодныхъ странахъ и на высотѣ 4500 метр. надъ уровнемъ моря. Мы одинаково видимъ его въ Верхоянскѣ, гдѣ средняя температура января—53°, и въ Массовѣ, на африканскомъ берегу Краснаго моря, считающейся самымъ жаркимъ мѣстомъ на землѣ. Правда, сильная стужа и сильный жаръ не допускаютъ большихъ скопленій людей, значительныхъ поселеній и энергичной хозяйственной дѣятельности. Рѣшающія событія всемірной исторіи происходили между сѣвернымъ полярнымъ кругомъ и тропикомъ Рака. Самыя холодныя и самыя жаркія страны населены далеко не такъ плотно, какъ умѣренныя, въ особенности тамъ, гдѣ онѣ являются лишь колоніями европейскихъ державъ. Это можно сказать о всей тропической Африкѣ, Азіи, Австраліи и Океаніи, и отчасти о тропической Америкѣ. Утвержденіе владычества европейцевъ въ Америкѣ произошло не въ занятой ими ранѣе тропической Америкѣ, а въ Сѣверной Америкѣ. Большое различіе мы видимъ въ исторической судьбѣ той вѣтви тунгузовъ, которая кочуетъ въ холодной полосѣ Азіятской Россіи, и той, которая въ умѣренномъ климатѣ покорила Китай и продолжаетъ властвовать надъ нимъ, той вѣтви

тюркскихъ народовъ, которая живетъ на Ленѣ подъ именемъ якутовъ, и той, которая владѣетъ западной Азіей подъ именемъ турокъ. Англійскій этнографъ Латамъ предлагалъ назвать „поясомъ завоевателей" поясъ земли, гдѣ отъ Эльбы до Амура живутъ германцы, славяне, угры, тюрки, монголы и манчжуры; къ сѣверу отъ этого пояса имъ приходилось встрѣчать только бѣдные и слабые народы, а къ югу—народы, избалованные изобиліемъ и лишенные мужества. Обитатели завоевательнаго пояса въ различныя времена вторгались въ области сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей, но послѣдніе никогда не вытѣсняли первыхъ на продолжительное время изъ мѣстъ ихъ обитанія. Германцы постепенно распространились отъ Атлантическаго океана до Средиземнаго моря, а славяне—отъ того же океана до Адріатическаго моря; тюрки и монголы проникли въ Индію, и въ извѣстную эпоху власть ихъ простиралась отъ Ледовитаго океана до южной Индіи.

Тѣ же различія замѣчаются и въ болѣе тѣсныхъ кругахъ, даже въ предѣлахъ умѣреннаго климата. Во многихъ случаяхъ мы видимъ, что обитатели болѣе сѣверныхъ частей обширной области стоятъ выше обитателей болѣе теплой половины ея. Въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ причину преобладанія сѣверныхъ штатовъ Сѣверо-американской республики надъ южными: послѣдніе располагали къ плантаторскому хозяйству, для котораго требовался трудъ невольниковъ, что́ оказывало развращающее дѣйствіе на мѣстное общество, гдѣ богатые плантаторы и рабовладѣльцы играли видную роль; съ другой стороны, земледѣліе и промышленность въ умѣренномъ климатѣ сѣверныхъ штатовъ могли развиваться всего выгоднѣе, въ условіяхъ упорнаго и свободнаго труда. И это закаляло сѣверянъ и поднимало ихъ энергію. При такомъ естественномъ неравенствѣ силъ борьба должна была окончиться въ пользу сѣвера.

Карта линій, которыми физическая географія соединяетъ мѣста одинаковыхъ температуръ, называя ихъ „изотермами", не лишена историческаго интереса, въ особенности, когда дѣло касается годовыхъ изотермъ, или линій средней годовой температуры. Когда онѣ сближаются между собою, это указываетъ сглаженіе климатическихъ различій, и въ этомъ мѣстѣ облегчается ходъ исторіи; если онѣ дальше отодвигаются другъ отъ друга, то здѣсь уже чувствуется взаимодѣйствіе противоположностей, оказывающее иногда возбуждающее вліяніе на исторію. Боль-

шимъ преимуществомъ Франціи служитъ то, что въ ней незамѣтно сливаются средне-европейскій и средиземный климаты. Когда климатическіе контрасты слишкомъ рѣзки, появляются историческія трещины или пропасти, какъ между сѣверными и южными штатами Сѣверной Америки.

Правильно дующіе вѣтры, каковы пассаты, весьма замѣтно отразились въ исторіи мореходныхъ народовъ, облегчая для нихъ переѣзды по морю въ отдаленныя страны по опредѣленному направленію. До появленія паровыхъ судовъ, въ Индійскомъ океанѣ всѣ сообщенія совершались сообразно перемѣнѣ вѣтровъ. Многія политическія передвиженія зависѣли отъ муссона, какъ, напримѣръ, перемѣщеніе арабовъ въ восточную Африку. И въ разселеніи полинезійцевъ юго-восточный пассатъ игралъ важную роль. Тамъ, гдѣ вѣтеръ гонитъ морскія волны на берегъ, отъ времени до времени уничтожая множество человѣческихъ жизней, у жителей страны развивается энергія, выражающаяся въ большой твердости духа и тѣла. Голландцы, ведя борьбу съ волнами, въ то же время отстаивали съ успѣхомъ и свою политическую свободу. Буря, разсѣявшая армаду Филиппа II, была причиною одного изъ важнѣйшихъ историческихъ событій.

Народы одного и того же пояса живутъ въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ; въ жизни народовъ различныхъ поясовъ, кромѣ этническихъ и культурныхъ различій, выступаютъ и различія климата. Сходство климата въ различныхъ широтахъ одной и той же страны, напротивъ, связываетъ отдѣльныя ея части, придаетъ имъ единство. По мнѣнію французскаго ученаго Леруа Больё, климатъ Россіи является въ жизни ея такимъ же объединяющимъ началомъ, какъ и равнинная, однообразная форма ея поверхности. Ежегодно вся Россія, отъ сѣвера до юга, одинаково находится подъ снѣжнымъ покровомъ. Въ нѣкоторыя зимы у насъ можно проѣхать саннымъ путемъ изъ Архангельска въ Астрахань. Азовское море и сѣверныя части Каспійскаго такъ же замерзаютъ зимой, какъ и Бѣлое море или Финскій заливъ. Лѣтомъ различія между сѣверомъ и югомъ возрастаютъ, но общій материковый характеръ климата придаетъ имъ, тѣмъ не менѣе, извѣстное единство.

Въ географическомъ отношеніи самымъ важнымъ дѣйствіемъ климата на человѣка является его теплота. Мы называемъ жаркимъ такой климатъ, средняя годовая температура котораго превосходитъ

20°, умѣреннымъ, если она не выше 10°, и холоднымъ, если она ниже этой цифры. Климатическіе пояса по температурѣ раздѣляются слѣдующимъ образомъ: въ тропическомъ поясѣ всѣ мѣсяцы жарки. въ подтропическомъ отъ 4 до 11 мѣсяцевъ жарки, остальные умѣренны, въ умѣренномъ поясѣ отъ 4 до 12 мѣсяцевъ умѣренны, въ холодномъ поясѣ отъ 1 до 4 мѣсяцевъ умѣренны, остальные холодны. Въ полярной области всѣ мѣсяцы холодны.

По отношенію къ географіи человѣка мы можемъ установить слѣдующіе существенные признаки главныхъ климатическихъ типовъ.

Жаркій и сырой климатъ тропиковъ характеризуется не столько абсолютной высотой температуры, сколько незначительностью различій и колебаній теплоты и влажности. Эта ровность или одинаковость состоянія погоды съ ежедневными осадками и съ сильной облачностью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обезпечиваетъ результаты человѣческаго труда, но своимъ однообразіемъ усыпляетъ энергію. *Въ областяхъ пассатовъ* климатъ становится *сухимъ и жаркимъ* и, уже вслѣдствіе пространства, которому онъ свойственъ, пріобрѣтаетъ важное значеніе: ему принадлежитъ приблизительно половина земной поверхности. Большія, правильныя колебанія температуры и еще болѣе значительныя, но менѣе правильныя колебанія влажности дѣлаютъ въ этомъ климатѣ занятіе земледѣліемъ весьма ненадежнымъ. Во многихъ мѣстностяхъ этой области засухи и голодные годы часто повторяются. Это—климатъ степей и кочевниковъ. Сухость воздуха не причиняетъ такого разслабленія, какъ сырость тропическаго климата. Этому поясу свойственно и обиліе дневного и ночного свѣта; въ ясныя ночи здѣсь даже Венера отбрасываетъ тѣнь.

Умѣренный климатъ въ своемъ дѣйствіи на человѣка является, главнымъ образомъ, умѣренно теплымъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ немъ больше противоположностей, чѣмъ въ тропическомъ климатѣ. Вмѣсто противоположности сухого и дождливаго времени этого послѣдняго, въ умѣренно-тепломъ климатѣ времена года различаются по теплотѣ—снѣжная зима, болѣе или менѣе дождливое лѣто и переходныя времена, изъ которыхъ весна стоитъ ближе къ зимѣ, а осень къ лѣту. Въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, въ мѣстностяхъ большихъ материковъ, граничащихъ съ океанами, образуются *муссонные климаты*, въ основѣ которыхъ находится противоположность

нагрѣванія и охлажденія моря и суши. Эти климаты характеризуются жаркимъ лѣтомъ и холодной зимой, лѣтними дождями, вѣтрами, мѣняющимися съ каждымъ временемъ года, дующими лѣтомъ съ моря, зимою съ суши. Представителями этого климата могутъ служить Китай и Японія и расположенные соотвѣтственно имъ восточные и Миссисипскіе штаты Сѣверной Америки. Во всѣхъ этихъ областяхъ тропическія растенія и животныя далеко заходятъ на сѣверъ, между тѣмъ какъ сѣверныя формы попадаются у поворотнаго круга.

Своеобразную климатическую провинцію образуютъ *подтропическія переходныя области,* въ которыхъ пассаты чувствуются еще въ видѣ правильныхъ лѣтнихъ сѣверныхъ вѣтровъ. Изъ пустыни дуютъ горячіе вѣтры, поднимающіе температуру до 40°, а съ горныхъ окраинъ на сѣверѣ спускаются холодные ураганы. Въ странахъ Средиземнаго моря мѣстная теплота умѣряется ихъ вліяніемъ, а въ сѣверной Африкѣ и передней Азіи преобладаетъ сухость, усиливаемая плоскогорьями; здѣсь именно лежитъ длинный поясъ пустынь, окруженныхъ степями. Отличительными чертами этого климата является сухость и различіе температуры, иногда равняющееся 70 градусами, между днемъ и ночью. Съ средиземноморскимъ климатомъ сходенъ климатъ береговыхъ странъ Тихаго океана въ умѣренной части Сѣверной и Южной Америки, въ особенности въ Калифорніи и Чили.

Въ *полярномъ климатѣ* вмѣсто пестраго разнообразія климатовъ умѣреннаго пояса, выступаетъ однообразіе холода, подобно тому, какъ въ тропическомъ климатѣ мы находимъ однообразіе тепла. Хотя въ сѣверной и южной полярныхъ областяхъ вода и суша распредѣлены иначе, и климатъ первой можно назвать материковымъ, а второй—океаническимъ полярнымъ климатомъ, но важнѣйшія климатическія свойства обѣихъ оказываются одинаковыми для человѣка; бо́льшая часть страны покрыта льдомъ, возможность растительной и животной жизни на сушѣ весьма ограничена, и человѣкъ вынужденъ жить на узкой береговой полосѣ, такъ какъ тамъ его питаетъ только море.

Дѣйствіе очень теплаго климата на отдѣльнаго человѣка, не родившагося въ немъ, нельзя назвать непосредственно вреднымъ, но слѣдуетъ признать ослабляющимъ. Въ настоящее время, впрочемъ, цифры смертности бѣлыхъ людей подъ тропиками значительно уменьшились; это можно приписать, главнымъ образомъ, большему развитію

и примѣненію гигіеническихъ знаній. Европейцы страдали подъ тропиками не столько отъ климата, сколько отъ собственной неумѣренности и неумѣнья согласовать свой образъ жизни съ требованіями мѣстныхъ условій. Они вредили себѣ слишкомъ большими количествами воды или спиртныхъ напитковъ, которые пили для утоленія жажды, слишкомъ продолжительнымъ и частымъ купаньемъ и слишкомъ малой подвижностью. Ослабляя себя этими нарушеніями мѣстной гигіены, они являлись наиболѣе легкими жертвами различныхъ болѣзней, нерѣдко заканчивавшихся смертью. Что касается солнечнаго жара, то онъ былъ бы невыносимъ для человѣка лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ выше температуры крови. Но такихъ мѣстъ, за немногими исключеніями, не существуетъ на землѣ. Нигдѣ жара не доходитъ до такихъ градусовъ, которые исключали бы возможность существованія человѣка въ этой мѣстности.

Тѣмъ не менѣе, различія температуры на поверхности земли настолько значительны, что для человѣческаго организма, привыкшаго къ той или другой крайности температуры, требуется медленный процессъ *акклиматизаціи*, чтобы приспособиться къ противоположной крайности. Избытокъ тепла производитъ нарушеніе жизненныхъ процессовъ, затрудняющее пребываніе и работу подъ тропиками для всѣхъ, привыкшихъ къ умѣренному климату. Опытъ показываетъ, однако, что вліяніе этого избытка для всѣхъ народовъ далеко не одинаково. Наибольшую способность приспособленія, по указанію опыта, слѣдуетъ признать за китайцами и евреями. Обитатели теплаго умѣреннаго пояса, по отношенію къ тропикамъ, повидимому, болѣе обладаютъ этой способностью, чѣмъ жители холодной части того же пояса. Испанцы и португальцы вполнѣ приспособились къ жизни на Антильскихъ островахъ, и число ихъ въ послѣднее столѣтіе тамъ удесятерилось. То же можно сказать о нихъ относительно материка Южной Америки, а объ итальянцахъ—относительно той же части Америки, Луизіаны и сѣверной Африки. И французы выказываютъ ту же способность на Маскаренскихъ и Антильскихъ островахъ. Въ наименьшей степени эту способность обнаруживаютъ нѣмцы, организмъ которыхъ, повидимому, не обладаетъ такой силой сопротивленія тропическимъ вліяніямъ, какъ организмъ жителей южной Европы, которые, кромѣ того, превосходятъ нѣмцевъ и воздержностью.

Замѣчательно, что и между цвѣтными расами, уроженцами жаркаго пояса, существуютъ различія въ способности къ акклиматизаціи. Для готтентотовъ, привыкшихъ къ потребленію мяса и живущихъ въ умѣренномъ климатѣ жаркаго пояса, пребываніе въ лихорадочныхъ тропическихъ мѣстностяхъ опаснѣе, чѣмъ для европейцевъ, только что прибывшихъ изъ Европы. Ливингстонъ, долго жившій среди дикихъ народовъ Африки, замѣчалъ, что негры, возвращаясь изъ болѣе здоровыхъ странъ въ свое отечество, страдали даже болѣе европейцевъ; отсюда названный путешественникъ вывелъ заключеніе, что цивилизованные люди лучше противостоятъ вреднымъ вліяніямъ чуждыхъ для нихъ климатовъ, чѣмъ дикіе народы. Можно вообще утверждать, что не одна только бѣлая раса подвержена болѣзнямъ теплыхъ странъ: дизентерія и болѣзни печени въ жаркихъ странахъ Америки поражаютъ туземцевъ не меньше, чѣмъ бѣлыхъ, а холерѣ, острымъ легочнымъ заболѣваніямъ, въ особенности чахоткѣ, цвѣтныя расы подвержены больше, чѣмъ бѣлыя. Даже и рабочая способность этихъ послѣднихъ подъ тропиками лишь немного ниже той, какая свойственна имъ въ умѣренномъ климатѣ. Примѣромъ могутъ служить потомки французовъ на островѣ Бурбонъ, которые могутъ съ успѣхомъ заниматься самыми тяжелыми полевыми работами, и испанцы-табаководы на Кубѣ.

Способность переносить солнечный зной въ меньшей степени, въ сравненіи съ черными народами, не есть главная причина вреднаго дѣйствія тропическаго климата на представителей бѣлой расы. Какъ мы уже указывали, на нихъ дѣйствуетъ однообразіе, составляющее существенное свойство тропическаго климата и заключающееся въ отсутствіи различія между временами года. Оно-то въ значительной степени и вызываетъ разслабленіе, испытываемое европейцами подъ тропиками. Тропическому климату недостаетъ укрѣпляющаго дѣйствія холоднаго времени года, и это ведетъ къ постепенному упадку жизненныхъ отправленій, выражаясь въ потерѣ энергіи и живости движеній. Тропическій климатъ ускоряетъ какъ физическое, такъ и умственное развитіе, но то и другое, быстро достигнувъ вершины, начинаетъ идти назадъ гораздо раньше, чѣмъ у европейцевъ.

Изъ составныхъ частей тропическаго климата сырость оказываетъ болѣе вредное дѣйствіе, чѣмъ высокая температура. Европейцы мо-

гутъ жить безнаказанно въ жаркихъ, сухихъ климатахъ, и наиболѣе вредными для нихъ повсюду въ жаркихъ странахъ оказываются низменныя и болотистыя мѣстности. Какъ мы можемъ видѣть на обитателяхъ сѣверной африканской пустыни, по сравненію ихъ съ неграми, которые гораздо лѣнивѣе ихъ, человѣческій организмъ истощается не высокими температурами, а сыростью.

Мы не знаемъ съ точностью, въ чемъ заключается дѣйствіе сильнаго холода полярнаго пояса на организмъ человѣка, и можемъ судить о немъ лишь по нѣкоторымъ посредствующимъ результатамъ этого дѣйствія. Предположеніе, будто полярный климатъ способствуетъ уменьшенію роста, въ настоящее время не можетъ считаться заслуживающимъ вниманія. И въ отношеніи другихъ физическихъ свойствъ полярные народы ничѣмъ не отличаются отъ народовъ умѣреннаго пояса; поэтому было бы совершенно неосновательнымъ устанавливать особый гиперборейскій типъ. Точно такъ же людямъ, привыкшимъ къ умѣренному и даже теплому климату, нисколько не вредитъ холодъ полярныхъ странъ, соединенный на сѣверѣ съ значительной сухостью. Въ сухомъ и ясномъ климатѣ холодъ чувствуется меньше, и этимъ можно объяснить благопріятныя мнѣнія путешественниковъ о зимѣ западной Сибири. Такъ, матросы, уроженцы береговъ Адріатическаго моря, безъ труда переносили двухлѣтнее пребываніе въ полярныхъ странахъ. Нельзя сказать того же о темныхъ обитателяхъ Африки, которые, въ холодной мѣстности, какъ напримѣръ, въ Канадѣ, выказывали сильное расположеніе къ болѣзнямъ дыхательныхъ органовъ.

Малолюдность полярныхъ областей зависитъ не столько отъ непосредственнаго вреднаго вліянія тамошняго климата на человѣка, сколько отъ скудости растеній и животныхъ, служащихъ ему пищей. Если бы море не поддерживало его существованія, то, при всей малочисленности населенія, и одной десятой его не могло бы прокормиться естественными произведеніями суши. Если мы примемъ во вниманіе суровость климата, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ нерѣдко бываетъ гибельной для человѣка вслѣдствіе замерзанія, занесенія метелями и т. под., то мы увидимъ, что существованіе его можетъ поддерживаться тамъ только искусственными средствами. Непригодность полярныхъ странъ для колонизаціи слишкомъ очевидна, чтобы надо было говорить о ней, въ виду невозможности земледѣлія, скотоводства, скудости охоты на наземныхъ животныхъ и т. под. Тѣмъ бо-

лѣе мы должны удивляться, что человѣкъ не только жилъ въ этихъ странахъ, но и сдѣлалъ столько полезныхъ изобрѣтеній, сколько не сдѣлали ихъ многочисленные жители всего африканскаго материка.

Условія, подобныя полярнымъ странамъ, представляютъ высокія горныя страны. Самыя возвышенныя поселенія не поднимаются далѣе 4500 метр., какъ мы это видимъ въ западномъ Тибетѣ и на Перуанско-Боливійскомъ плоскогоріи. Кромѣ холода и скудости природы, здѣсь человѣку угрожаютъ и снѣжные обвалы, уничтожающіе цѣлыя селенія. Не удивительно, поэтому, что высокія горы мало обитаемы хотя въ гигіеническомъ отношеніи горный климатъ здоровѣе климата равнинъ, что́ особенно справедливо для тропическихъ странъ.

Тамъ, гдѣ суша соприкасается съ моремъ, мы находимъ смягчающія вліянія на климатъ, которыя должны объясняться дѣйствіемъ большой площади воды. То же дѣйствіе, въ соотвѣтственно меньшихъ размѣрахъ, оказываютъ и большія озера. Ему же должно быть приписано и развитіе воздѣлыванья виноградной лозы на берегахъ рѣкъ, въ родѣ Рейна или Мозеля. Различія мѣстныхъ климатовъ во многихъ случаяхъ зависятъ отъ морскихъ теченій. Въ этомъ отношеніи оба полушарія замѣтно различаются между собой. Сближеніе массъ суши въ сѣверномъ полушаріи благопріятствуетъ вліянію теплыхъ экваторіальныхъ теченій, тогда какъ оно уменьшается вслѣдствіе большихъ разстояній этихъ массъ въ южномъ полушаріи. Холодныя теченія, съ одной стороны, и теплыя—съ другой, обусловливаютъ климатическія различія между западными и восточными сторонами материковъ. Средняя годовая температура Европы значительно повышается дѣйствіемъ Гольфстрема, огибающаго ее съ запада и съ сѣвера, между тѣмъ, какъ климатъ восточной части Сѣверной Америки гораздо холоднѣе подъ тѣми же широтами, благодаря полярному теченію.

Вліянію климата приписывается обыкновенно и различіе въ характерѣ сѣверныхъ и южныхъ обитателей болѣе или менѣе обширной страны, не исключая и странъ умѣренной Европы. Такъ, южные германцы хвалятся своей душевной теплотой и отзывчивостью, а сѣверяне — своей энергіей и неутомимостью въ работѣ. То же видимъ мы у англичанъ и шотландцевъ, у сѣверныхъ французовъ и провансальцевъ, у каталонцевъ и андалузцевъ въ Испаніи и ломбардцевъ и неаполитанцевъ въ Италіи. Россія, при всемъ сво-

емъ климатическомъ единствѣ, также признаетъ въ своемъ населеніи два типа—южный, болѣе воспріимчивый и чувствительный, и сѣверный, болѣе хладнокровный и дѣятельный. Эти различія, отмѣчаемыя народнымъ наблюденіемъ, стоятъ въ извѣстной связи съ историческимъ фактомъ покоренія южныхъ народовъ сѣверными. Мы видимъ это въ отношеніяхъ Германіи къ Италіи въ средніе вѣка, въ торжествѣ сѣверной Испаніи надъ южной, принадлежавшей маврамъ, и въ преобладаніи сѣверной Италіи надъ южной. Во всѣхъ переселеніяхъ народовъ мы замѣчаемъ, что они направляются съ сѣвера на югъ: такъ, германцы стремились въ Италію, Францію, Испанію и сѣверную Африку, арійцы—въ Индію, манчжуры въ Китай и т. под. Болѣе закаленные сѣверные народы оказывались сильнѣе южныхъ и, подчиняя ихъ своей власти, воспринимали ихъ высшую культуру, которой они придавали бо́льшую жизненность и бо́льшую силу распространенія. Такое же направленіе изъ болѣе холодныхъ въ болѣе теплыя страны принимали передвиженія африканскихъ завоевательныхъ народовъ.

Дѣйствіе климата на человѣка замѣчается не только въ физической, но и въ нравственной сферѣ. Сѣверянинъ умѣреннаго пояса ведетъ жизнь болѣе домашнюю, предусмотрительную и бережливую, чѣмъ южанинъ. Послѣдній можетъ больше оставаться на воздухѣ, вынужденъ работать не такъ много и упорно и можетъ менѣе опасаться „дурныхъ временъ“; но именно потому всякія перемѣны застаютъ его болѣе неподготовленнымъ, и, какъ работникъ, онъ оплачивается низшей цѣной. Вслѣдствіе того, при свойственной ему безпечности, онъ легче впадаетъ въ бѣдность и увеличиваетъ собою пролетаріатъ, легче переносимый имъ, но не менѣе унизительный для человѣческаго достоинства. Нивелирующимъ началомъ у южныхъ народовъ является бездѣятельность, а у сѣверныхъ—работа, создающая чувство самоуваженія, что составляетъ большое преимущество обитателей сѣвера.

Съ другой стороны, если южный климатъ отчасти ослабляетъ и изнѣживаетъ человѣка сравнительно съ сѣвернымъ, то онъ своимъ солнечнымъ свѣтомъ и яснымъ небомъ облегчаетъ ему жизнь и поднимаетъ его настроеніе. Страны съ покрытымъ облаками небомъ и туманами несомнѣнно развиваютъ меланхолію въ своихъ обитателяхъ, хотя въ то же время на жителей умѣреннаго пояса постоянно безоблачное небо

и непрерывное солнечное освѣщеніе дѣйствуютъ утомляющимъ образомъ.

Распредѣленіе влажности также замѣтно отражается въ исторіи человѣчества. Различіе между степью и лѣсомъ сводится, въ сущности, къ этому распредѣленію; и пустыня есть чисто климатическое явленіе. Весьма важное въ историческомъ отношеніи распредѣленіе текущей воды въ источникахъ, рѣкахъ и озерахъ съ истокомъ также сводится къ распредѣленію атмосферныхъ осадковъ. Въ экваторіальныхъ областяхъ съ постоянными дождями человѣкъ долженъ ставить свои жилища высоко надъ поверхностью земли; здѣсь онъ вынужденъ воздѣлывать только клубневыя растенія, а изъ хлѣбныхъ растеній— маисъ и рисъ. Въ областяхъ пассатовъ рѣзко выражена разница дождливаго и сухого временъ года, и, вслѣдствіе сухости, здѣсь бываютъ частые неурожаи и голодовки. Даже въ плодородной Индіи жизнь множества людей зависитъ отъ количества выпадающаго дождя и отъ времени его выпаденія.

Принимая во вниманіе мѣстныя климатическія измѣненія, мы можемъ установить изъ большихъ областей съ одинаковыми культурными условіями культурныя области, которыя, сообразно климатическимъ поясамъ, располагаются въ видѣ пояса вокругъ земного шара. Оба холодныхъ пояса можно лишь въ незначительной степени причислить къ культурнымъ поясамъ, такъ какъ они уже по своей малолюдности имѣли мало значенія въ исторіи. Скандинавія, сѣверная Россія и сѣверная Азія составляютъ только переходъ къ настоящему умѣренному поясу. Опытъ исторіи показываетъ, что настоящимъ культурнымъ поясомъ является поясъ умѣренный. Самыя важныя историческія событія трехъ послѣднихъ тысячелѣтій произошли въ этомъ поясѣ. Изъ того, что́ мы знаемъ о вліяніяхъ холоднаго и жаркаго пояса на отдѣльныхъ людей, мы можемъ объяснить себѣ, почему въ среднихъ поясахъ, свободныхъ отъ вредныхъ крайнихъ вліяній, могла развиваться постоянная и высшая культура.

И первичное развитіе культуры несомнѣнно находилось въ зависимости отъ климатическихъ вліяній. Оно могло происходить тамъ, гдѣ возможно было накопленіе избытковъ, вслѣдствіе плодородія почвы и примѣненія къ ней человѣческаго труда. Для первыхъ временъ существованія человѣка теплыя и сырыя страны, отмѣченныя особымъ плодородіемъ, были необходимы: первичнаго человѣка можно

представить себѣ не иначе, какъ жителемъ тропиковъ. Но дальнѣйшее развитіе культуры возможно было лишь въ такихъ условіяхъ, въ какихъ человѣку приходилось больше примѣнять свои силы, т.-е. не въ тропическомъ, а въ умѣренномъ климатѣ.

Въ числѣ элементовъ географической среды, дѣйствующей на человѣка, на ряду съ климатомъ обыкновенно указывается почва. Она, дѣйствительно, имѣетъ непосредственное значеніе для народовъ земледѣльческихъ, заставляя ихъ выбирать мѣстности, отличающіяся почвеннымъ плодородіемъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется скопленіе ихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, выдающихся въ этомъ отношеніи, какъ мы это видимъ въ древнемъ Египтѣ и въ древней Месопотаміи. Косвенное значеніе почва имѣетъ и для народовъ пастушескихъ и охотничьихъ: для первыхъ она доставляетъ возможность прокормленія болѣе или менѣе многочисленныхъ стадъ,а для вторыхъ—болѣе или менѣе прибыльную охоту въ зависимости отъ произрастающихъ въ ихъ мѣстности растеній, служащихъ пищею для дичи.

Въ основѣ различій между почвами лежатъ различія главныхъ породъ, изъ которыхъ онѣ образовались. И химическій, и механическій составъ почвъ замѣтно отражаются въ жизни народовъ: каменистая почва создаетъ иныя условія существованія, чѣмъ болотистая, черноземная — иныя, чѣмъ песчаная. Эти механическія различія имѣютъ значеніе для народовъ всѣхъ культурныхъ ступеней, такъ какъ отъ нихъ зависитъ бо́льшая или меньшая обитаемость тѣхъ или другихъ мѣстностей и удобство сообщеній, представляемое ими. Съ механическими свойствами почвы сообразуются не только грунтовыя, но и желѣзныя дороги, которыя обходятъ мѣстности съ почвой, неудобной для прокладки рельсовыхъ путей, съ тѣмъ большимъ правомъ, что такія мѣстности не бываютъ обыкновенно густо заселены. Таковы, напримѣръ, пространства, покрытыя сыпучимъ пескомъ или болотистыя. Подобныя различія выступаютъ еще яснѣе въ положительныхъ явленіяхъ, какъ, напримѣръ, земледѣльческихъ культурахъ на краю степныхъ пространствъ. Здѣсь почвенная граница является въ то же время границей исторической. Въ такихъ случаяхъ почва обнаруживаетъ свое дѣйствіе и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи, обусловливая развитіе земледѣлія, промышленности и торговли. Нѣкоторые географы, отмѣ-

чая вліяніе почвы на развитіе человѣчества, заходятъ такъ далеко, что приписываютъ этому вліянію происхожденіе физическаго типа населенія извѣстной мѣстности. Такъ, знаменитый французскій географъ Элизе Реклю приписываетъ дѣйствію почвенныхъ различій различія между мѣстными населеніями Франціи: онъ находитъ возможнымъ говорить о населеніяхъ гранитныхъ, известковыхъ и другихъ почвъ, какъ о понятіяхъ вполнѣ опредѣленныхъ и обособленныхъ. Другой французскій ученый, пользующійся меньшей извѣстностью, утверждаетъ, что жизнь на гранитной почвѣ способствуетъ уменьшенію роста. Но съ этими мнѣніями нельзя согласиться, такъ какъ почва играетъ роль только одного изъ безчисленныхъ элементовъ географической среды, и выдѣлить ея дѣйствіе среди другихъ элементовъ этой послѣдней мы пока еще не можемъ.

Земная кора на значительной части своей поверхности покрыта наносной почвой, обязанной своимъ происхожденіемъ силѣ воды и вѣтра. Эта почва, отличающаяся своею рыхлостью и тонкостью частицъ отъ почвъ каменистыхъ, составляетъ переходъ къ почвамъ, богатымъ органическими остатками. Въ виду того, мы можемъ сказать, что жизнь человѣка находится въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей разложимости горныхъ породъ обитаемой имъ страны: чѣмъ эта разложимость больше, тѣмъ почва разнообразнѣе и плодороднѣе. Земледѣліе требуетъ плодородной почвы, и тамъ, гдѣ ея нѣтъ, населеніе рѣдко и бѣдно. Германія въ этомъ отношеніи всегда уступала Франціи, потому что въ первой распространены трудно разлагающіяся породы (известь, базальтъ и пр.), и въ ней много песчаныхъ пространствъ, бѣдныхъ глиною и мергелемъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что плодородная почва въ отрицательномъ смыслѣ легче поддается опредѣленію, чѣмъ въ положительномъ: о нѣкоторыхъ почвахъ мы можемъ сказать утвердительно, что онѣ безплодны, но мнѣнія относительно плодородія другихъ могутъ измѣняться. Такъ, наиболѣе распространенная почва тропическихъ странъ Азіи, Африки и Америки, латеритъ, считавшаяся крайне плодородной, при ближайшемъ изслѣдованіи не поддержала этой славы. Съ другой стороны, степная почва западной части Сѣверной Америки, признававшаяся первоначально мало пригодной для земледѣлія, съ примѣненіемъ искусственнаго орошенія пріобрѣла весьма важное значеніе. Плодородіе Индіи стави-

лось обыкновенно гораздо выше плодородія Африки, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, послѣдняя въ этомъ отношеніи не уступаетъ первой. Вообще, въ новѣйшее время, при усовершенствованныхъ способахъ обработки и удобренія почвы, природное качество ея является относительнымъ, такъ какъ оно можетъ измѣняться отъ искусственнаго орошенія и удобренія, т.-е., другими словами, находится въ прямой зависимости отъ культурности обитателей. Такъ, исторія показываетъ намъ многіе печальные примѣры странъ, которыя славились своимъ плодородіемъ и, вслѣдствіе того, вмѣщали въ себѣ многочисленныя населенія, а съ теченіемъ времени пришли въ упадокъ и обезлюдѣли, благодаря измѣненію своей судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненію культурности своихъ жителей. Такіе примѣры въ особенности часты въ передней и средней Азіи. Месопотамія, быть можетъ, первая изъ странъ, поднявшаяся на ступень высшей культуры, нѣкогда знаменитая по своему плодородію, перейдя въ руки номадовъ-завоевателей, постепенно утрачивала свои цѣнныя качества и теперь, въ сравненіи съ прежнимъ, можетъ быть названа пустыней. И во многихъ другихъ мѣстахъ земли мы находимъ развалины городовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ, между прочимъ, и вслѣдствіе плодородія окружающихъ мѣстностей. Если этими мѣстностями еще не завладѣла пустыня, прежнее плодородіе ихъ иногда оживаетъ, когда культура возвращается туда, и къ почвѣ вновь примѣняются улучшенные способы снабженія ея водою и недостающими ей составными частями.

Плодородіе почвы играетъ важную роль въ исторіи человѣчества, во-первыхъ, потому, что въ извѣстныхъ мѣстахъ оно обусловливаетъ закрѣпленіе осѣдлости, составляющее основу культуры, и, во-вторыхъ, потому, что оно даетъ возможность развитія формъ земледѣлія и землевладѣнія. Чѣмъ почва плодороднѣе, тѣмъ болѣе она находитъ желающихъ обрабатывать ее и, слѣдовательно, пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе многочисленное населеніе. Въ этомъ случаѣ она играетъ такую же роль, какъ приморскія мѣстности, скучивавшія въ себѣ населеніе ради извѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ выгодъ. Пока населеніе рѣдко и пока оно можетъ пользоваться обширными пространствами, выбирая изъ нихъ отдѣльные участки, оно еще не дорожитъ своимъ мѣстомъ и мѣняетъ его по произволу. Оно не

старается улучшать землю тщательной обработкой и удобреніемъ, а просто покидаетъ ее, когда замѣтитъ признаки истощенія, и переходитъ на другое мѣсто. Такой характеръ земледѣлія, который можно назвать полукочевымъ, мы находимъ у негровъ: когда участокъ земли у нихъ выпашется, они бросаютъ его и ищутъ другого, преимущественно покрытаго лѣсомъ; они выжигаютъ этотъ лѣсъ, и зола его служитъ удобреніемъ. Это хозяйство, которое намъ знакомо подъ именемъ лядиннаго, составляетъ самую древнюю форму полеводства. По примѣрамъ изъ сѣверной Россіи, гдѣ оно еще не совсѣмъ оставлено, мы знаемъ, что оно возможно лишь при избыткѣ земли. Когда, при увеличеніи населенія, этого избытка уже не бываетъ, совершается переходъ къ болѣе прочному прикрѣпленію къ землѣ. Бо̀льшая или меньшая ограниченность или интенсивность хозяйства также зависитъ отъ плодородія почвы. Негры, будучи ревностными и трудолюбивыми земледѣльцами, не имѣютъ полевого хозяйства въ нашемъ смыслѣ: ихъ хозяйство скорѣе можно назвать огородничествомъ. Въ особенности въ мѣстностяхъ, пользующихся благопріятнымъ распредѣленіемъ дождей, негръ почти цѣлый годъ сажаетъ, сѣетъ и собираетъ плоды. Ему даже нѣтъ надобности вспахивать свою почву, какъ пашемъ ее мы: ему достаточно разрыхлить ее на поверхности мотыкой, чтобы можно было сѣять. Всѣ его заботы о посѣвѣ заключаются въ выпалываніи сорныхъ травъ. Это исключительное плодородіе избавляетъ его отъ необходимости придумывать способы для увеличенія производительности почвы и улучшать свое хозяйство. Оно является тормазомъ его прогресса, который возможенъ лишь при постоянныхъ усиліяхъ, при непрерывномъ стремленіи къ усовершенствованію. И въ этомъ отношеніи народы, менѣе надѣленные природой, двигались быстрѣе народовъ, пользовавшихся естественнымъ избыткомъ, и всѣ хозяйственныя улучшенія сдѣланы были на почвахъ, сравнительно менѣе плодородныхъ. Почва, стоившая человѣку бо́льшого труда и бо̀льшей матеріальной затраты, больше цѣнилась имъ, и онъ крѣпче держался за нее. Если народы кочевые и охотничьи устанавливали границы своихъ владѣній, такъ какъ отъ этого зависѣло обезпеченіе ихъ пропитанія, то еще болѣе объ этомъ долженъ былъ заботиться земледѣлецъ, прилагавшій непосредственный трудъ къ своему земель-

ному участку. Такъ какъ земля составляетъ наибольшую цѣнность для земледѣльческихъ народовъ, то этимъ обстоятельствомъ пользовались завоеватели и властители дикихъ и полудикихъ земледѣльческихъ государствъ. Въ негрскихъ и азіятскихъ государствахъ земля считается собственностью короля или императора, который предоставляетъ пользоваться ею на извѣстныхъ, устанавливаемыхъ имъ или обычаемъ условіяхъ. Очень долгое время собственниками признаются отдѣльныя лица, получившія землю отъ короля, или сельскія общины. Земельные участки, предоставляемые отдѣльнымъ членамъ общины, бываютъ болѣе или менѣе обширны, въ зависимости отъ своего плодородія. Только крѣпкая связь съ землею устанавливаетъ и политическую крѣпость. Колонизація до тѣхъ поръ остается непрочной, пока она не связана съ земледѣліемъ. Если подъ выраженіемъ „почва" въ географіи мы часто понимаемъ территорію, то, съ другой стороны, наука о землѣ должна обращать вниманіе и на большее или меньшее плодородіе почвъ, обусловливающее въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ возможность земледѣлія, этой основы государственной жизни.

Значеніе плодородія почвы для колонизаціи лучше всего выясняется исторіей заселенія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, хотя оно въ то же время показываетъ намъ, что колонизація своимъ успѣхомъ обязана была непосредственному пользованію качествами этой почвы, т.-е. земледѣлію. Французы проникали въ Канаду преимущественно въ видѣ торговцевъ, скупая мѣха пушныхъ звѣрей у индѣйцевъ. Они лучше обращались съ индѣйцами, чѣмъ англичане, не отнимали у нихъ земли и всѣми способами поддерживали ихъ, въ виду пользы, которую тѣ доставляли имъ своей охотой; но переселеніе французовъ въ Канаду не было прочнымъ, и англосаксонской расѣ не трудно было отбить у нихъ эту область. Названная раса, наоборотъ, переселялась съ женами и дѣтьми и сразу садилась на землю. Она владѣетъ теперь всей Сѣверной Америкой и заселила ее въ значительной степени, не смѣшиваясь съ коренными жителями. Она дѣйствительно находила въ Америкѣ новую родину, съ которой сросталась, и уже не покидала ея. Между тѣмъ, испанцы и португальцы пріѣзжали лишь на время, съ цѣлями наживы, и давно уже положили начало смѣшанному населенію, которое въ Мексикѣ со-

ставляетъ теперь половину всѣхъ обитателей. Способность русскихъ къ колонизаціи заключается также въ сознаніи необходимости прочной связи съ землею, которая дается только земледѣліемъ. Колонизація Сибири потому и была успѣшной, что она была не только промышленной, но и земледѣльческой.

ГЛАВА VII.

Естественныя произведенія.

Минеральныя богатства.—Дикія растенія и животныя, полезныя для человѣка.—Культурныя растенія и домашнія животныя.

Почва можетъ привлекать населеніе не только свойствами своей поверхности, благопріятствующими земледѣлію, но и ископаемыми богатствами, заключающимися въ ея нѣдрахъ. Повидимому, эти богатства должны были бы имѣть значеніе по своей непосредственной цѣнности: такъ, благородные металлы, золото и серебро, должны были бы доставлять наибольшую выгоду той странѣ, гдѣ они находятся. Исторія недавно истекшаго столѣтія показываетъ намъ, что, благодаря золоту, въ самое непродолжительное время становились оживленными и людными пустынныя, почти неизвѣстныя до тѣхъ поръ мѣстности. Это произошло съ Австраліей, съ Калифорніей, съ южной Африкой и въ недавнее время даже съ Аляской, когда въ этихъ странахъ открыты были мѣсторожденія золота. Туда хлынули толпами искатели легкой наживы, и на мѣстахъ, до тѣхъ поръ необитаемыхъ, почти съ волшебною быстротою, стали возникать поселенія и даже цѣлые города. Но процвѣтаніе такихъ мѣстностей длится лишь до тѣхъ поръ, пока не истощится руда, а подземныя богатства создаютъ только временную, лихорадочную эксплуатацію, не приносящую прямой выгоды экономическому развитію страны. Этотъ внезапный

наплывъ богатства не способствуетъ мирному и постоянному труду, составляющему настоящій источникъ народнаго благосостоянія. Постоянный и упорный трудъ вызывается только каменнымъ углемъ и желѣзомъ, когда они оказываются въ достаточномъ количествѣ, и при томъ въ сосѣдствѣ другъ друга. Именно это совмѣстное нахожденіе двухъ названныхъ минеральныхъ богатствъ создало въ новѣйшее время благосостояніе Англіи, Бельгіи и нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи и Германіи, а также и южной Россіи. Мы легко поймемъ выгоду нахожденія желѣза, если примемъ въ соображеніе важную роль, какую оно играетъ въ нашей обиходной, сельскохозяйственной и промышленной жизни; но выплавка чугуна и выдѣлка стали могутъ быть выгодны лишь при дешевомъ топливѣ, а такимъ топливомъ является каменный уголь. Поэтому страны, гдѣ онъ встрѣчается въ большихъ количествахъ, по преимуществу имѣютъ шансы на богатую промышленную будущность. Этимъ странамъ предстоитъ находиться во главѣ другихъ въ грядущія столѣтія, такъ какъ земледѣліе не вездѣ можетъ прокармливать своими средствами обитателей страны, и существованіе ихъ можетъ быть обезпечено лишь съ помощью промышленной дѣятельности. Рабочая сила страны выражается теперь силами машинъ, работающихъ въ ней, а для ихъ работы необходимо топливо, которое бываетъ тѣмъ дешевле, чѣмъ ближе доставка его отъ мѣста выработки до мѣста потребленія. Вслѣдствіе этого каменноугольныя залежи во многомъ измѣнили положеніе и внѣшній видъ тѣхъ странъ, гдѣ онѣ были открыты. До послѣдняго столѣтія самой богатой мѣстностью Англіи была ея юго-восточная часть, наиболѣе удобная для земледѣлія и по устройству поверхности, и по плодородію почвы; но съ начала прошлаго вѣка центръ тяжести народной жизни сталъ перемѣщаться во внутреннюю часть Англіи, гдѣ давно уже были извѣстны залежи каменнаго угля. Онъ получилъ важное примѣненіе со времени изобрѣтенія и усовершенствованій паровыхъ машинъ и выигралъ еще болѣе отъ близкаго сосѣдства желѣзной руды. Другіе металлы, имѣющіе практическое примѣненіе, какъ, напримѣръ, желѣзо, никкель, свинецъ, олово и нѣкоторые другіе, занимаютъ уже второстепенное мѣсто, и мѣсторожденія ихъ имѣютъ значеніе лишь потому, что металлы эти далеко не такъ распространены, какъ желѣзо. Ихъ находятъ преимущественно въ горахъ, и, благодаря имъ, создаются такъ называемые горные про-

мыслы, служащіе главнымъ средствомъ существованія мѣстныхъ населеній. Мѣстонахожденія названныхъ металловъ всегда отмѣчаются въ географіи, какъ естественныя богатства государствъ, а ихъ значеніе оцѣнивается количествомъ добычи и числомъ рабочихъ рукъ, занятыхъ добываніемъ и обработкою ихъ. Вообще можно сказать, что дары природы тѣмъ цѣннѣе для человѣка, чѣмъ болѣе они вызываютъ къ постоянной дѣятельности присущія ему силы.

Богатства, доставляемыя природою, далеко не всегда бываютъ источниками благосостоянія того, кто можетъ ими пользоваться. Основою благосостоянія является не самое богатство, а трудъ, который прилагается къ пользованію имъ. Подъ тропиками три хлѣбныхъ дерева могутъ прокормить человѣка въ теченіе цѣлаго года, и для пропитанія работника достаточно двѣнадцати банановъ. Если мы замѣтимъ, что урожайность банановъ въ 105 разъ превосходитъ урожайность пшеницы, то мы не будемъ удивляться тому, что на островахъ Тихаго океана ежедневное пропитаніе человѣка можетъ стоить около 5 коп. въ день. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту легкость существованія, островитяне этого океана поражаютъ путешественниковъ своею бѣдностью. Одинъ нѣмецкій путешественникъ ознакомившійся и съ полярными, и съ тропическими жителями, находитъ, что, первые, несмотря на крайнюю трудность своего существованія, богаче послѣднихъ: у лопарей, самоѣдовъ и остяковъ больше имущества, чѣмъ у жителей Каролинскихъ острововъ, живущихъ среди кокосовыхъ пальмъ, хлѣбныхъ деревьевъ и другихъ питательныхъ растеній теплаго пояса. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы скудная природа всегда побуждала человѣка къ такой дѣятельности, которая способствуетъ развитію его культуры. Онъ долженъ выйти изъ тяжелой зависимости отъ природы, долженъ подняться на нѣкоторую культурную ступень, какъ это сдѣлали негры-земледѣльцы, чтобы создать себѣ опредѣленныя потребности и сумѣть удовлетворить ихъ. Человѣкъ, живущій среди скудной природы, не вырабатываетъ въ себѣ многихъ потребностей, а тѣ, которыя у него уже появились, удовлетворяетъ весьма несовершеннымъ образомъ. Онъ ставитъ себѣ только задачу возможности существованія, не заботясь объ его улучшеніи. Въ такомъ положеніи мы находимъ полярныхъ жителей, между тѣмъ, какъ негры, поддерживаемые земледѣліемъ, выработали и промышленность, и торговлю, необходимыя для удовлетворенія

уже развившихся потребностей. Такова потребность въ одеждѣ, вызываемая извѣстными понятіями о приличіи, измѣняющимися у каждаго народа, но повсюду вполнѣ установившимися. Тамъ, гдѣ негръ, по недостатку животныхъ въ своей странѣ, не можетъ имѣть достаточно шкуръ для одежды, онъ замѣняетъ ихъ тканями, которыя отчасти выдѣлываетъ самъ, отчасти покупаетъ у торговцевъ, привозящихъ ихъ изъ другихъ странъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что негры, благодаря высоко развитому земледѣлію, промышленности и торговлѣ, уже далеко опередили дикихъ народовъ, живущихъ въ непосредственной зависимости отъ природы.

Вода также надѣляетъ человѣка животными, могущими служить ему пищей. Нѣкоторыя прибрежныя воды доставляютъ громадныя количества рыбы: таковы, напримѣръ, Ньюфаундлендскія мели, гдѣ ловятся громадныя количества трески, устья Волги, гдѣ ловится множество разнообразной рыбы, Нѣмецкое море, съ его огромнымъ уловомъ сельдей, озера Судана и внутренней Африки, доставляющія матеріалъ для обширной торговли, распространяющейся на значительной части материка, и воды Китая и Индокитая, дающія возможность даже самымъ бѣднымъ обитателямъ этихъ странъ ежедневно пользоваться рыбной пищей. Вода доставляетъ еще съѣдобныхъ низшихъ животныхъ (ракообразныхъ, слизняковъ и мн. др.) и нѣкоторыя съѣдобныя растенія, въ числѣ которыхъ наибольшее потребленіе находятъ нѣкоторыя водоросли и клубненосныя водяныя растенія Китая; къ нимъ можно отнести и дикій рисъ, произрастающій въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, первостепенное значеніе для народнаго продовольствія водяныя животныя имѣютъ только тамъ, гдѣ человѣкъ вынужденъ довольствоваться ими, за неимѣніемъ наземныхъ животныхъ и растеній, а именно, на крайнемъ сѣверѣ.

Какъ бы рыбная ловля ни была прибыльна, она не можетъ сравниться по обезпеченности, доставляемой ею человѣку, съ продуктами почвы. Не только продукты земледѣлія, но и дикія растенія, какъ, напримѣръ, растенія, дающія ягоды, съѣдобные корни, а также и грибы, и затѣмъ мелкія животныя всякаго рода, составляющія существенную часть пищи бродячихъ и охотничьихъ народовъ, отличаются гораздо бо̀льшимъ постоянствомъ своего появленія, чѣмъ водяныя животныя. Они болѣе привязываютъ человѣка къ извѣстному мѣсту, что̀ всегда отражается благопріятно на его культурномъ развитіи.

Хотя избытокъ и недостатокъ растеній и животныхъ, пригодныхъ для питанія человѣка въ извѣстной странѣ, понижаютъ его культурное развитіе, какъ мы видѣли выше, но послѣднее во многомъ зависитъ отъ наличности полезныхъ растеній и животныхъ въ мѣстѣ обитанія племени или народа. Человѣкъ далеко еще не воспользовался всѣми растеніями, которыя могли бы быть для него полезны, но съ нѣкоторыми изъ нихъ, пригодными для его пропитанія, онъ былъ знакомъ уже давно и въ различныхъ частяхъ свѣта, и тѣ мѣстности, гдѣ онъ ихъ находилъ, оказывали благопріятное дѣйствіе на его культурное развитіе. Такъ, степь была особенно богата полезными растеніями. Всѣ наши европейскіе хлѣба, не исключая и гречихи, исходятъ изъ азіатской степи; американскія хлѣбныя растенія (маисъ и просо-киноа) также ведутъ свое начало отъ степныхъ растеній. Весьма важнымъ обстоятельствомъ для процвѣтанія степного скотоводства было свойство степной флоры произрастать въ видѣ сплошного скопленія одинаковыхъ растеній: большія пространства степи бываютъ покрыты однимъ и тѣмъ же растеніемъ, чтò служитъ важнымъ удобствомъ для прокормленія скота. Но преимущество этихъ мѣстностей въ культурномъ отношеніи заключалось въ томъ, что онѣ давали человѣку растенія, воздѣлываніе которыхъ требуетъ отъ него труда, необходимаго для развитія его физическихъ и умственныхъ силъ. Тропическія страны были богаче полезными растеніями, но эти растенія, даже при воздѣлываніи ихъ, требовали меньше труда отъ человѣка, потому что, по большей части, были растенія корнеплодныя или клубненосныя. Работа, какой они требовали, состояла только въ посадкѣ и въ очищеніи отъ сорныхъ травъ, чтò не можетъ сравниться съ разрыхленіемъ земли въ нѣсколько пріемовъ, съ посѣвомъ, прикрытіемъ сѣмянъ и затѣмъ жатвой и молотьбой, необходимыхъ для хлѣбныхъ растеній. Эта разница въ количествѣ и качествѣ труда, прилагавшагося къ земледѣлію въ тропическихъ и умѣренныхъ странахъ, оказывалась въ пользу послѣднихъ.

Переходъ отъ простого собиранія дикихъ сѣмянъ и плодовъ къ воздѣлыванью ихъ путемъ земледѣлія былъ существенно важенъ для будущности человѣчества, и легче всего онъ могъ совершиться тамъ, гдѣ природа сама указывала ему пользу отъ произрастанія одинаковыхъ растеній на болѣе или менѣе обширномъ участкѣ земли. Мы

знаемъ мѣстности, гдѣ созрѣваніе нѣкоторыхъ растеній, пригодныхъ для человѣка, собираетъ цѣлыя толпы дикихъ людей, пользующихся этимъ естественнымъ скопленіемъ пищевыхъ продуктовъ. Такъ, въ Мексикѣ дикія дыни произрастаютъ въ нѣкоторыхъ низинахъ и служатъ пищей для индѣйцевъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Другое индѣйское племя въ Сѣверной Америкѣ собиралось на болотахъ во время созрѣванія водяного риса, и готтентоты такимъ же образомъ питались дикой тыквой, произраставшей на дюнахъ берега Китовой бухты. Отъ этого пользованія дикими плодами на одномъ и томъ же мѣстѣ еще далеко до настоящаго земледѣлія, но это—уже значительный шагъ къ нему: дикарь научается цѣнить извѣстныя растенія предпочтительно передъ другими и пріучается быть запасливымъ, собирая и сохраняя продукты этихъ естественныхъ жатвъ, что́ весьма важно для его послѣдующаго развитія.

Для прирученія животныхъ, играющаго столь видную роль въ исторіи человѣчества, весьма важнымъ обстоятельствомъ было, безъ сомнѣнія, существованіе въ странѣ дикихъ животныхъ, пригодныхъ къ одомашненію. Существеннымъ обстоятельствомъ въ исторіи Австраліи было отсутствіе животныхъ, способныхъ къ прирученію. Надо замѣтить, впрочемъ, что человѣкъ, въ силу своей общительности, не всегда приручалъ животныхъ ради пользы, какую онъ могъ бы извлечь изъ нихъ. Путешественники разсказываютъ и объ индѣйцахъ, и о неграхъ, что у нихъ можно найти множество обезьянъ, попугаевъ и другихъ животныхъ, которыхъ они держатъ ради забавы. Вѣроятно, и собаку, первое животное, прирученное человѣкомъ, онъ приручилъ первоначально никакъ не въ видахъ пользы, потому что для дикаго человѣка польза, приносимая собакой, не можетъ быть значительной. Исключенія представляютъ только народы крайняго сѣвера, которые пользуются собаками для ѣзды, и народы внутренней Африки, которые употребляютъ ихъ въ пищу. На нашей ступени культуры намъ вообще трудно судить о цѣляхъ, ради которыхъ человѣкъ старался привязать къ себѣ то или другое животное. Такъ, лама въ Перу была приручена не только какъ вьючное животное или какъ доставляющее мясо и шерсть, но и какъ животное священное, предпочтительно передъ другими употреблявшееся для жертвоприношеній. Одомашненіе лошади и верблюда произошло сперва не ради быстроты ихъ бѣга, а ради молока ихъ кобылицъ, и уже впослѣдствіи они

нашли себѣ примѣненіе въ качествѣ верховыхъ и вьючныхъ животныхъ.

При сравненіи культуръ различныхъ частей свѣта мы всегда должны принимать во вниманіе надѣленіе ихъ природой тѣми или другими полезными растеніями и животными. Правда, эти растенія и животныя во многихъ случаяхъ заимствуются изъ сосѣднихъ странъ, но тѣ области, гдѣ они водились въ дикомъ видѣ, имѣютъ преимущество въ томъ отношеніи, что человѣкъ могъ раньше пользоваться ими. Изъ всѣхъ частей свѣта такимъ преимуществомъ всего болѣе обладала Азія. Достаточно перечислить растенія и животныя, какими мы ей обязаны. Родиной пшеницы и полбы была Месопотамія, а ячменя Арменія, и только рожь и овесъ обязаны своимъ происхожденіемъ юговосточной Европѣ, впрочемъ, смежной съ Азіей. Просо исходитъ также изъ Азіи, и лишь нѣкоторые виды его свойственны исключительно Африкѣ. Рисъ былъ первоначально восточно- или южно-азіатскимъ растеніемъ. Только маисъ былъ хлѣбнымъ растеніемъ, доставленнымъ намъ Новымъ Свѣтомъ и оказавшимся важнымъ подспорьемъ для пропитанія обитателей южной и юго-восточной Европы.

На ряду съ хлѣбными растеніями мы можемъ поставить клубненосныя или корнеплодныя; но если они важны въ питательномъ отношеніи, то значительно уступаютъ первымъ въ культурномъ значеніи, требуя гораздо меньшаго труда и меньшей изобрѣтательности для своего разведенія. Поэтому корнеплоды остаются спутниками низшей культуры и достояніемъ тропической и подтропической областей. Распространенный у насъ картофель былъ первоначально мѣстнымъ растеніемъ средней и южной Америки. Рѣпа, рѣдька и морковь считаются европейскими растеніями, а луковичныя (лукъ и чеснокъ) и бобовыя (бобы, горохъ и чечевица)—азіатскими, такъ же какъ и тыквенныя (огурцы, дыни и тыквы). Плоды, каковы абрикосы, персики, миндаль и вишня, исходятъ изъ Азіи. Растеніемъ Стараго свѣта слѣдуетъ признать финиковую пальму, между тѣмъ, какъ кокосовая свойственна всему тропическому поясу. Изъ Азіи исходятъ и виноградная лоза, и кофе, и чай, а изъ Америки — какао и мате (парагвайскій чай). Индія дала намъ сахарный тростникъ и хлопокъ; повидимому, изъ западной Азіи исходятъ и конопля, макъ и оливковое дерево.

Мы перечислили далеко не всѣ полезныя растенія Стараго и Новаго свѣта, но, сравнивая болѣе полные списки ихъ, мы должны придти къ заключенію, что Старый свѣтъ заключаетъ ихъ вчетверо болѣе Новаго.

Еще болѣе это можно сказать по отношенію къ домашнимъ животнымъ. Только собака распространена почти повсюду, какъ охотничье, сторожевое или возовое животное. Рогатый скотъ вполнѣ принадлежитъ Старому свѣту, будучи отчасти азіатскаго, отчасти европейскаго происхожденія. Родиной буйвола была Индія, овцы—передняя Азія, козы—Кавказъ, лошади и осла—внутренняя Азія. Наша свинья можетъ вести свое происхожденіе отчасти отъ индійской, а отчасти отъ дикой породы. Родиной верблюда почти несомнѣнно является внутренняя Азія, откуда онъ проникъ въ Африку. И сѣверный олень прирученъ только полярными народами Стараго свѣта. Америка знала лишь одно одомашненное животное—ламу и дала намъ одну домашнюю птицу—индѣйку. Слоны, водящіеся въ Азіи и въ Африкѣ, приручены были только въ первой изъ этихъ частей свѣта. Родиной курицы была Индія, а гуся и утки—сѣверная Европа.

Преимущество Стараго свѣта передъ Новымъ въ отношеніи богатства полезными растеніями и животными зависитъ прежде всего отъ его болѣе обширнаго пространства и возможности заимствованія культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ изъ трехъ частей свѣта. Америка была предоставлена самой себѣ и до сношеній съ Европой могла сообщаться только съ мелкими островами Тихаго океана и съ сѣверо-восточной Азіей. Вообще Америка въ сравненіи съ Старымъ свѣтомъ находилась въ условіяхъ, гораздо менѣе благопріятныхъ для развитія культуры. Надо замѣтить, впрочемъ, что флора и фауна Америки изучены далеко не такъ тщательно, съ точки зрѣнія ихъ полезности для человѣка, какъ Старый свѣтъ, и въ особенности Азія. Возможно, что нѣкоторыя полезныя растенія и животныя, какія мы приписываемъ Азіи, были заимствованы ею изъ Европы, Африки и даже Океаніи и могли быть присвоены ею, благодаря ея высшей культурѣ. И Африка, какъ менѣе культурная часть свѣта, быть можетъ, еще не вполнѣ обнаружила передъ нами сокровища своего растительнаго міра, полезныя для человѣка. Относительно многихъ растеній Африки можетъ быть поставленъ вопросъ—одомашнены ли они были на мѣстѣ, постепеннымъ улучше-

ніемъ дикихъ видовъ, или перенесены изъ Азіи въ готовомъ видѣ. Повидимому, вообще растительный міръ въ Африкѣ беднѣе, и ея мѣстныя полезныя растенія малочисленнѣе, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ. И домашнія животныя Африки, по большей части, заимствованы ею изъ другихъ частей свѣта. Въ Африкѣ разводятся рогатый скотъ, овцы и козы, верблюды, лошади и куры, которые не водятся тамъ въ дикомъ состояніи, слѣдовательно, должны были быть привезены туда изъ Азіи.

Самой бѣдной частью свѣта, въ смыслѣ туземныхъ растеній и животныхъ, полезныхъ для человѣка, считается Австралія. О растеніяхъ ея можно сказать, что въ ней недостаетъ питательныхъ растеній, наиболѣе извѣстныхъ намъ; но въ ея флорѣ есть не мало растеній, могущихъ служить пищею человѣку: бывали примѣры, что австралійскіе дикари спасали отъ голода европейскихъ путешественниковъ, снабжая ихъ неизвѣстными намъ растеніями, годными для питанія. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что питательность этихъ растеній гораздо ниже растеній европейскихъ и азіатскихъ. Австралійская степь не содержитъ тыквенныхъ и луковичныхъ растеній, которыми такъ богаты азіатскія степи. Еще бѣднѣе Австралія животными, способными къ прирученію. Единственное животное, пригодное для этой цѣли, австралійская собака, или динго, попало въ Австралію извнѣ. Даже животныхъ, пригодныхъ для пищи, тамъ встрѣчается настолько мало, что европейскія экспедиціи не могли поддерживать себя охотой, какъ онѣ обыкновенно это дѣлали въ другихъ частяхъ свѣта. И туземцы не много могли пользоваться отъ своей охоты, такъ какъ наиболѣе цѣнныя охотничьи животныя Австраліи, кенгуру и австралійскій казуаръ (эму), вслѣдствіе быстроты своего бѣга, умѣли избѣжать преслѣдованія дикаго охотника съ его плохимъ оружіемъ.

Острова Тихаго океана находятся въ непосредственной зависимости отъ южной Азіи. Они и сами по себѣ бѣдны млекопитающими, и ввозъ полезныхъ животныхъ, въ видѣ рогатаго скота и лошадей, затруднялся для нихъ отдаленностью и неудобствами морского переѣзда. Поэтому на многихъ островахъ мы находимъ только козъ, овецъ и свиней, а на болѣе мелкихъ островахъ—лишь однѣхъ собакъ.

Приведенныя выше указанія достаточно объясняютъ намъ, почему Азія явилась сокровищницей домашнихъ животныхъ и полезныхъ

растеній, изъ которой могли черпать другія части свѣта. Она и сама по себѣ была надѣлена природой щедрѣе другихъ и, вслѣдствіе своей ранней культурности, могла воспользоваться лучше всѣхъ этими дарами природы.

Полезныя животныя и растенія распространяются изъ своего отечества въ другія страны, обладающія болѣе или менѣе подходящими для нихъ климатическими условіями. Но до извѣстной степени, путемъ акклиматизаціи, или приспособленія къ климату, они могутъ уживаться въ странахъ болѣе теплыхъ или болѣе холодныхъ сравнительно съ ихъ родиной. Если мы посмотримъ на культурныя растенія, какими мы пользуемся, то, за исключеніемъ ячменя и овса, родиной которыхъ можно считать сѣверную Европу, всѣ остальныя— гречиха, картофель, пшеница, конопля, ленъ, кукуруза, табакъ, виноградная лоза и почти всѣ овощи—перенесены къ намъ изъ чуждыхъ и даже отдаленныхъ странъ. Точно такъ же и наши домашнія животныя—рогатый скотъ, лошади, свиньи и ослы—получены нами изъ Азіи, куры—изъ Индіи, кошки—изъ Африки, а овцы и козы—изъ другихъ, еще не совсѣмъ точно опредѣленныхъ странъ, но во всякомъ случаѣ отдаленныхъ отъ нашихъ. Легко себѣ представить, какъ бѣдна была бы жизнь европейца безъ этихъ чужеземныхъ растеній и животныхъ, и какъ много онъ обязанъ способности ихъ къ акклиматизаціи. Въ сущности, успѣхи сельскаго хозяйства основываются на упомянутой способности, которую наука умѣетъ развивать еще болѣе. Культурный человѣкъ выбираетъ растенія и животныхъ, обладающихъ свойствами большого приспособленія, и образовываетъ изъ нихъ породы, пригодныя для климата, слишкомъ суроваго или слишкомъ жаркаго для первоначальныхъ видовъ этихъ растеній и животныхъ. Ему удалось вывести такія породы хлѣбовъ, которыя нуждаются въ менѣе продолжительномъ времени для своего созрѣванія, и такихъ животныхъ, которыя, пользуясь кровомъ, устраиваемымъ для нихъ человѣкомъ, и приготовленными имъ запасами пищи, могутъ переносить суровую зиму, неизвѣстную на ихъ первоначальной родинѣ. Акклиматизировавшіяся растенія и животныя могутъ уже считаться достояніемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ мы находимъ ихъ, но мы всегда должны имѣть въ виду, что они не были коренными обитателями ихъ и размножились, только благодаря культурной помощи человѣка. Такимъ образомъ, статистика

урожаевъ и количества головъ скота можетъ служить мѣриломъ культурности страны. Только въ томъ случаѣ, когда промышленность начинаетъ вытѣснять земледѣліе, уменьшеніе производительности страны въ отношеніи полезныхъ животныхъ и растеній не служитъ признакомъ ея культурнаго упадка, какъ мы это видимъ въ Англіи и отчасти въ Бельгіи и Германіи.

Признаки культурнаго упадка мы видимъ всего болѣе въ одичаніи хозяйственныхъ растеній и домашнихъ животныхъ, примѣры котораго мы нерѣдко встрѣчаемъ въ исторіи. Такъ, въ Индіи и на Малайскомъ архипелагѣ можно видѣть одичалыхъ куръ, въ Австраліи и въ другихъ странахъ — одичалыхъ собакъ, на многихъ островахъ—одичалыхъ козъ и въ Тибетѣ—одичалыхъ яковъ. Это отчасти зависитъ отъ того, что большинство домашнихъ животныхъ еще не настолько стало ручнымъ, чтобы не могло обходиться безъ помощи человѣка. Не только кошки, собаки и свиньи, но и рогатый скотъ легко впадаетъ въ дикое состояніе. Пржевальскому въ области къ югу отъ Янгъ-тсе-Кіанга приходилось видѣть многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ, оставшихся безъ хозяевъ послѣ дунганскаго возстанія и возвратившихся къ дикому образу жизни. Животныя, вывозившіяся европейцами въ другія части свѣта, въ особенности въ Америку,—рогатый скотъ, лошади, козы, кролики и т. под.—легко впадали въ дикое состояніе и становились характерной принадлежностью тамошней фауны. То же самое можно сказать и объ европейскихъ огородныхъ и садовыхъ растеніяхъ, которыя дичали въ другихъ частяхъ свѣта и вытѣсняли мѣстныя дикія растенія, внѣдряясь такимъ образомъ въ мѣстную флору.

Кромѣ растеній и животныхъ, полезныхъ или безразличныхъ для человѣка, есть не мало вредныхъ и опасныхъ для него. Уже въ раннюю эпоху своей исторіи, когда человѣкъ велъ бродячій или охотничій образъ жизни, онъ настолько знакомился съ окружавшей его флорой, что умѣлъ отличать среди нея ядовитыя растенія. Онъ даже пользовался ими для своихъ цѣлей, увеличивая съ помощью ихъ смертоносность своихъ стрѣлъ или копій. Труднѣе доставалась ему борьба съ хищными животными, которыя не только отбивали у него добычу, но и сами угрожали его жизни. Человѣкъ, однако, постепенно одолѣвалъ этихъ опасныхъ враговъ, и борьба съ ними даже шла ему на пользу, такъ какъ развивала его мужество, заставляла его придумывать все

болѣе и болѣе вѣрные и остроумные способы борьбы съ этими врагами. Поэтому, чѣмъ культурнѣе становился человѣкъ, тѣмъ больше истреблялъ вредныхъ для него млекопитающихъ. Впрочемъ, опасность, проистекающая для него отъ этихъ хищниковъ, всегда нѣсколько преувеличивалась. Ни одинъ изъ нихъ не нападаетъ на человѣка, если не бываетъ вынужденъ къ тому, или если не чувствуетъ особенно сильнаго голода. Исключенія не составляютъ даже такіе свирѣпые хищники, какъ сѣрый медвѣдь Сѣверной и бѣлый медвѣдь полярной Америки. Тѣмъ менѣе это можно сказать о львѣ и леопардѣ, не оправдывавшихъ своей репутаціи крайней отважности въ глазахъ путешественниковъ, впервые знакомившихся съ ихъ нравами, по крайней мѣрѣ, въ южной Африкѣ. Болѣе другихъ представляетъ опасности тигръ, но и его жертвы вовсе не такъ многочисленны, какъ это указывалось въ прежнее время. Больше непосредственнаго вреда представляютъ для человѣка ядовитыя змѣи и крупные водяные хищники. Можно сказать съ достаточной достовѣрностью, что отъ ядовитыхъ змѣй ежегодно погибаетъ людей вдесятеро больше, чѣмъ отъ хищныхъ звѣрей. Послѣднихъ превосходятъ въ этомъ отношеніи крокодилы и акулы, хотя и уступаютъ ядовитымъ змѣямъ. Вредъ отъ насѣкомыхъ для человѣческой жизни не такъ очевиденъ, какъ опасность отъ поименованныхъ выше животныхъ высшихъ порядковъ, хотя, по новѣйшимъ изслѣдованіемъ, многія насѣкомыя оказываются распространителями заразныхъ болѣзней. Вредъ, приносимый ими, гораздо замѣтнѣе на растеніяхъ, которыя они уничтожаютъ на громадныхъ площадяхъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ саранча, но и бѣлые муравьи тропическихъ странъ не уступаютъ ей въ своей разрушительной способности, проявляемой ими и на запасахъ, и на деревянныхъ человѣческихъ жилищахъ, и на деревянной мебели, находящейся въ нихъ. Особый червь, поѣдающій хлѣбныя сѣмена негровъ, не позволяетъ имъ хранить ихъ до слѣдующаго урожая и вынуждаетъ ихъ варить огромныя, излишнія количества пива. Впрочемъ, эти разрушительныя насѣкомыя свойственны только тропическимъ и сухимъ странамъ и неизвѣстны умѣренному поясу съ влажнымъ климатомъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно сырыхъ мѣстностяхъ этого пояса, а также и въ полярныхъ странахъ, бичомъ человѣка являются комары и мошки. Вліяніе насѣкомыхъ на разселеніе и хозяйство человѣка всего замѣтнѣе въ Африкѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ водится муха цеце. Она дѣлаетъ невозможнымъ разведеніе тамъ лошадей и рогатаго скота, т. е. не допускаетъ ни скотоводства, ни земледѣлія. Ни одно изъ хищныхъ и ядовитыхъ животныхъ не вліяло въ такой степени на распространеніе бѣлаго человѣка въ средней и южной Африкѣ и не ставило ему болѣе непреодолимыхъ преградъ. Такъ, буры не могли перейти за 20° ю. шир., такъ какъ цеце не пускала ихъ далѣе этого предѣла.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, въ какой тѣсной зависимости находится человѣкъ отъ флоры и фауны своей страны. Жизнь его складывается совершенно иначе, смотря по тому, находитъ ли онъ тамъ обиліе или недостатокъ питательныхъ растеній и съѣдобныхъ животныхъ. Пока онъ живетъ охотой, онъ терпитъ тѣмъ меньшую нужду, чѣмъ доступнѣе для него эти послѣднія, и тѣмъ скорѣе переходитъ къ земледѣлію, чѣмъ больше встрѣчаетъ первыхъ въ болѣе или менѣе обширныхъ скопленіяхъ. Мы уже говорили, что излишняя роскошь природы вредна для человѣка, но, съ другой стороны, большая бѣдность Новаго свѣта пригодными для культуры растеніями и животными должна была играть не малую роль въ его отсталости сравнительно съ Старымъ свѣтомъ. Говоря объ умѣренномъ поясѣ, какъ наиболѣе пригодномъ для культурнаго развитія человѣка, мы не должны забывать, что именно этотъ поясъ былъ надѣленъ природою наиболѣе полезными растеніями и животными, разведеніе которыхъ развивало въ человѣкѣ способность къ труду и заботу о будущемъ. Даже борьба съ крупными хищниками, обитавшими въ умѣренномъ поясѣ, приносила пользу обитателямъ Стараго свѣта, развивая въ нихъ смѣлость и проницательность, чего не могла сдѣлать Австралія съ ея безвредными для человѣка животными. Въ настоящее время статистика старается приблизительно опредѣлить число дикихъ и въ особенности хищныхъ животныхъ каждой страны, и этимъ даетъ намъ возможность слѣдить за производительностью природы въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, и истребительной дѣятельностью человѣка, съ другой. Къ сожалѣнію, истребляя вредныхъ для него животныхъ, человѣкъ неосмотрительно истребляетъ и полезныхъ, каковы птицы, питающіяся червями и насѣкомыми, убиваемыя человѣкомъ не столько ради необходимости въ ихъ мясѣ, сколько ради жестокой забавы, которую онъ называетъ охотой. Лучшее знакомство съ міромъ животныхъ должно научить его, какихъ жи-

вотныхъ ему позволительно истреблять, и какихъ онъ долженъ щадить ради собственной пользы. Онъ не долженъ забывать, что жизнь его тѣсно связана съ міромъ растеній и животныхъ, и неразумное уничтоженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ грозитъ ему большими бѣдствіями. Эту тѣсную зависимость между природой и человѣкомъ всегда должна имѣть въ виду географія, когда она отмѣчаетъ и дикую флору и фауну, и культурныя растенія и животныхъ въ описываемой ею странѣ.

ГЛАВА VIII.

Распредѣленіе человѣчества на земной поверхности.

Главныя черты распространенія человѣчества.—Плотность населенія въ зависимости отъ климата и почвы.—Населенность некультурныхъ, степныхъ, земледѣльческихъ и промышленныхъ странъ.

Зависимость человѣка отъ окружающихъ его естественныхъ условій всего нагляднѣе выражается въ болѣе или менѣе густомъ населеніи различныхъ мѣстностей. Сравнивая между собою рѣдко и плотно населенныя мѣстности, мы видимъ, что распространеніе населенія опредѣляется прежде всего теплотой, влажностью и высотой надъ уровнемъ моря, обусловливающими размноженіе растеній и животныхъ, полезныхъ для человѣка. Распространенію его, очевидно, всего болѣе благопріятствуютъ умѣренный климатъ, умѣренная высота и не слишкомъ сильная растительность. Если къ этимъ условіямъ присоединяются плодородная почва и подземныя богатства, въ особенности, каменный уголь, тогда создается возможность наиболѣе плотнаго населенія.

Въ главныхъ чертахъ распредѣленія человѣческаго населенія на землѣ замѣчаются всего болѣе климатическія вліянія. Землю опоясываютъ четыре области рѣдкаго населенія – самыя холодныя полярныя и самыя сухія области сѣвернаго и южнаго полушарій, гдѣ дуютъ пассатные вѣтры; поэтому и густо населенныя области также располагаются поясами между указанными областями. Населеніе ста-

новится плотнымъ только при умѣренной теплотѣ и достаточныхъ атмосферныхъ осадкахъ. Вліяніе возвышенностей на населенность также имѣетъ въ сущности климатическій характеръ. Человѣкъ самъ по себѣ могъ бы ужиться и на полюсѣ, но въ большомъ числѣ онъ можетъ жить только тамъ, гдѣ природа не балуетъ, но и не обижаетъ его.

Мы можемъ отмѣтить слѣдующія главныя черты въ распространеніи человѣчества: 1) двѣ большія необитаемыя области въ арктическомъ и антарктическомъ поясахъ (за предѣлами распространенія человѣка); 2) рѣдкое населеніе въ поясѣ пассатовъ сѣвернаго и южнаго полушарій, гдѣ выдѣляются обширныя необитаемыя области въ поясахъ пустынь и степей; 3) ограниченіе плотныхъ населеній континентальными областями въ сѣверномъ полушаріи и въ умѣренномъ поясѣ его; 4) разсѣянное проявленіе плотныхъ населеній на среднихъ и мелкихъ островахъ; 5) скученіе населенія на океаническихъ краяхъ материковъ и уменьшеніе его внутри ихъ; 6) болѣе плотное населеніе внутреннихъ странъ на низменностяхъ, въ особенности въ рѣчныхъ долинахъ, сравнительно съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ возвышенностей; 7) исключеніе изъ этого правила, представляемое горами тропическихъ областей поясовъ пассатовъ и 8) постоянно возрастающая зависимость населенія всѣхъ культурныхъ странъ отъ путей сообщенія.

Зависимостью человѣческаго населенія отъ климатическихъ условій, т.-е. температуры и влажности, объясняется малолюдность холодныхъ умѣренныхъ странъ, въ которыхъ населеніе въ 2000 человѣкъ на 1 кв. милю представляетъ уже высокую среднюю. Кромѣ того, мы видимъ и зависимость населенности отъ плодородія почвы: такъ, въ плодородныхъ лёсовыхъ мѣстностяхъ средней Германіи она доходитъ до 3500 человѣкъ на 1 кв. милю. Въ теплыхъ, хорошо орошенныхъ странахъ эта цифра поднимается до 10 тысячъ, а въ странахъ винодѣлія до 15 тыс. Въ этомъ случаѣ мы видимъ очевидную связь количества населенія съ распространеніемъ главныхъ культурныхъ растеній. За предѣлами произрастанія пшеницы населеніе въ Европѣ нигдѣ не бываетъ болѣе тысячи на кв. милю (за исключеніемъ Петербурга), а по ту сторону границы ячменя на такомъ же пространствѣ только въ Гаммерфестѣ и Торнео живутъ болѣе 50 человѣкъ. Самыя густыя земледѣльческія населенія обитаютъ въ предѣлахъ риса, составляющаго пищу народныхъ массъ въ восточной и

южной Азіи. Хотя и менѣе непосредственную, но несомнѣнную зависимость количества населенія отъ окружающихъ условій мы видимъ и въ распространеніи полезныхъ животныхъ.

Эти соображенія объясняютъ и уменьшеніе населенія вмѣстѣ съ увеличеніемъ высоты; можно сказать вообще, что наибольшая высота представляетъ наименьшую населенность. Нѣкоторыя горныя мѣстности, впрочемъ, являются исключеніемъ изъ этого правила. Освѣщенныя солнцемъ долины въ верхнихъ частяхъ горъ, напр., въ германскихъ Альпахъ, образуютъ болѣе теплыя, привлекательныя и здоровыя мѣстообитанія, въ сравненіи съ тѣнистыми, прохладными и иногда болотистыми основаніями долинъ. То же можно сказать о Гималаяхъ и объ Андахъ. Самыя безлюдныя мѣста земли въ предѣлахъ обитанія человѣка находятся на плоскогорьяхъ, въ которыхъ къ суровости горнаго климата присоединяется сухость степей и пустынь. Къ нимъ принадлежатъ плоскія возвышенности Сахары и Калагари, Гоби, Тибетъ и солончаковыя пустыни Сѣверной Америки. Исключеніе составляютъ только плоскогорья тропическаго пояса, о которыхъ мы уже говорили выше.

Условія бо̀льшей или меньшей населенности той или другой мѣстности мы легче всего можемъ различить при рѣдкомъ населеніи: мы видимъ, что населеніе повсюду, гдѣ оно можетъ свободно распространяться, всегда занимаетъ самыя выгодныя мѣста. Оно скучивается на берегахъ моря, на рѣкахъ, у источниковъ, и уходитъ изъ болѣе отдаленныхъ, болѣе трудныхъ для жизни областей. Оно устремляется въ тѣ мѣста, гдѣ открывается какой-либо источникъ благосостоянія: такъ, богатыя рудныя мѣсторожденія привлекаютъ къ себѣ многочисленное населеніе. Какъ мы видимъ на западѣ Сѣверной Америки, земледѣльческое населеніе тѣснится къ рѣкамъ, а занимающееся горнымъ дѣломъ выдвигается въ горы. Поэтому рѣдкое населеніе всегда бываетъ распредѣлено особенно неравномѣрно. Для такихъ мѣстностей недостаточно среднихъ цифръ, недостаточно сказать, что въ Гренландіи живетъ одинъ человѣкъ на 3 кв. мили или въ Тибетѣ 33 человѣка на 1 кв. милю. Въ такихъ случаяхъ надо имѣть въ виду географическое распространеніе; иначе намъ будетъ непонятенъ фактъ, что въ такихъ рѣдко населенныхъ странахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ оказаться перенаселеніе, или, что населеніе, чувствуя тѣсноту въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, не переселяется въ другія той же страны,

а вовсе уходитъ изъ нея. Условія, отъ которыхъ зависитъ обитаемость, мы можемъ видѣть ясно на островахъ нѣкоторыхъ архипелаговъ Тихаго океана: жители сосѣднихъ острововъ посѣщаютъ ихъ для охоты и рыбной ловли и даже сажаютъ на нихъ кокосовыя пальмы, пріѣзжая въ извѣстное время за сборомъ орѣховъ, но не живутъ на этихъ островахъ. Причиною того, вѣроятно, служитъ недостатокъ воды, пригодной для питья, или недостаточное плодородіе почвы.

Между тѣмъ, какъ рѣдкое населеніе распредѣляется неравномѣрно, въ болѣе сгущенномъ замѣчается склонность къ равномѣрному распространенію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это возможно. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ сгущеніи, происходитъ скученіе населенія въ наиболѣе благопріятныхъ пунктахъ, каковы большіе города, фабричные районы, гавани и т. под. При усиливающемся сгущеніи населенія въ извѣстной странѣ наступаетъ, наконецъ, такое состояніе, когда одна земля уже не въ силахъ прокармливать его; часть постоянно растущаго населенія обращается къ промышленности и торговлѣ и сгущается въ пунктахъ, особенно удобныхъ для того. Этотъ процессъ оказывается неизбѣжнымъ, но онъ начинается при различной степени плотности населенія, смотря по климату, почвѣ и жизненнымъ требованіямъ. Въ сѣверной и средней Европѣ населеніе не можетъ превосходить 4000 человѣкъ на 1 кв. милю, если оно не занимается торговлей и промышленностью. Въ мѣстностяхъ или округахъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, населеніе рѣдко превышаетъ 2000 человѣкъ на 1 кв. милю. Въ Индіи, напротивъ, на 1 кв. милю можетъ приходиться до 14 тыс. человѣкъ и болѣе, безъ необходимости для нихъ торговли и промышленности. Въ этой земледѣльческой странѣ только $4^1/_2\%$ населенія живетъ въ городахъ. Отсюда мы можемъ заключить, что густое населеніе само по себѣ еще не ведетъ къ образованію городовъ, хотя и способствуетъ ему. Впрочемъ, и на почвѣ Индіи населеніе въ 13 тыс. на кв. милю, продолжая увеличиваться и живя исключительно земледѣліемъ, доходитъ до такого положенія, когда борьба за существованіе становится очень трудной; достаточно малѣйшаго нарушенія благопріятныхъ условій, въ родѣ уменьшенія на два дюйма ежегоднаго средняго количества дождя, чтобы наступилъ голодъ. Въ хорошо орошенныхъ округахъ или вблизи городовъ населеніе тамъ еще скученнѣе: эти люди находятся въ полной зависимости отъ вѣтровъ и облаковъ. Въ особенности въ

сѣверо-западной части Индіи и въ Деканѣ главной причиной голода является засуха. Въ такихъ случаяхъ возможно уже говорить о перенаселеніи. Оно объясняется тѣмъ, что принужденіе или лѣность мѣшаютъ людямъ переступить границы, проведенныя для нихъ исторіей. Даже въ Индіи и Китаѣ мы видимъ перенаселеніе въ однихъ мѣстахъ и недостаточность его въ другихъ. Такой же избытокъ населенія замѣчается въ нѣкоторыхъ оазисахъ и островахъ. Такъ, въ оазисахъ Ливійской пустыни живетъ въ среднемъ 18 тыс. человѣкъ на кв. милю, т.-е. больше, чѣмъ въ долинѣ Нила и въ Индіи. Населеніе достигло здѣсь предѣловъ своего роста и уже не увеличивается. Достаточно было бы какой-либо, повидимому, незначительной причины, чтобы оно пошло на убыль. Поэтому страны, могущія прокормить немногочисленное населеніе, всего скорѣе доходятъ до предѣла его. Въ бѣдныхъ странахъ большихъ материковъ это обстоятельство составляетъ причину кочевничества, а на островахъ оно ведетъ къ выселенію.

Сравнивая между собою населенность различныхъ странъ, мы должны имѣть въ виду зависимость ея не только отъ почвы и климата, но и отъ степени культурности самого населенія. При обладаніи орудіями высшей культуры, на извѣстномъ пространствѣ можетъ жить въ тысячу разъ большее число людей, чѣмъ охотниковъ и рыболововъ прежнихъ вѣковъ. Историческое и политическое значеніе страны опредѣляется для насъ только изъ отношенія ея пространства къ численности населенія. Сравненіе однихъ пространствъ различныхъ странъ не даетъ еще понятія объ ихъ политической силѣ, которая раскрывается лишь при одновременномъ сравненіи и числа ихъ жителей. Если мы примемъ Германію за единицу, то Россія по своему пространству окажется въ десять разъ больше ея и въ два съ половиною раза больше всѣхъ другихъ странъ Европы, причисляемыхъ къ такъ называемымъ великимъ державамъ. Если же мы сравнимъ число жителей, то населенія пяти великихъ державъ окажутся слишкомъ вдвое больше населенія Россіи, т.-е. мы получимъ отношеніе, обратное тому, какое мы могли вывести изъ сравненія пространствъ.

Пространство и численность населенія представляютъ собою суммы, составленныя изъ различныхъ величинъ, которыя должны быть оцѣнены должнымъ образомъ. Мы уже говорили о неравномѣрности

распредѣленія человѣчества на земной поверхности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ достаточно взглянуть на карту населенности любой изъ большихъ и малыхъ областей земли. Мы увидимъ, что Старый Свѣтъ заключаетъ въ себѣ болѣе 90% человѣчества, между тѣмъ какъ на 800 тыс. кв. миль пространства Америки, Австраліи и Полинезіи живетъ не болѣе 7%. Почти 3/4 нынѣшняго человѣчества живетъ въ Европѣ, Индіи и Китаѣ. Остальныя 6/7 земной поверхности вмѣщаютъ только 400 милліоновъ. Это пространство заключаетъ, по меньшей мѣрѣ, милліонъ кв. миль такой доброкачественной земли, что она могла бы прокормить нѣсколько милліардовъ человѣкъ. Повсюду мы находимъ густыя скопленія вокругъ пустыхъ мѣстъ и вообще болѣе крайностей, чѣмъ постепенныхъ переходовъ. Какъ мы уже говорили выше, причинами этого неравномѣрнаго распредѣленія жителей страны или области являются орографическія и климатическія условія. Такъ, въ Швеціи и Норвегіи мы видимъ на пространствѣ 772,878 кв. километровъ населеніе въ 6,812,000, но оно распредѣлено такимъ образомъ, что въ Сконенѣ (Сканіи) насчитываютъ 78 жителей на 1 кв. километръ въ Мальмехузѣ и 60 въ Готенборгѣ, а въ Норботенѣ только одного жителя на такое же пространство. Въ Россіи въ Варшавской губерніи считается 103 жителя на 1 кв. км., а въ Архангельской губерніи 0, 4, и въ Олонецкой 2, 4 на томъ же пространствѣ.

Значеніе населенности страны въ политическомъ отношеніи служитъ для объясненія многихъ историческихъ фактовъ. Такъ, упомянутая выше Швеція могла играть видную политическую роль въ такую эпоху, когда населеніе Германіи уменьшилось вслѣдствіе войнъ, а Россія еще только слагалась, какъ государство, и имѣла незначительное населеніе. И орды азіятскихъ кочевниковъ во время ихъ нашествія на Европу едва ли заставили бы ее подчиниться своей власти, если бы тогдашнее населеніе ея не было въ десять разъ меньше нынѣшняго. Другими словами, пониманіе историческихъ событій возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы постоянно имѣемъ въ виду населенность странъ, въ которыхъ они происходили. Однако, голыя цифры еще не даютъ намъ настоящаго понятія о силѣ государства, и мы не можемъ согласиться съ тѣми статистиками, которые утверждаютъ, что, если государство имѣетъ столько же жителей, сколько имѣетъ другое, втрое превосходящее его своимъ про-

странствомъ, то достоинство, сила и безопасность перваго будутъ втрое больше. Соображенія о сравнительныхъ силахъ, напр., Баваріи и Голландіи, основанныя на одной численности ихъ населенія, являются совершенно праздными, такъ какъ для такого сравненія должны быть приняты во вниманіе и географическія, и культурныя условія. И населенія представляютъ извѣстную цѣнность, не одинаковую въ различныхъ государствахъ. Въ африканскихъ странахъ, гдѣ еще существуетъ невольничество, человѣкъ имѣетъ лишь рыночную цѣну, какъ рабочая сила, безъ всякаго отношенія къ качествамъ его ума и характера. Легко понять, что ввозъ такихъ невольниковъ даже въ большомъ числѣ мало увеличиваетъ силу государства, потому что такіе люди не сростаются съ его почвой и, въ виду принудительности своей работы, приносятъ ему наименьшую пользу. Сила государства поддерживается энергіей отдѣльныхъ лицъ и сознательностью производимаго ими труда. Поэтому государство поступаетъ весьма разумно, если идетъ навстрѣчу этой энергіи и создаетъ условія для наиболѣе цѣлесообразнаго проявленія ея и наиболѣе производительнаго свободнаго труда. Населеніе государства является источникомъ силы для него не только своей многочисленностью, но и своей производительностью, и самостоятельностью.

Подобныя проявленія энергіи и производительности возможны только при извѣстной культурности обитателей государства, которая при этомъ служитъ необходимымъ условіемъ возрастанія численности населенія. Государства, стоящія на низкой степени культуры, занимаютъ небольшія пространства и содержатъ небольшое число обитателей. Маленькое государство служитъ выраженіемъ своеобразной, малоподвижной и замкнутой культуры, между тѣмъ какъ большому государству свойственны болѣе обширные горизонты, болѣе богатыя культурныя средства и болѣе оживленная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Первое заботится о поддержаніи числа своихъ жителей на извѣстномъ уровнѣ, не позволяя переходить за его предѣлъ уничтожая излишекъ населенія въ дѣтскомъ и старческомъ возрастѣ. Послѣднее, т.-е. большое государство стремится къ увеличенію своего населенія, такъ какъ у него всегда есть въ запасѣ еще неразработанные рессурсы, которые ждутъ только приложенія дѣятельной силы. Поэтому, сравнивая государства того и другого типа, мы, въ сущности, сравниваемъ между собою величины неоднородныя.

Вся новѣйшая исторія Европы есть исторія постоянно сгущающагося населенія на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ государствѣ происходитъ увеличеніе производительности его населенія, то при этомъ возрастаетъ и стремленіе къ сохраненію своей самостоятельности. Раздробленность Европы не можетъ быть уничтожена завоеваніями, а можетъ быть ослаблена только облегченіемъ сношеній. Еще два поколѣнія тому назадъ Эльзасъ легче было бы присоединить къ Германіи, потому что въ то время населеніе его было вдвое менѣе нынѣшняго.

Плотное населеніе всегда имѣетъ возможность сохранить культурную основу государства. Если оно подвергнется чужеземному нашествію, эта несокрушимая культурная основа всегда проявитъ себя тѣмъ, что завоеватели должны будутъ подчиниться ей и въ концѣ концовъ будутъ поглощены массою покореннаго народа. Эта способность поглощенія у большихъ массъ является вполнѣ естественною и необходимою. Мы видимъ это въ исторіи арійцевъ, грековъ, тюрковъ и монголовъ въ Индіи, и монголовъ и манджуровъ въ Китаѣ: арійцы превратились бо̀льшею частью въ темныхъ индусовъ, а манджуры—въ китайцевъ.

Однако, примѣръ Китая, заключающаго четверть населенія всего земного шара, показываетъ достаточно ясно, что существуетъ предѣлъ, далѣе котораго возрастаніе населенія не усиливаетъ, а ослабляетъ государство. Скученные, страдающіе отъ голода и повальныхъ болѣзней, нравственно ослабленные настолько, что они нуждаются во внѣшнемъ толчкѣ для переселенія, съ цѣлью улучшенія своей участи, тревожимые соціальными и политическими революціями, китайцы могутъ служить печальнымъ примѣромъ ослабленія, къ которому ведетъ избытокъ населенности. То же предстоитъ и европейскимъ странамъ, если населеніе ихъ будетъ увеличиваться въ такой же прогрессіи, и энергія ихъ при этомъ не будетъ возрастать пропорціонально увеличенію численности населенія.

Мы не можемъ, впрочемъ, ограничиться абсолютной численностью отдѣльныхъ составныхъ частей народа: мы должны знать и географическое распредѣленіе его, отъ котораго зависитъ и соціальное. Политическій географъ вслѣдъ за вопросомъ, какъ велико число населенія, долженъ ставить и другіе,—въ какихъ областяхъ и въ какихъ скопленіяхъ оно встрѣчается, и каковы его этническіе при-

знаки. Численность населенія выясняется для насъ изъ распредѣленія его въ данной странѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ слишкомъ обширная территорія препятствуетъ взаимной связи его населенія. Сахара—одна изъ наименѣе населенныхъ областей земли, но въ нѣкоторыхъ оазисахъ ея мы находимъ избытокъ населенія; подобно тому, густо населенные острова разбросаны по обширнымъ, пустыннымъ пространствамъ морей. Въ обоихъ случаяхъ противоположность между людностью и безлюдьемъ усиливаетъ значеніе разсѣянныхъ центровъ населенія. Необитаемыя пространства внутри страны, если они достаточно обширны, прерываютъ связь между населеніями, не только политическую, но и культурную. Но если такія необитаемыя мѣста распространены равномѣрно по странѣ, какъ, напримѣръ, лѣса Германіи, то они создаютъ лишь полезное въ гигіеническомъ и экономическомъ отношеніи разнообразіе.

Различіямъ плотности населенія мы должны противопоставить вопросъ о распредѣленіи его. Географія человѣка учитъ насъ, что прогрессъ культуры выказывается въ равномѣрномъ распредѣленіи населенія въ странѣ. Несмотря на свою наибольшую населенность, Индія и Китай отличаются большой неравномѣрностью въ распредѣленіи своего населенія. Чѣмъ равномѣрнѣе населены отдѣльныя провинціи какой-либо страны, тѣмъ крѣпче внутренняя связь ея. Различныя страны съ одинаковыми отношеніями своей населенности выказываютъ культурное сродство между собою. Къ Германіи изо всѣхъ ея сосѣдей ближе всего примыкаетъ Франція равномѣрностью распредѣленія своихъ обитателей по всѣмъ частямъ страны. Совершенно иныя условія находимъ мы въ Россіи, гдѣ на сѣверѣ и юговостокѣ губерніи Архангельская, Олонецкая, Астраханская и Оренбургская представляютъ среднія цифры населенія, 0, 4; 2, 2; 2, 9, 3, 3; 6, 3 на одинъ кв. км., а густо населенныя области по Вислѣ и Нѣману равняются по населенности такъ называемымъ Тюрингенскимъ государствамъ Германіи.

Если рѣдкое населеніе сравнительно съ болѣе густымъ на одинаковой площади служитъ источникомъ меньшей силы для государства, то самая обширность пространства, на которомъ оно обитаетъ, служитъ двигательной силой для его разростанія. Тамъ, гдѣ естественныя или экономическія причины не препятствуютъ росту населенія, обширная, рѣдко населенная страна обѣщаетъ сдѣлаться въ буду-

щемъ большимъ государствомъ; примѣромъ этого можетъ служить Россія, положеніе которой значительно превосходитъ то, какое она занимала въ XVIII вѣкѣ сообразно своей численности и культурному уровню. Исключеніе изъ этого правила представляютъ страны, въ которыхъ оказываются непреодолимыя препятствія для роста населенія, въ родѣ сѣверныхъ окраинъ Европы, Азіи и Америки. Завоевательныя стремленія многихъ воинственныхъ народовъ сдерживались только ихъ небольшою численностью. Сравнительно меньшій приростъ населенія южныхъ штатовъ сѣверо-американской республики, вслѣдствіе слабаго размноженія невольниковъ, создалъ перевѣсъ сѣверныхъ штатовъ, въ которыхъ размноженіе свободнаго населенія шло гораздо быстрѣе.

Разсматривая нынѣшнее распредѣленіе плотности населенія въ самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ областяхъ, мы замѣчаемъ наибольшее скопленіе его въ широко разбросанныхъ, небольшихъ мѣстностяхъ, отличающихся удобствами своего положенія или плодородіемъ. Вторую группу составляютъ малыя или среднія государства, полуострова и острова, выдающіеся по своему экономическому развитію; самое большое изъ нихъ—Японія, съ пространствомъ въ 382,000 кв. км. Въ третью группу входятъ страны бо́льшихъ размѣровъ—Индія и три средне-европейскія великія державы; это—страны старинной культуры, съ нѣкоторыми особенно развившимися въ экономическомъ отношеніи мѣстностями; средняя населенность этихъ государствъ представляетъ не менѣе 37 человѣкъ на 1кв. км.. Въ четвертую группу входятъ южно-европейскія страны, нѣкоторыя области Африки, принадлежащія къ числу древнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи, и многія отдаленныя островныя группы; къ нимъ можно присоединить Азію съ 19 и Европейскую Россію съ 18 человѣкъ на 1 кв. км.. Слѣдующая группа охватываетъ страны сѣверной Европы, сѣверной Африки, западной и центральной Азіи и мелкія области Америки. Соединенные Штаты Сѣверной Америки начинаютъ собою рядъ настоящихъ континентальныхъ странъ, прорѣзанныхъ необитаемыми областями въ Америкѣ, Африкѣ и Азіи,—страны еще молодыя въ историческомъ отношеніи, къ которымъ можно присоединить страны, лежащія у окраинъ человѣческаго обитанія, каковы Норвегія и Іессо. Америка (3 на 1 кв. км.) можетъ быть поставлена во главѣ группы, къ которой почти исключительно принадлежатъ

недавно заселенныя страны Новаго Свѣта, южной Африки и Австраліи. Послѣднее мѣсто занимаютъ окраинныя области обитаемаго пространства земли, пустыни и мѣстности, съ которыми европейцы только еще начинаютъ входить въ соприкосновеніе.

Народъ можетъ размножаться на своей территоріи лишь до извѣстнаго предѣла. Перейдя этотъ предѣлъ, онъ долженъ искать новаго мѣстообитанія, т.-е. часть его должна выселяться изъ своей родины. Обыкновенно потокъ переселенія исходитъ изъ густо-населенныхъ областей, направляясь въ рѣдко населенныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, переселеніе это имѣетъ противоположный характеръ, а именно стремится изъ рѣдко-населенныхъ въ густонаселенныя области. Это бываетъ, когда оно связано съ завоевательными цѣлями, какъ показываетъ намъ примѣръ германцевъ, вторгавшихся въ Римскую имперію. Для насъ не имѣетъ значенія—связываются ли съ переселеніемъ какія-либо политическія цѣли, или нѣтъ; это перемѣщеніе избытка населенія, въ концѣ концовъ, всегда оказываетъ извѣстное политическое вліяніе. Частное выселеніе нерѣдко пріобрѣтаетъ политическій характеръ, такъ какъ за нимъ слѣдуетъ основаніе колоніи. Англійскіе рыбаки, которые въ концѣ XVI вѣка все въ большемъ и въ большемъ числѣ собирались на Ньюфаундленскихъ меляхъ, указали англійской колонизаціи путь въ Новую Англію. Въ Америкѣ мы находимъ и многіе другіе примѣры, повидимому, безпорядочныхъ переселеній, которыя сосредоточивались въ извѣстныхъ областяхъ и быстро пріобрѣтали политическое значеніе. Медленныя передвиженія отдѣльныхъ лицъ въ итогахъ десятилѣтій и столѣтій равносильны большимъ переселеніямъ народовъ. Мы должны обращать вниманіе не только на эти послѣднія, а и на перемѣщенія отдѣльныхъ лицъ даже въ небольшихъ количествахъ. Такой незамѣтный для поверхностнаго взгляда отливъ населенія черезъ нѣкоторое время приводилъ иногда къ тому, что государство не въ силахъ уже было удовлетворить своимъ историческимъ задачамъ. Но если государство руководитъ такими выселеніями и вноситъ въ нихъ свои политическія цѣли, то они могутъ вести къ расширенію и усиленію государства. Римляне отнимали у побѣжденныхъ часть ихъ полей въ видѣ военной контрибуціи и отдавали эту часть своимъ воинамъ для обработки; это было самымъ прочнымъ способомъ завладѣнія: плугъ закрѣплялъ то, что было прі-

обрѣтено мечомъ. Римъ прежде всего распространился по южной Италіи въ видѣ земледѣльческаго государства, состоявшаго изъ мелкихъ и среднихъ земельныхъ владѣній. Римлянамъ, поэтому, рѣдко приходилось уступать завоеванныя ими земли, и по той же причинѣ римскіе народы пережили римское государство.

Способъ, какимъ совершается выселеніе, соотвѣтствуетъ ступени развитія культуры. Высшая культура поддерживаетъ взаимную связь народовъ, и они могутъ жить и дѣйствовать на болѣе тѣсныхъ пространствахъ, при чемъ выигрываютъ и во внутренней плотности, и въ силѣ расширенія. На низшихъ ступеняхъ размноженіе народа всегда служитъ началомъ пространственнаго распространенія. Въ историческихъ преданіяхъ индѣйцевъ разсказы объ ихъ переселеніяхъ всегда начинаются словами: „когда они размножились" или „когда число ихъ увеличилось". Когда отъ первоначальныхъ племенъ происходили новыя, эти послѣднія старались найти лучшія мѣста обитанія, независимо отъ разстоянія ихъ отъ своей родины. Имъ слишкомъ поздно пришлось убѣдиться, что, уменьшая численность коренныхъ племенъ выселеніями, они въ то же время уменьшали и силу этихъ племенъ. Въ безпокойныхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ мелкія негрскія государства, въ нихъ происходитъ постоянный приливъ завоевателей и отливъ побѣжденныхъ, совершающійся, повидимому, безъ всякаго плана. Вслѣдствіе того, мы видимъ тамъ самое запутанное смѣшеніе выселяющихся и переселяющихся народовъ. Однако, тамъ же мы находимъ народы, переселяющіеся добровольно и съ мирными цѣлями. Правильное выселеніе, путемъ раздѣленія деревенской общины на коренную и производную, мы видимъ у малайцевъ въ различныхъ областяхъ Индонезіи. Къ подобнымъ же выселеніямъ отчасти можно свести и странствованія полинезійцевъ. Въ этихъ переселеніяхъ мы видимъ какой-то сельскій характеръ, тогда какъ въ колоніальныхъ развѣтвленіяхъ финикійскихъ, греческихъ и латинскихъ народностей всегда было нѣчто городское. Выборъ мѣста для поселенія въ этомъ случаѣ былъ основаніемъ торговаго города и перемѣщеніемъ задачъ высшей государственной организаціи. Чѣмъ пространство новыхъ поселеній было меньше, тѣмъ чаще они давали отъ себя новые отпрыски, тѣмъ шире становилась область распространенія этой колонизаціи, тѣмъ болѣе новые города походили на метрополію. Въ большихъ древ-

нихъ государствахъ завоеванія вели за собой переселенія, часто принимавшія военныя формы. Но здѣсь большую роль играло и вытѣсненіе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда ему подвергались культурные элементы страны, оно приносило большую пользу тѣмъ мѣстностямъ, куда оно направлялось, какъ это было съ іонійскими колоніями на Черномъ морѣ и въ Италіи послѣ перваго натиска персовъ на Малую Азію. Но вытѣсненіе изъ своей родины, съ полной потерей связи съ нею, какъ это было съ евреями, могло повести только къ безпримѣрному въ исторіи разсѣянію ихъ по земной поверхности.

Выселеніе неизбѣжно должно увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ общаго числа людей на землѣ. Это послѣднее обстоятельство усиливало число переселенцевъ, и отливъ ихъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ необходимаго, правильнаго движенія. Нѣкогда оно происходило въ извѣстные періоды, а въ настоящее время еженедѣльно нѣсколько тысячъ, иногда тысячъ десять переселенцевъ отправляются изъ Европы въ другія части свѣта. Мотивами выселенія является всегда увеличеніе населенности родной страны и привлекательность хозяйства въ болѣе свободныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Въ прежнія времена извѣстныя части населенія изгонялись, т.-е. удалялись насильственно, вслѣдствіе религіозныхъ или политическихъ несогласій. Пуритане и другія протестантскія секты особенно часто испытывали эту участь. Въ настоящее время такого насильственнаго выселенія нигдѣ уже не бываетъ: культура сдѣлала людей терпимѣе, и опытъ научилъ ихъ, что гоненія способствуютъ только болѣе широкому распространенію преслѣдуемыхъ ученій. Нельзя не замѣтить, однако, что выселеніе до сихъ поръ еще не совсѣмъ утратило характеръ случайности. Въ Италіи, откуда происходитъ значительная эмиграція, нѣкоторыя провинціи вовсе не принимаютъ въ ней участія. Изъ Китая выселяются только жители среднихъ и южныхъ областей. То же самое мы можемъ видѣть и въ другихъ странахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устанавливается извѣстная привычка къ выселенію, чего не замѣчается въ другихъ.

Отъ размѣровъ населенія зависитъ прогрессъ вновь основанныхъ колоній. Колонизація не можетъ процвѣтать, если занятыя ею области слишкомъ велики сравнительно съ притокомъ людей изъ родной страны, и если потребности новаго отечества вызываютъ необходимость въ большомъ числѣ людей. Поэтому бо́льшая удача обык-

новенно бываетъ удѣломъ медленно развивающихся земледѣльческихъ колоній, которыя могутъ довольствоваться постепеннымъ ростомъ населенія, въ сравненіи съ колоніями завоевательными и торговыми, требующими единовременно большихъ количествъ людей изъ родной страны. Множество неудачъ въ образованіи колоній сводится къ недостаточности выселенія. Такъ, греки никогда не могли дать достаточнаго числа людей, чтобы занимать мѣста чиновниковъ, военачальниковъ, учителей и торговцевъ у восточныхъ націй. Аѳинамъ принадлежитъ весьма удачная мысль—основать, на ряду съ торговыми, и земледѣльческія колоніи въ такихъ областяхъ, какъ Ѳракія и Сицилія; но они никогда не могли вполнѣ осуществить эту идею за недостаткомъ потребнаго количества переселенцевъ. И Франція повсюду должна была уступать Англіи въ дѣлѣ колонизаціи, потому что она въ 30 лѣтъ дала переселенцевъ въ 40 разъ меньше Англіи.

Человѣческое населеніе земного шара вообще постепенно увеличивается, но далеко не одинаково въ различныхъ странахъ и на различныхъ ступеняхъ культуры. То, что̀ статистика называетъ движеніемъ населенія,—рожденія, браки и смерти—представляетъ большія различія у разныхъ народовъ. Перевѣсъ рожденій надъ смертями служитъ выраженіемъ непрерывно совершающагося роста народа, а противоположное явленіе—упадка его. На самомъ дѣлѣ, полной неподвижности въ этомъ отношеніи никогда не бываетъ: населеніе всегда „движется“, т.-е. увеличивается или уменьшается. Движеніе это имѣетъ не только статистическое, но и географическое значеніе, такъ какъ имъ опредѣляется распространеніе народовъ, размножающихся въ ущербъ народамъ, уменьшающимся въ численности. Географія отмѣчаетъ измѣненія въ численности народовъ для своихъ цѣлей, такъ какъ эти измѣненія могутъ быть выражены въ этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ, представляя уменьшеніе и исчезновеніе однихъ народовъ и распространеніе другихъ. Поэтому географія должна постоянно слѣдить за цифрами населенія всѣхъ странъ земного шара и отдѣльныхъ народовъ; это необходимо для нея, потому что она должна отражать настоящее, дѣйствительное состояніе земли, со всѣми перемѣнами, происходящими въ распространеніи человѣческаго населенія. Прибыль населенія въ однихъ мѣстахъ и убыль въ другихъ служитъ для нея выраженіемъ

благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій развитія различныхъ частей человѣчества.

Разсматривая движеніе населенія вообще, мы прежде всего замѣчаемъ, что земля далеко еще не населена такъ плотно, какъ могла бы быть. Въ этомъ отношеніи въ каждой части ея существуютъ различія, которыя могли бы быть уравнены. У цивилизованныхъ народовъ движеніе населенія идетъ въ направленіи прогрессивномъ. Каждый изъ европейскихъ народовъ увеличивается въ числѣ, и различіе между ними заключается только въ степени увеличенія, измѣняющагося отъ различныхъ причинъ. Кромѣ Европы, населеніе непрерывно возрастаетъ еще въ Сѣверной Америкѣ, въ бо̀льшей части Южной Америки, Китаѣ, Японіи, Индіи, Сибири и Египтѣ. Такимъ образомъ, человѣчество представляется намъ еще молодымъ, продолжающимъ расти, и ростъ его далеко еще не приспособился къ географическимъ условіямъ. До сихъ поръ даже многія плодородныя страны населены скудно, а менѣе надѣленныя природой имѣютъ населеніе болѣе густое, чѣмъ онѣ въ силахъ прокормить. Въ будущемъ можно ожидать еще во многихъ мѣстахъ сгущеній, а въ другихъ разрѣженій населенія, пока не достигнуто будетъ такое распространеніе человѣчества, которое представитъ въ каждомъ мѣстѣ количество людей, соотвѣтствующее его положенію, климату и почвѣ. Одни народы при этомъ будутъ болѣе содѣйствовать этому росту, а другіе менѣе, а многіе будутъ идти назадъ, и мѣстообитанія ихъ понемногу будутъ отходить къ другимъ, растущимъ и пространственно распространяющимся народамъ. Вслѣдствіе того, должна постоянно измѣняться не только статистическая картина человѣчества, но и этнографическая, а съ теченіемъ времени политическая и культурная. Уже въ настоящее время на нашихъ глазахъ совершается явленіе величайшей важности, не видѣнное прошлыми вѣками,—распространеніе европейцевъ и европейской образованности по всему земному шару. Причину этого распространенія мы видимъ въ постоянно увеличивающейся прибыли населенія на ограниченномъ пространствѣ земли, а именно въ нашей части свѣта. Такимъ образомъ, Европа оказывается производительнѣе другихъ областей, и этимъ обстоятельствомъ, помимо ея географическихъ преимуществъ, можетъ быть объяснено ея выдающееся положеніе въ исторіи человѣчества. Распространеніе европейцевъ по всему міру есть важнѣйшій фактъ всемір-

ной исторіи, и именно распространеніе европейцевъ, а не всей бѣлой расы, такъ какъ персы и индусы не принимаютъ въ немъ участія. Оно должно быть приписано высокому уровню европейской культуры, которая дала возможность развиться въ Европѣ населенію въ два, три и шесть разъ превышающему населенія сосѣднихъ частей свѣта. Нѣчто подобное представляетъ лишь Тихоокеанскій край Стараго Свѣта—Китай и Японія.

Однако, и въ европейскихъ странахъ ростъ населенія не одинаковъ, отчасти вслѣдствіе различій почвы, пространства и источниковъ продовольствія, а отчасти свойствъ народа. Даже у одного и того же народа движеніе населенія колеблется, то увеличиваясь, то уменьшаясь; поэтому было бы безполезно предсказывать, до какой численности могутъ достигнуть населенія Россіи, Германіи или Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе извѣстнаго періода времени.

Разсматривая суммы прироста населенія въ Европѣ, доставляемыя статистикой послѣднихъ десятилѣтій, мы видимъ, что ежегодно болѣе, чѣмъ на 1%, возрастаетъ населеніе сѣверныхъ странъ—Даніи, Норвегіи и Россіи, Голландіи и Швеціи, на 0,7—1%—въ средней Европѣ, Великобританіи и Ирландіи, Германской имперіи, Бельгіи, Австро-Венгріи и Португаліи, на 0,7—0,16%—въ южной Европѣ, Швейцаріи, Италіи, Испаніи и Франціи. Въ общемъ, мы видимъ уменьшеніе прироста отъ сѣвера къ югу. Причины увеличенія населенія этихъ странъ не одинаковы. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европы населеніе увеличивается, благодаря возможности распространенія въ безлюдныхъ или мало населенныхъ пространствахъ. Нидерланды увеличиваютъ свою поверхность осушеніемъ затопленныхъ пространствъ и огражденіемъ отъ моря плотинами, и этимъ создаютъ возможность увеличенія населенія; Великобританія, Германія и Бельгія усиливаютъ свою промышленность и тѣмъ даютъ возможность прокармливаться большему числу населенія. Населеніе Австріи можетъ распространяться въ восточной части этого государства, гдѣ еще есть свободныя земли. Въ сравнительно меньшемъ приростѣ населенія Испаніи и Швейцаріи проявляетъ себя высота надъ уровнемъ моря и строеніе поверхности. Франція и Венгрія въ этомъ отношеніи выказываютъ вліяніе общественныхъ условій и нравовъ. Наибольшее увеличеніе населенія мы видимъ въ нѣкоторыхъ рѣдко населенныхъ колоніальныхъ странахъ. Такъ, въ Амурской области

населеніе увеличилось съ 1857 по 1879 годъ въ 40 разъ. Въ Сечуанѣ въ Китаѣ съ 1842 до 1885 года населеніе возрасло съ 22 до 71 мил.

Въ каждой странѣ замѣчаются различные типы движенія населенія. Прибыль населенія еще не достаточно характеризуется суммой родившихся и новыхъ переселенцевъ, за вычетомъ умершихъ и выселившихся. Благодаря мѣстнымъ условіямъ, во многихъ мѣстахъ мы можемъ видѣть цифры съ отрицательными знаками. Въ конечномъ результатѣ для всей области эта убыль можетъ уравниваться прибылью въ другихъ мѣстахъ, но для насъ не безразлично, какъ составляется общая сумма, какія мѣстности даютъ для нея положительныя и какія отрицательныя цифры: для географа должно быть извѣстно, какія мѣстности способствуютъ прибыли и какія—убыли населенія. Такъ, сравнивая между собою различныя части Германской имперіи, мы видимъ группы, соединяющія въ себѣ области съ сходными условіями плотности и прироста населенія.

Плотное населеніе, большой перевѣсъ рожденій и сильный приростъ раздѣляютъ съ средне-германскими странами всѣ большія промышленныя области Европы. Сюда относятся Англія и Уэльсъ, Бельгія, департаменты Сѣверный и Па-де-Кале во Франціи и промышленные сѣверо-восточные кантоны Швейцаріи.

Плотное населеніе, умѣренный перевѣсъ рожденій надъ смертями и сильный приростъ свойственны округамъ большихъ городовъ, характернымъ признакомъ которыхъ является высокая смертность.

Плотное населеніе при умѣренномъ приростѣ есть признакъ перенаселенія; варіантомъ его является соединеніе плотнаго населенія съ умѣренной рождаемостью и умѣренной смертностью. Такой ростъ населенія встрѣчается у старыхъ культурныхъ народовъ, у которыхъ человѣческая жизнь цѣнится высоко и употребляются всѣ средства для ея продленія, и въ то же время населеніе принимаетъ мѣры къ ограниченію своей численности. Самымъ характернымъ представителемъ этого типа могутъ служить французы, средній возрастъ которыхъ столь же великъ, какъ мало ихъ размноженіе. Франція стоитъ въ концѣ этого ряда, въ который начинаютъ вступать и другіе культурные народы Европы и Америки. И въ Германіи, и въ Швейцаріи число рожденій начинаетъ уменьшаться, и высокія цифры населенія поддерживаются лишь продленіемъ человѣческой жизни.

Этотъ типъ сходенъ съ типомъ населенія большихъ городовъ, который отличается отъ него только бо́льшимъ приростомъ извнѣ.

Рѣдкое населеніе и быстрый приростъ, путемъ собственнаго размноженія и прилива переселенцевъ, могутъ быть названы колоніальнымъ типомъ, свойственнымъ юнымъ народамъ. Къ этому типу принадлежитъ и Россія, которую можно причислить къ молодымъ странамъ, что́ выражается между прочимъ и большимъ количествомъ браковъ.

Большая рождаемость и большая смертность и, какъ результатъ той и другой, незначительный средній приростъ населенія свойственны бѣднымъ народамъ и бѣднымъ классамъ. Такъ увеличиваются населенія рабовъ и пролетаріевъ и тѣхъ малокультурныхъ народовъ, число рожденій которыхъ сравнительно не велико, но которые не идутъ еще къ уничтоженію.

Незначительная рождаемость и большая смертность свойственны низко стоящимъ народамъ, находящимся въ состояніи упадка, каковы австралійцы, полинезійцы, сѣвероамериканскіе индѣйцы и пр. Число дѣтей у нихъ незначительно, что́ поддерживается, между прочимъ, и обычаемъ долгаго кормленія ихъ. При этомъ и средняя продолжительность жизни малокультурныхъ народовъ гораздо меньше, чѣмъ у культурныхъ; путешественникамъ рѣдко приходилось видѣть стариковъ между ними.

Въ среднемъ, должно рождаться одинаковое число мужчинъ и женщинъ, но у культурныхъ народовъ замѣчается нѣкоторый перевѣсъ мужскихъ рожденій, что́, однако, выравнивается бо́льшей смертностью мужчинъ. У дикихъ народовъ мы находимъ избытокъ мужчинъ; это объясняется обычнымъ убійствомъ дѣтей женскаго пола, бо́льшей смертностью женщинъ вслѣдствіе трудностей жизни, особенно тяжело падающихъ на нихъ, и невозможностью существованія для одинокихъ женщинъ. Неспокойная жизнь варварскихъ народовъ также не способствуетъ увеличенію женскаго населенія. Избытокъ мужчинъ мы видимъ и въ колоніальныхъ странахъ. Эти отношенія мѣняются, когда война или выселеніе уменьшаютъ число мужчинъ.

Упадокъ малокультурныхъ народовъ въ своихъ результатахъ представляетъ прежде всего явленіе географическое, вытѣсненіе изъ обширныхъ, связанныхъ между собою областей въ тѣсныя, раздробленныя, удаленныя другъ отъ друга мѣстообитанія, обыкновенно менѣе

благопріятныя, чѣмъ прежнія. Это—географическое движеніе назадъ и внизъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это—явленіе статистическое, уменьшеніе численности, существовавшей въ прежнемъ, ничѣмъ не нарушавшемся состояніи. При исключительно статистическомъ воззрѣніи, которое преобладало до сихъ поръ въ этомъ вопросѣ, мы легко можемъ упустить изъ виду самыя важныя стороны его. Мы должны имѣть въ виду не столько цифры, часто не поддающіяся опредѣленію, когда дѣло идетъ о дикихъ народахъ, сколько политическія и культурныя состоянія, которыя могутъ разсматриваться географически, какъ связь съ землею и обладаніе ею.

На земномъ шарѣ рядомъ съ областями растущаго населенія всегда были области уменьшающагося населенія; онѣ бывали и въ тѣхъ странахъ, населеніе которыхъ вообще возрастало.

Изучая различія роста народа, мы видимъ, что онъ заключается не столько въ почвѣ и климатѣ, сколько въ культурѣ. Внутренній ростъ народа черезъ размноженіе, т.-е. перевѣсъ рожденій, можетъ происходить на всѣхъ ступеняхъ культуры, но у низшихъ народовъ, при столкновеніи ихъ съ культурными, замѣчается своеобразное явленіе вымиранія, какъ послѣдствіе перевѣса смертей надъ рожденіями. Помимо болѣзней, прививаемыхъ дикарямъ бѣлыми, спаиванія ихъ и даже прямого истребленія, мы видимъ въ уменьшеніи ихъ численности вытѣсненіе ихъ съ удобныхъ земель въ неудобныя мѣстности. Мы наблюдаемъ это и въ Сѣверной, и въ Южной Америкѣ. Подобный же процессъ происходитъ и среди нашихъ инородцевъ. Между прочимъ, они вымираютъ и потому, что теряютъ удобныя для нихъ земли. Вымираніе ихъ идетъ не менѣе быстро, чѣмъ американскихъ индѣйцевъ и австралійцевъ. Такъ, въ 1749 году числилось 20.000 камчадаловъ, а черезъ сто лѣтъ, въ 1850 году, ихъ было только 1951. Уменьшеніе численности замѣчается и у монголовъ, и у туркменъ, и вообще у всѣхъ народовъ, условія жизни которыхъ измѣняются, которые чувствуютъ себя стѣсненными въ своихъ вѣковыхъ привычкахъ.

Постепенное угасаніе австралійцевъ и полинезійцевъ сводится также къ лишенію ихъ земли. Ихъ можно спасти не больницами и раздачею продовольствія, а возвращеніемъ имъ земли, на которой они жили. На это, конечно, нельзя разсчитывать, и поэтому вы-

вать къ чувству ихъ культурныхъ притѣснителей является дѣломъ совершенно безплоднымъ.

Всемірная исторія показываетъ намъ явленія не только здороваго роста, но и болѣзненнаго ослабленія и упадка. Послѣднія представляютъ собою дикіе народы, оказывающіеся побѣжденными въ борьбѣ съ другими народами. Много грѣха лежитъ на совѣсти европейцевъ, которые, завладѣвая заманчивыми для нихъ странами въ другихъ частяхъ свѣта, вытѣсняли или истребляли ихъ коренныхъ жителей. Но уменьшеніе численности цвѣтныхъ людей, происходящее на нашихъ глазахъ, не можетъ быть исключительно приписано жестокости и алчности европейскихъ колонизаторовъ. Жизнь дикарей носила и сама въ себѣ условія, которыя должны были вести ее къ ослабленію и гибели. Прежде всего, она отличалась величайшимъ непостоянствомъ и необезпеченностью средствъ къ существованію. Хотя она въ значительной степени закаляла дикаря, но часто ставила ему слишкомъ суровыя испытанія, которыя онъ не въ силахъ былъ преодолѣть. Жилище, плохо защищавшее отъ непогоды, и недостаточная одежда не спасали его отъ болѣзней, для лѣченія которыхъ у него часто не было другихъ средствъ, кромѣ средствъ знахарей, и которыя уносили много жертвъ. Дикарь мало цѣнилъ свою жизнь и мало ее берегъ. Онъ больше всего боялся голода, и у него вошло въ обычай уничтожать тѣхъ, которые не могли работать, т.-е. дѣтей и стариковъ. Всѣ эти мѣры не спасали его, однако, отъ голодовокъ, которыя часто многимъ стоили жизни. Къ уменьшенію ихъ численности содѣйствовали и войны, хотя и не кровопролитныя, вслѣдствіе небольшаго числа сражающихся, но, по большей части, жестокія и непрерывныя. У нѣкоторыхъ дикарей, какъ напр., малайцевъ, мы видимъ ужасные обычаи, въ родѣ добыванія головъ, ради котораго они не щадили ни женщинъ, ни дѣтей своихъ сосѣдей, нападая на нихъ врасплохъ. У тѣхъ дикарей, которые довольствовались одной женой, число дѣтей ограничивалось обычаемъ продолжительнаго кормленія, продолжавшагося по два и по три года, вслѣдствіе недостатка пищи, пригодной для дѣтей нѣжнаго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ у многихъ дикарей было въ ходу и людоѣдство, и принесеніе своимъ богамъ человѣческихъ жертвъ. Часть плѣнныхъ оставлялась въ живыхъ, но превращалась въ рабовъ, которые не имѣли права жениться и умирали, не оставляя потомства. Всѣ эти

причины, взятыя вмѣстѣ, ограничивали причины размноженія дикихъ народовъ, и между ними было немного такихъ, которые могли считать свою численность болѣе, чѣмъ сотнями.

Если мы примемъ во вниманіе, что вымираніе дикихъ народовъ происходило и до столкновенія ихъ съ европейцами, то мы убѣдимся, что это послѣднее только ускорило первое. Мы должны признать, что народы низшей культурной ступени стоятъ на нездоровой основѣ. Они физически и нравственно ниже культурныхъ народовъ. Вся жизнь ихъ содѣйствуетъ не увеличенію, а уменьшенію ихъ численности. То, чтó убываетъ, естественно должно уступать мѣсто тому, чтó растетъ. Читая исторію, мы всегда должны помнить, что одни народы увеличиваются, а другіе уменьшаются въ своей численности. Бѣлая раса не могла бы выступать побѣдительницей, если бы, въ силу ея географическихъ и культурныхъ условій, ей не свойственно было размноженіе, превышающее размноженіе некультурныхъ расъ. Побѣда ея облегчается тѣмъ, что противники ея носятъ сами въ себѣ причины своего ослабленія.

ГЛАВА IX.

Населенныя мѣста: города и деревни.

Понятіе о скученности населенія. — Характерные признаки дома, двора поселка, деревни и города.—Распредѣленіе населенныхъ мѣстъ.—Наружный видъ поселеній.—Ростъ городовъ.—Торговые города.—Приморскіе города.—Столицы.

Статистика, знакомя насъ съ средней плотностью населенія государствъ, т.-е, съ количествомъ жителей на извѣстной единицѣ пространства (квадратной милѣ или квадр. километрѣ), не даетъ еще намъ точнаго понятія о дѣйствительномъ распредѣленіи населенія. Кромѣ плотности, мы должны знать и отношенія скученности (агломераціи) населенія. Это обстоятельство особенно важно для географіи, и она давно уже отмѣчаетъ его на своихъ картахъ, обозначая кружками или другими знаками наиболѣе многолюдныя человѣческія поселенія. Къ ея задачамъ относятся опредѣленіе, описаніе и характеристика различнаго рода поселеній человѣка, такъ какъ въ нихъ выражаются

не только культурныя отношенія, но и цѣлый рядъ важныхъ географическихъ и этнографическихъ явленій народной жизни. Каждому народу и каждому племени свойственны свои жилища, которыя служатъ отраженіемъ и его культурности, и его характера. Помимо способа постройки отдѣльныхъ жилищъ, и бо́льшая или меньшая разбросанность или скученность ихъ является характернымъ признакомъ для каждаго народа. Общественный инстинктъ, стремленіе жить съ подобными себѣ замѣчается у человѣка на всѣхъ ступеняхъ культуры; но въ зависимости отъ послѣдней, отъ своихъ занятій, доставляющихъ ему средства къ жизни, и отъ географическихъ условій обитаемой имъ страны, онъ живетъ въ отдѣльныхъ домахъ, дворахъ, заключающихъ иногда нѣсколько жилищъ, поселкахъ, состоящихъ изъ немногихъ домовъ, деревняхъ, въ которыхъ число домовъ уже значительнѣе, и городахъ, состоящихъ изъ болѣе или менѣе бо́льшаго скопленія отдѣльныхъ домовъ.

Статистика распредѣляетъ мѣста человѣческихъ поселеній, преимущественно, по числу ихъ обитателей. Не довольствуясь этимъ признакомъ, географія старается отмѣтить, кромѣ того, ихъ пространственную величину и форму. Единицей, отъ которой исходятъ та и другая, является домъ, подъ которымъ подразумѣвается помѣщеніе, служащее для жилья и для хозяйственныхъ цѣлей, въ особенности для храненія запасовъ. Домъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ помѣщеній подъ одной кровлей, куда входятъ и кладовыя, и хлѣва для животныхъ, но онъ можетъ раздѣляться и на отдѣльныя постройки—жилой домъ, занимаемый хозяиномъ и его семьей, амбаръ, хлѣвъ, сараи для корма скота и сельско-хозяйственныхъ орудій и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ получается уже то, что́ принято называть д в о р о м ъ. Увеличеніе числа обитателей дома не всегда ведетъ къ такому раздѣленію его. Даже у низко стоящихъ народовъ, мы находимъ постройки, вмѣщающія нѣсколько семействъ. Таковы «длинные дома» индѣйцевъ сѣверо-западной Америки, заключающіе иногда цѣлое племя въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Подобныя же строенія для нѣсколькихъ семействъ мы находимъ у папуасовъ Новой Гвинеи; въ этихъ общественныхъ постройкахъ для каждой семьи отводится особое помѣщеніе, закрываемое отъ сосѣднихъ циновками. У такъ называемыхъ индѣйцевъ-пуэбло дома съ большимъ числомъ обитателей строились въ два или въ три этажа, при чемъ нижній этажъ

выдавался впередъ, и всѣ вмѣстѣ образовали уступы или террасы. Доступъ въ верхніе этажи былъ возможенъ лишь съ помощью приставной лѣстницы. Это обстоятельство показываетъ намъ, что они строились прежде всего съ цѣлью защиты и представляли собою своего рода крѣпости. Очевидно, съ намѣреніемъ доставить затрудненіе непріятелямъ, если бы они проникли въ жилище, въ большихъ домахъ Новой Гвинеи, строющихся надъ водою на сваяхъ, полъ дѣлается изъ перекладинъ, отстоящихъ одна отъ другой на $^3/_4$ аршина; пройти по такому полу человѣку, не знакомому съ нимъ, въ особенности въ темнотѣ, было бы невозможно, такъ какъ онъ на каждомъ шагу рисковалъ бы провалиться сквозь него въ воду. Цѣли защиты, какъ мы увидимъ, имѣются въ виду и при постройкѣ другихъ человѣческихъ жилищъ.

Однимъ изъ такихъ жилищъ является огороженный дворъ. Самъ по себѣ дворъ есть уже нѣчто болѣе, чѣмъ простой домъ. Онъ представляетъ не только жилище для членовъ семьи и домочадцевъ, но и хозяйственную единицу, имѣющую бо́льшую или меньшую степень самостоятельности. Такую систему жилищъ мы видимъ у многихъ историческихъ народовъ Европы въ первыя времена ихъ существованія. Такъ жили древніе кельты и древніе саксы, у которыхъ, по словамъ историковъ, каждый дворъ былъ независимымъ государствомъ, управлявшимся главою дома и рѣшавшимъ вопросы о войнѣ и мирѣ съ сосѣдями. Эта домашняя или хозяйственная самостоятельность часто служила основой и самостоятельности гражданской. Система отдѣльныхъ дворовъ создавалась и топографическими или климатическими условіями. Мы видимъ ее, напр., въ Исландіи и въ Бретани. Несмотря на различія географическаго положенія и климатическихъ условій названныхъ странъ, отдѣльность жилищъ вызывается въ нихъ одними и тѣми же хозяйственными потребностями—необходимостью экстенсивнаго хозяйства, вслѣдствіе малоплодородной почвы, недопускающей скученности населенія въ одномъ мѣстѣ.

Систему отдѣльныхъ дворовъ мы находимъ, впрочемъ, не только тамъ, гдѣ она вызывается условіями климатическими и топографическими. Нѣкоторыя племена даютъ ей предпочтеніе, тогда какъ другія по преимуществу скучиваются въ деревняхъ. Отдѣльные дворы мы находимъ въ Германіи въ наибольшемъ распространеніи въ двухъ областяхъ: въ Вестфаліи и верхней Баваріи, изъ которыхъ первая

представляетъ равнину, а другая горную мѣстность. И во Франціи, и по всему берегу Средиземнаго моря общины живутъ въ селеніяхъ, напоминающихъ города, за исключеніемъ Бретани, о которой мы упоминали выше. Такое же скученіе населенія мы находимъ и въ Италіи. Вообще можно сказать, что въ странахъ Средиземнаго моря поселенія сосредоточиваются въ немногихъ благопріятныхъ мѣстахъ, изобилующихъ водой предпочтительно передъ другими. Хотя здѣсь главную роль играютъ климатическія и почвенныя условія, но отчасти выступаетъ и этническій характеръ населенія. Такъ, въ Альпахъ отдѣльные дворы болѣе распространены въ мѣстахъ, обитаемыхъ населеніемъ германскаго происхожденія. Это еще болѣе замѣтно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ славяне смѣшиваются съ нѣмцами: между тѣмъ, какъ нѣмцы предпочитаютъ систему отдѣльныхъ дворовъ, славяне чаще живутъ деревнями. Вліяніе почвы вмѣстѣ съ историческими условіями особенно замѣтно выражается въ распредѣленіи населенія въ Богеміи: на промышленномъ сѣверѣ мы находимъ большія, плотно населенныя деревни, въ средней части страны съ преобладаніемъ земледѣлія,—деревни средней величины, на лѣсистомъ югѣ—поселки и дворы, и на гористомъ сѣверѣ—преимущественно отдѣльные дворы.

Деревней мы называемъ небольшое собраніе жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, которое чаще всего образуется соединеніемъ болѣе или менѣе значительнаго числа дворовъ. Деревни представляютъ между собой извѣстное различіе, смотря по тому, встрѣчаемъ ли мы ихъ въ областяхъ, гдѣ существуютъ города, или въ областяхъ, гдѣ не имѣется городовъ. Въ первомъ случаѣ онѣ представляютъ извѣстное собраніе жилищъ, занимающее среднее положеніе между отдѣльными дворами и городами; въ послѣднемъ случаѣ къ нимъ относятся всѣ населенныя мѣста, не принадлежащія къ числу отдѣльныхъ домовъ, и онѣ отчасти замѣняютъ собою города. Тамъ, гдѣ на ряду съ деревнями возникаютъ города, первыя вмѣщаютъ, по большей части, слой населенія, имѣющій извѣстныя особенности экономическаго и общественнаго характера. Это—настоящія сельскія населенныя мѣста. Цѣли и задачи жителей деревни въ областяхъ, гдѣ имѣются города, существенно одинаковы. Существованіе сельскаго населенія связано съ полемъ, лугомъ и лѣсомъ. Поэтому и въ географическомъ смыслѣ деревни окружены полями и лугами, а въ лѣсистыхъ

мѣстностяхъ стоятъ около лѣсовъ. Чѣмъ бы ни были засѣяны или засажены поля, деревни питаются ихъ произведеніями. Каждая деревня связана съ землей и не должна быть расположена слишкомъ далеко отъ нея, для того, чтобы работа не требовала много времени на передвиженіе изъ жилого дома въ поле. Исключеніе составляютъ только горныя мѣстности, гдѣ пастбища лежатъ иногда далеко отъ жилыхъ мѣстъ и заставляютъ населеніе переселяться туда на продолжительное время. Съ подобными же переселеніями связано хозяйство народовъ, мѣняющихъ кочевую жизнь на осѣдлую. Прочными мѣстами населенія для нихъ являются зимнія жилища, которыя они покидаютъ съ наступленіемъ лѣта, уходя въ болѣе возвышенныя мѣста, удобныя для пастьбы скота, и возвращаются туда въ концѣ лѣта для собиранія жатвы.

Настоящая деревня должна имѣть сельско-хозяйственный или земледѣльческій характеръ, и развитіе промышленности служитъ для нея уже признакомъ перехода къ городскому характеру. Тѣмъ не менѣе, даже большая деревня съ многочисленнымъ населеніемъ отличается отъ небольшого малолюднаго города. Различіе заключается въ томъ, что въ деревнѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, растетъ и число домовъ, а въ городѣ ростъ населенія не находится въ прямой зависимости отъ количества домовъ. Деревня начинаетъ приближаться къ городу, какъ скоро населеніе ея начинаетъ расти быстрѣе, чѣмъ увеличивается число отдѣльныхъ жилищъ, и въ ней являются лица, занимающія помѣщенія въ чужихъ домахъ. Какъ бы ни было велико число лицъ, живущихъ вмѣстѣ, въ деревнѣ оно всегда мало въ сравненіи съ площадью, на которой распредѣлены дома. И у отдѣльныхъ жителей, и у взятыхъ вмѣстѣ, тамъ всегда больше простора, чѣмъ въ городѣ. Чѣмъ земля менѣе плодородна, тѣмъ свободнѣе расположены деревни; это отношеніе къ обитаемой площади сохраняется даже и при увеличеніи населенія. Для доказательства этого общаго вывода, намъ достаточно сравнить наши небольшія сѣверныя деревни съ громадными южными селами. Такъ какъ большая или меньшая плотность населенія зависитъ, между прочимъ, отъ плодородія почвы, то въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ мы находимъ и деревни небольшихъ размѣровъ, отличающіяся не только малочисленностью населенія, но и малымъ числомъ домовъ.

Въ мѣстностяхъ съ болѣе густымъ населеніемъ, главнымъ исто-

чникомъ существованія котораго является земледѣліе, мы находимъ деревни средней величины. Таковы, напримѣръ, деревни центральной Европы, гдѣ, въ среднемъ, онѣ заключаютъ около 50 домовъ и около 400 жителей въ каждой. Когда, при недостаточномъ плодородіи земли, населеніе обращается къ промышленности, деревни становятся болѣе крупными, но онѣ уже болѣе отдалены одна отъ другой. Мы видимъ, что въ Силезіи, имѣющей болѣе промышленный характеръ, деревни больше, но вдвое рѣже, чѣмъ въ Богеміи. Въ Европѣ мы находимъ и большія деревни, которыхъ можно отличить два вида: деревни, похожія на города, очень тѣсной постройки, свойственныя по преимуществу плотно населеннымъ южно-европейскимъ странамъ, и широко раскинувшіяся деревни въ степныхъ мѣстностяхъ, съ рѣдкимъ населеніемъ и плодородной почвой, въ черноземной Россіи, въ Венгріи и Галиціи. Въ Германіи можно найти деревни, вмѣщающія болѣе 20,000 жителей, но это уже, въ сущности, города, не носящіе этого названія лишь по какимъ-нибудь историческимъ или административнымъ причинамъ.

Въ числѣ городовъ мы находимъ такіе, число жителей которыхъ приближается къ 6 милліонамъ, и такія, гдѣ ихъ не болѣе 2,000. Раздѣленіе городовъ лишь по одной численности населенія не можетъ быть достаточно характернымъ. Такъ, эта численность и распространеніе города не всегда совпадаютъ между собой; въ Мюнхенѣ, напримѣръ, въ 1885 году приходилось 10,153 жителя на одинъ квадратный километръ, а въ Нюренбергѣ на такую же площадь—5,616 жителей. Поэтому раздѣленіе городовъ на категоріи по числу жителей является понятіемъ чисто статистическимъ. Однако, съ другой стороны, численность населенія является существенной и для города; и географія должна до извѣстной степени считаться съ этимъ принципомъ дѣленія и можетъ только поставить вопросъ — какія ступени должны быть избраны въ этомъ длинномъ рядѣ цифръ. Мы можемъ сказать вообще, что городъ съ населеніемъ въ 100,000 проявляетъ въ высокой степени свою дѣятельность въ промышленности, торговлѣ и сообщеніяхъ, и дѣятельность эта ощущается на широкомъ пространствѣ вокругъ него. Она не исчерпывается одной матеріальной стороной, но и умственной, выражающейся въ учебныхъ заведеніяхъ, ученыхъ собраніяхъ, печати, театрѣ и т. п. Съ другой стороны, города съ населеніемъ менѣе 5 тысячъ, такъ

сказать, сосредоточиваются въ самихъ себѣ и болѣе приближаются къ деревнѣ. Между тѣми и другими находится длинный рядъ ступеней, на которыхъ могутъ быть поставлены города средней величины отъ 20 до 100 тысячъ жителей и мелкіе города съ населеніемъ отъ 2 до 20 тысячъ, являющіеся средоточіемъ лишь небольшихъ областей. Города, въ которыхъ менѣе 2 тысячъ жителей, стоятъ уже на той грани, за которой городъ теряетъ свой истинный характеръ.

Изъ того, что мы говорили выше о распредѣленіи населенія, мы уже можемъ заключить, что плотность населенія въ географическомъ смыслѣ не совпадаетъ съ плотностью населенія въ смыслѣ статистическомъ. Подъ географической плотностью мы должны прежде всего подразумѣвать распредѣленіе населенныхъ мѣстъ. Народы, стоящіе низко въ культурномъ отношеніи, живутъ разсѣянно, небольшими поселеніями, а народы болѣе культурные, даже при рѣдкомъ населеніи, иногда сосредоточиваются въ извѣстныхъ центрахъ, играющихъ роль очаговъ культуры. Поэтому число населенныхъ мѣстъ на извѣстной площади само по себѣ не можетъ быть мѣриломъ средней плотности населенія. Въ странахъ, обитаемыхъ только въ ограниченныхъ областяхъ, населенія скучиваются въ мѣстахъ, наиболѣе благопріятныхъ между тѣмъ, какъ промежуточныя пространства остаются пустыми. Такое разселеніе можно наблюдать въ странахъ Средиземнаго моря, напримѣръ, въ Греціи, гдѣ жизнь сосредоточивалась преимущественно въ городахъ. Эти условія повторяются въ высшей степени въ степяхъ и пустыняхъ. У пастушескихъ народовъ, живущихъ въ степяхъ со скуднымъ орошеніемъ, жилища цѣлаго племени группируются около начальническихъ юртъ. Для такого пастушескаго населенія необходимы близость воды, пастбищъ и лѣса для топлива и построекъ. Если послѣднія условія мы не всегда находимъ въ Азіи, то важность ихъ мы замѣчаемъ у народовъ южной Африки, занимающихся скотоводствомъ. Именно на такихъ мѣстахъ тамъ возникаютъ обширныя поселенія, которыя путешественники называютъ городами. Въ нихъ живутъ представители правящей власти, бываютъ большіе базары, производятся судъ и расправа и т. д. У негровъ-земледѣльцевъ, напримѣръ, въ области верхняго Нила, гдѣ земля плодородна и хорошо орошена, мы видимъ вблизи одинъ отъ другого поселки, съ загородками для скота, окруженные молочаями или другими

удобными для этой цѣли растеніями. Пустыни, напротивъ, заставляютъ населеніе скучиваться на узкихъ пространствахъ оазисовъ. Оазисы являются естественными мѣстами отдыха для каравановъ; это способствуетъ развитію торговли и кладетъ начало происхожденію большихъ городовъ вродѣ Дамаска или Мурзука. Постройка домовъ тамъ обходится не дорого, такъ какъ, въ виду сухости климата, ихъ можно дѣлать изъ глины, но недостатокъ свободнаго пространства заставляетъ дорожить мѣстомъ, и, такимъ образомъ, возникаютъ узкія постройки, напоминающія башни. Обиліе свободнаго пространства вмѣстѣ съ плодородіемъ земли располагаетъ къ постройкѣ отдѣльныхъ фермъ, какъ мы видимъ это въ Сѣверной и Южной Америкѣ.

Населенныя мѣста не могутъ существовать совершенно независимо другъ отъ друга, и распредѣленіе ихъ часто зависитъ отъ путей сообщенія. Эти послѣдніе во многихъ случаяхъ вызываютъ даже появленіе населенныхъ мѣстъ, образующихся около станцій или мѣстъ остановки на какомъ-либо длинномъ пути. Вслѣдствіе того, по дорогамъ мы иногда находимъ поселенія на извѣстныхъ протяженіяхъ одно отъ другого. Въ странахъ, достаточно населенныхъ, гдѣ происходили оживленныя сношенія, напримѣръ, въ Германіи, можно видѣть большія деревни и города, выросшіе на мѣстахъ почтовыхъ станцій и находящіеся на опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, а именно на протяженіи отъ двухъ до трехъ нѣмецкихъ миль.

Населенныя мѣста различаются между собой и прочностью постройки отдѣльныхъ жилищъ: мы должны отличать между ними шалаши и хижины дикихъ народовъ, которые ставятся и разбираются въ нѣсколько часовъ, и дома изъ дерева или камня народовъ осѣдлыхъ. Деревня негровъ имѣетъ, конечно, въ этомъ отношеніи иной характеръ, чѣмъ деревня китайцевъ, и тѣмъ болѣе европейцевъ. Кромѣ культурнаго уровня и образа жизни, здѣсь главное вліяніе имѣетъ климатъ. Въ холодномъ или умѣренномъ климатѣ человѣкъ проводитъ подъ кровлей бо́льшую часть года, а въ тепломъ онъ пользуется жилищемъ лишь для защиты отъ ночного холода. Это различіе отражается не только въ жилищахъ настоящихъ дикарей, но и въ постройкахъ восточныхъ народовъ. Такъ, въ Греціи дома строятся изъ дикаго камня или глины: они тѣсны, невысоки и

почти безъ оконъ; еще болѣе простыми жилищами довольствуются кавказскіе народы, сакли которыхъ не что иное, какъ землянки. На востокѣ даже у осѣдлыхъ народовъ мы почти не встрѣчаемъ мебели, не исключая и людей зажиточныхъ, и отсюда можемъ видѣть, что они въ своихъ домахъ не ищутъ никакой уютности. Даже дома культурныхъ японцевъ лишены удобствъ съ нашей точки зрѣнія, не имѣя внутри никакихъ украшеній и будучи доступны всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ. Такіе способы постройки зависятъ, впрочемъ, не только отъ климата, но и отъ строительнаго матеріала. Такъ въ степныхъ мѣстахъ Африки главнымъ матеріаломъ для построекъ являются тростникъ и трава, которые не даютъ возможности и осѣдлымъ земледѣльцамъ сооружать сколько-нибудь прочныя постройки. Но во многихъ случаяхъ мы видимъ, что, какъ скоро народъ дошелъ до болѣе удобныхъ и устойчивыхъ жилищъ, онъ держится ихъ даже и тогда, когда переселяется въ страны, далекія отъ своей первоначальной родины. Таковы постройки малайцевъ на островахъ Полинезіи и на Мадагаскарѣ, отличающіяся четыреугольнымъ очертаніемъ, высокой крышей съ конькомъ, подставкой изъ свай и деревяннымъ остовомъ, промежутки котораго заполняются цыновками. Повсюду, гдѣ мы находимъ такія легкія постройки, встрѣчаются, впрочемъ, только деревни, а не города. У народовъ осѣдлыхъ деревня для защиты отъ нападенія окружается или живыми изгородями, или валами и рвами. Таковы деревни негровъ-земледѣльцевъ, которымъ постоянно приходилось опасаться нападенія хищныхъ кочевниковъ.

Прочныя постройки, въ особенности изъ камня, развиваются только съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ требованій культуры. Въ Европѣ онѣ появились въ странахъ Средиземнаго моря и оттуда уже перешли въ среднюю Европу. Первоначально въ нѣмецкихъ деревняхъ постройки были деревянныя и замѣнялись каменными довольно медленно по настоянію властей, пріучавшихъ населеніе къ каменнымъ строеніямъ ради безопасности отъ огня. Въ Альпахъ, въ Шварцвальдѣ и въ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Германіи можно и теперь еще слѣдить за постепенной замѣной деревянной постройки каменной. Въ странахъ, богатыхъ лѣсомъ, каковы Скандинавія и Россія, деревянныя постройки до сихъ поръ еще преобладаютъ.

Деревни во всѣхъ мѣстностяхъ по величинѣ и формѣ болѣе по-

ходятъ другъ на друга, чѣмъ города, такъ какъ, по самому назначенію своему, онѣ менѣе подлежатъ всякаго рода перемѣнамъ. Онѣ состоятъ изъ скопленія домовъ или хижинъ земледѣльцевъ, обрабатывающихъ окружающія ихъ поля, и только немногія изъ ихъ построекъ лужатъ цѣлямъ торговли и сношеній съ сосѣдями. Все здѣсь держится извѣстнаго уровня, распространяется въ ширину и подчиняетъ человѣческія жилища требованіямъ полевого хозяйства. Дома раздѣляются луговинами и огородами и должны еще давать мѣсто хлѣвамъ и амбарамъ. Только одно зданіе свободно отъ этихъ требованій: это — церковь, поднимающаяся надъ низкими постройками, какъ бы сросшимися съ землей, и одна представляющая архитектурное зданіе, внушающее уваженіе своимъ назначеніемъ и часто своей стариной. Тѣмъ не менѣе, каждая деревня имѣетъ свою физіономію, сообщаемую ей страной и народностью ея обитателей. Въ Германіи, напримѣръ, деревни не велики, представляя полную противоположность южно-русскимъ селамъ, растягивающимся на такія протяженія, что жители нѣкоторыхъ частей поселенія во время горячей работы переселяются на поля, слишкомъ далеко отстоящія отъ нихъ. Какъ тѣ, такъ и другія нисколько не походятъ на сѣвероамериканскія фермы, иногда стоящія одна около другой, но раздѣленныя дощатыми заборами, и тѣмъ болѣе на разбросанныя фермы „дальняго запада". Особую физіономію имѣютъ окруженныя каменными стѣнами деревни Седмиградія, напоминающія времена, когда онѣ должны были опасаться набѣговъ азіатскихъ ордъ. Такія же укрѣпленныя деревни мы находимъ въ Пелопоннезѣ, Корсикѣ и на Кавказѣ. Во многихъ, когда-то укрѣпленныхъ поселеніяхъ стѣны уже разрушились и только остатками своими напоминаютъ о временахъ, когда жители ихъ находились въ постоянномъ страхѣ нападенія вооруженныхъ непріятелей. Подобное же различіе представляютъ между собой и отдѣльные крестьянскіе дворы. Нѣмецкія деревни на нашъ взглядъ походятъ на города, потому что отдѣльныя постройки ихъ тщательны и правильны; въ каждой изъ нихъ видна рука мастера, каменщика, плотника, маляра и т. п. Норвежскія, тѣмъ болѣе русскія деревни выказываютъ бо́льшую разбросанность и меньшее искусство въ отдѣлкѣ домовъ, такъ какъ построены однѣми и тѣми же руками, не знающими раздѣленія строительнаго труда. И въ Баваріи крестьянскій дворъ, поставленный на скатѣ горы, имѣетъ

другой видъ, чѣмъ вестфальскій, правильно построенный на широкой равнинѣ. Опытный глазъ различитъ среди построекъ Германіи и нижне-саксонскій, и алеманскій, и франконскій домъ. Славянскія постройки отличаются отъ германскихъ меньшей тщательностью и меньшими размѣрами. Южно-славянскіе и отчасти мадьярскіе дома снабжены деревянными сѣнями, что является для нихъ такимъ же характернымъ признакомъ, какъ рѣзныя галлереи, идущія вдоль крестьянскихъ домовъ Баваріи.

Внѣшнее впечатлѣніе, производимое городами, во многомъ содѣйствуетъ общему виду страны, или ея физіономіи. Городъ, дѣйствительно, имѣетъ свою физіономію, въ которой выражаются важнѣйшія характерныя черты народа. Одинъ историкъ по поводу историческихъ городовъ Греціи называетъ города портретами народовъ, которые ихъ создали. Дѣйствительно, нѣмецкій городъ, съ его каменными домами и стѣнами, церквями, башнями и ратушей,—нѣчто совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, городъ въ Венгріи. Мадьяры любятъ жить въ большихъ городахъ: между Дунаемъ и Вейсомъ въ нихъ живетъ 49% населенія. Но такіе города заслуживаютъ этого названія болѣе въ статистическомъ, чѣмъ въ географическомъ и историческомъ смыслѣ. То же самое можно сказать о польскихъ городахъ. Въ старинной Польшѣ было только пять городовъ, обнесенныхъ стѣнами (Краковъ, Данцигъ, Варшава, Львовъ и Торнъ), и пять городовъ съ каменными дворцами и деревянными домами (Познань, Люблинъ, Гродно, Вильно и Ковно); прочіе города были простыя деревни. Испанскіе города, со своими мавританскими домами, обращенными фасадомъ на горы, англійскій городъ, со своими маленькими, одинаковыми домиками, служащими для обитанія отдѣльной семьи, германскіе казарменные города, вродѣ стараго Карлсруэ или Штутгарда, и нарядные, новые большіе города—все это отражаетъ въ себѣ жизнь своего народа. Кромѣ того, въ городахъ отражается и ихъ исторія. Такъ, улицы небольшого голландскаго городка представляютъ замѣчательное сходство съ поселеніями восточной Англіи, напримѣръ, съ Гарвичемъ. Новѣйшія гавани Алжира напоминаютъ Марсель, за исключеніемъ Орана, который нѣсколько разъ былъ занятъ испанцами и представляетъ много общаго съ Картахеной. Города Египта, перестроенные въ послѣднее десятилѣтіе, среди хаоса восточныхъ узкихъ, грязныхъ улицъ, содержатъ и нѣсколько широ-

кихъ, носящихъ на себѣ печать Европы. Европейскіе кварталы въ Индіи имѣютъ совершенно англійскій видъ и вполнѣ похожи другъ на друга, такъ какъ индійскій элементъ совершенно изгнанъ изъ нихъ. Города болѣе теплыхъ странъ, съ помощью толстыхъ стѣнъ и узкихъ улицъ, ищутъ тѣни и прохлады, между тѣмъ, какъ города, лежащіе подъ хмурымъ небомъ умѣреннаго пояса, посредствомъ открытыхъ фасадовъ, стремятся къ свѣту. Современные большіе города Европы разстраиваются преимущественно въ западную сторону. Это замѣчается въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Гамбургѣ, Прагѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ и др. Такое любопытное явленіе объясняется учеными различно: одни связываютъ его со стремленіемъ къ западу, обнаружившимся послѣ открытія Новаго Свѣта, а другіе съ направленіемъ западнаго вѣтра, несущаго въ Европѣ свѣжій воздухъ съ моря.

Старинные историческіе города разростались вокругъ центра въ различное время и поэтому отличаются разнообразіемъ и неправильностью своихъ построекъ; у нихъ именно мы находимъ особыя, характерныя физіономіи, отражающія въ себѣ духъ и культуру народа. Новѣйшее время создаетъ города однообразной, правильной постройки. Всѣ сѣверо-американскіе и австралійскіе города разсчитаны на просторъ и удобство. Они строятся по заранѣе намѣченному плану, предвидя въ будущемъ населеніе иногда во много разъ больше наличнаго. Но и въ нихъ замѣчается различіе въ зависимости отъ ихъ возраста. Сиднею не многимъ больше 100 лѣтъ, а Мельбурну—50, и, однако, первый уже кажется старше; онъ носитъ болѣе англійскій, а Мельбурнъ—американскій характеръ. Въ новыхъ, быстро развивающихся городахъ постройки отличаются величественностью, даже великолѣпіемъ, но въ то же время и непрочностью. Это можно сказать обо всѣхъ новѣйшихъ американскихъ городахъ, строенія которыхъ расчитываются не болѣе, какъ на 40 или 50 лѣтъ. Впрочемъ, широкія улицы, прерываемыя большими скверами, составляютъ только достояніе сѣверо-американскихъ городовъ. Города испанской постройки въ Ю.-Америкѣ не обладаютъ уже такимъ просторомъ и, вообще, не производятъ впечатлѣнія величественности. Однако, отсутствіе историческихъ памятниковъ, достопримѣчательностей освященныхъ временемъ, не можетъ быть замѣнено даже наиболѣе красивымъ и удобнымъ расположеніемъ улицъ и изящной архитектурой отдѣльныхъ домовъ. Съ

другой стороны, отсутствіе печати высшей культуры, идеальныхъ, научныхъ и художественныхъ стремленій придаетъ всѣмъ восточнымъ городамъ какой-то матеріальный, грубый характеръ, несмотря на отдѣльныя интересныя детали ихъ построекъ. Это можно сказать обо всѣхъ городахъ Китая, Японіи и Индо-Китая, весьма многочисленныхъ въ этихъ странахъ. Вообще восточные города носятъ на себѣ слѣды случайности своего происхожденія и оказываются мало пригодными для потребностей новѣйшаго времени. Многіе города Востока, обнесенные стѣнами, походятъ до сихъ поръ на укрѣпленные лагери; другіе содержатъ въ себѣ гораздо больше пространства, чѣмъ нужно для ихъ населенія: жилыя постройки прерываются въ нихъ большими садами, засѣянными участками земли, пустынными площадями, прудами и рощами. Говоря вообще о расположеніи и удобствахъ городовъ, приходится признать, что выборъ мѣста для нихъ удавался не всѣмъ народамъ. Такъ, нѣкоторые новѣйшіе города въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ древнимъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить древніе и новые города Греціи: первые отличались не только болѣе красивымъ, но и болѣе здоровымъ мѣстоположеніемъ.

Есть такіе города, которые возникли прямо въ видѣ городскихъ поселеній, т.-е. никогда не были деревней. Такова исторія нѣкоторыхъ столицъ, какъ, напримѣръ, Петербурга, Вашингтона, Карслруэ и др., и многихъ горныхъ и купальныхъ городовъ, основанныхъ съ цѣлью удовлетворенія извѣстной промышленной или санитарной потребности. Къ числу городовъ, существованіе которыхъ вызвано потребностями торговли, можно отнести и Нью-Іоркъ, явившійся на свѣтъ въ видѣ голландской факторіи, затѣмъ развившійся въ торговое поселеніе и, наконецъ, достигшій положенія второго торговаго города въ мірѣ. Большинство городовъ образовалось, однако, изъ деревень, на долю которыхъ выпадало особое значеніе торгово-промышленнаго или политическаго характера, вызывавшее усиленное скопленіе населенія. Въ дѣйствительности, ростъ этого послѣдняго выражается не столько основаніемъ новыхъ поселеній, сколько въ увеличеніи уже существующихъ населенныхъ мѣстъ. Если мы прослѣдимъ исторію городовъ и даже многихъ селъ, мы убѣдимся, что они насчитываютъ себѣ по нѣскольку вѣковъ и что въ прежнія времена они, за немногими исключеніями, были только меньше, чѣмъ

теперь. Съ увеличеніемъ плотности населенія, въ каждомъ населенномъ мѣстѣ увеличивается экономическое раздѣленіе труда. Но если первое происходитъ безъ соотвѣтственнаго развитія сношеній и торговли, а также и умственной подвижности обитателей, то является не образованіе городовъ, а лишь простое разрастаніе деревень. Многія поселенія, подражающія внѣшности городовъ, не могутъ быть причислены къ нимъ, будучи лишены культурныхъ признаковъ ихъ. Такія деревни могутъ разростаться, даже сливаться съ сосѣдними, въ нихъ могутъ происходить большіе базары, и все-таки онѣ не превращаются въ города: для этого имъ недостаетъ экономической дѣятельности, взаимныхъ дѣловыхъ отношеній и, главное, правильныхъ сообщеній съ другими населенными мѣстами.

Повсюду, гдѣ мы видимъ большія добровольныя собранія людей, ведущія къ образованію городовъ, мы замѣчаемъ въ нихъ послѣдствія общаго стремленія къ сношеніямъ, къ торговлѣ и къ связанной съ ними промышленности. Подъемъ въ сферѣ промышленной дѣятельности вызываетъ необычайно быстрый ростъ городовъ, оказывающій глубокое вліяніе на общественный бытъ народовъ, такъ какъ, одновременно съ ростомъ городовъ въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ, происходятъ уменьшеніе и ослабленіе сельскаго населенія. Городское населеніе растетъ не столько вслѣдствіе собственнаго размноженія, сколько вслѣдствіе прилива къ нему обитателей деревни. Съ одной стороны, промышленность и торговля, съ другой, культурныя потребности города—требуютъ постояннаго притока свѣжихъ силъ, источникомъ которыхъ, главнымъ образомъ, является деревня. Новѣйшая статистика показываетъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ не болѣе трети населенія произошло на свѣтъ въ самомъ городѣ, а остальныя двѣ трети пришли въ него изъ деревень. При этомъ растутъ именно предмѣстья и пригороды, гдѣ осѣдаетъ главная масса пришлаго люда. Такимъ образомъ, промышленность оказывается главной притягательной силой и самой характерной чертой современныхъ городовъ.

Въ прежнія времена многіе города, даже въ западной Европѣ, имѣли только административное значеніе и на самомъ дѣлѣ сохраняли еще до извѣстной степени сельскій характеръ. Старинные города Германіи, напримѣръ, владѣли большими пространствами земли, а многіе изъ жителей ихъ жили земледѣліемъ и скотоводствомъ. Нѣ-

которые города южной Германіи и теперь еще не утратили этого сельско-хозяйственнаго характера; тѣмъ болѣе это относится къ небольшимъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Когда городъ находится въ періодѣ быстраго роста, центръ его раньше всего обособляется и утрачиваетъ связь съ землей. Наростаніе чисто-городского населенія происходитъ слоями или кольцами вокругъ главнаго ядра. Чѣмъ далѣе, тѣмъ этотъ центръ болѣе и болѣе превращается въ собраніе чисто торговыхъ учрежденій, какъ это произошло съ лондонскимъ Сити, населеніе котораго не увеличивается, а уменьшается, потому что онъ—не что иное, какъ соединеніе конторъ, куда приходятъ утромъ для дѣловыхъ занятій и которыя покидаютъ передъ вечеромъ.

Развитіе города является вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшеніемъ отъ естественныхъ условій жизни. Настоящій городъ не вырабатываетъ своихъ продовольственныхъ средствъ, а получаетъ ихъ извнѣ; жители его зависятъ отъ колебаній торговли и сношеній. Страны, отличающіяся особеннымъ обиліемъ и развитіемъ городской жизни, вообще не могутъ прокормиться собственными средствами и должны получать пищевыя вещества изъ-за границы. Самымъ нагляднымъ примѣромъ результата, къ какому ведетъ крайнее развитіе городовъ, можетъ служить Англія, жители которой безъ иноземнаго подвоза должны были бы умереть съ голоду. Вслѣдствіе того, ростъ городовъ получаетъ не только экономическое, но и политическое значеніе величайшей важности. Города производятъ товары, предназначенные для всѣхъ странъ міра, и поэтому всякія колебанія торговли какъ нельзя болѣе живо ощущаются ими. Паденіе какой-либо отрасли торговли отражается самымъ гибельнымъ образомъ на благосостояніи и жизни большихъ массъ городского населенія, что ведетъ къ обѣднѣнію, развитію болѣзней, упадку нравственности и уменьшенію размноженія. Эти особенности городской жизни, оторванность ея отъ земли и зависимость отъ внѣшнихъ условій, заставляютъ города жить до нѣкоторой степени отдѣльнымъ существованіемъ отъ остальной, земледѣльческой части страны. Изъ исторіи мы знаемъ примѣры, когда города оказывались особыми центрами политической жизни, отдѣльными государственными единицами: таковы были древніе города Греціи, средневѣковые города Италіи, города Ганзейскаго союза и т. п. И междоусобныя войны были во многихъ случаяхъ борьбой городовъ. Такъ, война между сѣверянами и южанами Сѣверо-Амери-

канскихъ Соединенныхъ Штатовъ была столкновеніемъ торгово-промышленныхъ городовъ Сѣвера и сельско-хозяйственныхъ городовъ Юга. Даже въ Англіи, превосходящей многія другія государства своимъ единствомъ, можно отмѣтить вражду между земледѣльческимъ юго-востокомъ и промышленнымъ сѣверомъ. Разногласіе между Швеціей и Норвегіей, постоянно дающее себя знать, заключается во многомъ отъ преобладанія торговыхъ городовъ въ первой изъ этихъ странъ и отъ преимущественно земледѣльческаго характера послѣдней.

Города одной и той же естественной области часто дѣлятъ между собой извѣстныя отправленія или виды дѣятельности, что́ опредѣляется для нихъ, главнымъ образомъ, ихъ географическимъ положеніемъ. На Атлантическомъ берегу Сѣверной Америки лежатъ шесть большихъ приморскихъ городовъ, при чемъ, вслѣдствіе отклоненія берега къ западу, города, лежащіе южнѣе, болѣе отдалены отъ Европы и болѣе сближены съ внутренней страной. Пока Сѣверная Америка въ своей торговлѣ и въ своихъ сношеніяхъ болѣе зависѣла отъ Европы, чѣмъ теперь, Бостонъ, лежавшій ближе къ Европѣ, былъ главнымъ городомъ молодыхъ колоній. Нью-Іоркъ занялъ его мѣсто съ той минуты, когда собственная производительность Союза могла вступить въ конкуренцію съ европейскимъ ввозомъ. При такомъ раздѣленіи труда, каждому большому городу и въ силу его естественнаго значенія принадлежитъ извѣстная область. Въ этой области обыкновенно не возникаетъ другого большого города, а если онъ возникнетъ, то можетъ расти только на счетъ перваго. Географическое положеніе объясняетъ намъ, почему населеніе Парижа въ XIX вѣкѣ выросло почти въ семь разъ, а населеніе Ліона только въ три раза. Лишь обширныя сношенія съ внутренними и внѣшними рынками содѣйствуютъ созданію большихъ городовъ; послѣдніе возникаютъ обыкновенно на большихъ торговыхъ путяхъ. Величайшіе города земного шара, Лондонъ и Нью-Іоркъ — приморскіе города. Римъ, несмотря на свое историческое и политическое значеніе, по численности населенія уступаетъ приморскому Неаполю и торговому Милану. Желѣзныя дороги способствуютъ развитію городовъ, принося имъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ земледѣльческимъ мѣстностямъ, и ясно указывая, насколько города тѣсно связаны съ путями сообщенія.

Политическіе и экономическіе интересы непосредственно переплетаются между собой; главные города становятся средоточіями сообщеній, и торговые города являются наиболѣе цѣнными въ политическомъ отношеніи. Размѣры столицъ зависятъ преимущественно отъ торговыхъ сообщеній, такъ какъ политика сама по себѣ не можетъ создавать большихъ городовъ. Вслѣдствіе того, такія столицы, каковы Парижъ, Петербургъ, Римъ и др., оказываются наиболѣе международными, или, иначе сказать, наименѣе національными. Политическія соображенія могутъ поднять извѣстный городъ надъ всѣми другими, но торговыя сношенія создаютъ иногда рядомъ съ нимъ другой городъ съ исключительнымъ торговымъ или промышленнымъ характеромъ. Таковы Гамбургъ по отношенію къ Берлину, Ливерпуль по отношенію къ Лондону. Если главный городъ не лежитъ у моря, какъ лежатъ Петербургъ, Стокгольмъ, Копенгагенъ, Лиссабонъ, Константинополь и Аѳины, то второй городъ обыкновенно бываетъ приморскимъ.

Говоря теоретически, центральное положеніе наиболѣе выгодно для столицъ. Когда генералъ Гордонъ уѣзжалъ въ 1880 году изъ Китая, онъ совѣтовалъ Китайскому правительству перенести столицу изъ Пекина, лежащаго слишкомъ близко къ берегу моря, такъ какъ, при такомъ положеніи, онъ всегда открытъ для нападенія непріятелей, въ особенности если непріятелемъ окажется какая-либо великая держава. Въ этомъ смыслѣ географы считаютъ весьма мудрымъ распоряженіемъ русскаго правительства сохраненіе послѣ основанія Петербурга за Москвой значенія второй столицы. Парижъ, по крайней мѣрѣ, въ бассейнѣ Луары, занимаетъ достаточно центральное положеніе, которое еще усиливается тѣмъ, что онъ господствуетъ надъ тремя важнѣйшими путями сообщенія—долинами Сены, Марны и Луары. Римъ, насколько это допускается вытянутой формой Италіи, также довольно централенъ, почему за нимъ и осталось положеніе столицы послѣ попытокъ возведенія въ это достоинство Милана и Флоренціи. Морскія державы естественно основываютъ свои столицы у моря, какъ мы видимъ это на примѣрѣ Лондона, Копенгагена. Христіаніи, Амстердама и Токіо. Когда государство, жившее исключительно внутренней жизнью, обращается къ окружающему его міру, оно нерѣдко переноситъ свой центръ на свою внѣшнюю сторону, или периферію. Такова была исторія возникновенія Петербурга и

перенесеніе столицы Японіи въ Токіо изъ внутренняго города Кіото. Основаніе колоніальныхъ государствъ происходитъ въ обратномъ порядкѣ: оно начинается съ учрежденія приморскаго мѣстечка, откуда впослѣдствіи столица переносится внутрь страны, когда колоніальная область значительно разрастется. По этой причинѣ въ Южной Африкѣ Преторія получила болѣе важное значеніе, нежели Капштадтъ, а въ Южной Америкѣ Сантъ-Яго сталъ выше Вальпарайсо.

Очертанія страны несомнѣнно оказываютъ глубокое вліяніе на образованіе болѣе крупныхъ городовъ, экономическихъ и политическихъ центровъ. Развитіе такихъ центровъ всего труднѣе для областей, вытянутыхъ въ длину. Средняя Америка никогда не могла объединиться, потому что ни одинъ изъ ея главныхъ городовъ не имѣлъ рѣшительнаго преобладанія надъ другими. Италія показываетъ, какъ трудно создать въ областяхъ такой формы объединяющій центръ, не только въ политическомъ отношеніи, но и по преобладанію своей населенности. Чѣмъ значительнѣе населенность главнаго города и чѣмъ больше онъ отличается въ этомъ отношеніи отъ ближайшихъ провинціальныхъ центровъ, тѣмъ болѣе онъ является представителемъ силы своей страны. Въ странахъ съ упорядоченнымъ и устойчивымъ правительствомъ и управленіемъ расположеніе городовъ, по мѣрѣ ихъ величины и значенія, указываетъ на естественное расчлененіе государства, такъ какъ каждый городъ является средоточіемъ извѣстной области, и всѣ города этой области до нѣкоторой степени связаны между собой. Небольшіе округи имѣютъ и небольшіе центры, а цѣлыя провинціи—болѣе значительные. При выборѣ административныхъ центровъ, правительству не всегда приходится сообразоваться съ историческимъ значеніемъ ихъ, потому что цѣли правительства требуютъ возможно центральнаго положенія главныхъ пунктовъ.

ГЛАВА X.

Пути и средства сообщенія.

Географическій характеръ путей сообщенія. — Дороги, какъ мѣрило оживленности и культурности страны.—Дорожная сѣть и ея значеніе.—Сухопутные и водяные пути сообщенія.—Средства сообщенія въ зависимости отъ развитія культуры.—Естественные и искусственные пути сообщенія.—Желѣзныя дороги и пароходства.

Подобно населеннымъ мѣстамъ, и дороги между ними входятъ въ область географіи, такъ какъ онѣ проведены на земной поверхности и способствуютъ связи между отдаленными группами человѣчества. Онѣ наносятся на карты и составляютъ такую же необходимую принадлежность ихъ, какъ и настоящія черты земного рельефа. Нѣкоторыя изъ нихъ насчитываютъ уже много вѣковъ своего существованія, каковы, напр., римскія дороги и дороги инковъ въ Перу; не менѣе прочныя и еще болѣе важныя для человѣчества пути нынѣшнее время создало въ видѣ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ.

Дороги свойственны всѣмъ областямъ земли, за исключеніемъ песчаныхъ и снѣжныхъ пустынь, и даже пѣшеходныя тропинки, не говоря уже о колесныхъ дорогахъ, имѣютъ существенное значеніе для населенія. Нѣкоторыя страны особенно богаты дорогами, и на земномъ шарѣ можно отмѣтить особый поясъ сношеній, совпадающій съ областями наиболѣе частыхъ и многочисленныхъ человѣческихъ поселеній, или, иначе сказать, съ поясомъ городовъ. Многія большія поселенія обязаны своимъ существованіемъ путямъ сообщенія, и иногда трудно бываетъ рѣшить,—былъ ли такой-то городъ вызванъ къ жизни пролегавшей въ томъ мѣстѣ дорогой, или, наоборотъ, дорога была проведена ради его потребностей. Съ увеличеніемъ населенія является умноженіе и расширеніе дорогъ. Такъ, въ Африкѣ, части свѣта, гдѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера и крайняго юга, господствуютъ пѣшеходныя тропинки, эти послѣднія становятся тѣмъ шире, чѣмъ населеніе гуще и чѣмъ деревни встрѣчаются чаще. Съ теченіемъ времени наиболѣе проѣзжія колесныя дороги замѣняются мощеными и, наконецъ, желѣзными путями; эта перемѣна сопровождается ростомъ городовъ, связываемыхъ этими дорогами. Напротивъ, когда

населеніе уменьшается, и города приходятъ въ упадокъ, этотъ регрессъ отражается и на состояніи дорогъ: онѣ глохнутъ и приходятъ въ запустѣніе. При этомъ такое запустѣніе всегда начинается съ мелкихъ и уже потомъ переходитъ на болѣе крупныя дороги. Тѣ и другія, впрочемъ, вообще тѣсно связаны между собою, и мы недаромъ называемъ систему дорогъ, въ той или другой странѣ, дорожной сѣтью. Выраженіе это надо понимать не въ смыслѣ мертвой ткани, а въ смыслѣ системы артерій и венъ, въ которыхъ обращается жизнь народа. Пульсъ этой жизни мы можемъ видѣть наглядно въ путяхъ сообщенія, по которымъ она движется. Поэтому географическая карта, на которую нанесены желѣзныя и колесныя дороги, дополняетъ представленіе, какое даетъ намъ карта населенныхъ мѣстъ: на ней выдѣляются не только менѣе населенныя, но и менѣе оживленныя мѣстности. Мы можемъ отличить на ней области, въ которыхъ, кромѣ постоянныхъ обитателей, проходитъ большее или меньшее число временныхъ посѣтителей ихъ. Не говоря уже о такихъ проходныхъ мѣстностяхъ и о мѣстностяхъ пустынныхъ и глухихъ, мы получаемъ наиболѣе наглядное понятіе о странѣ, когда видимъ на картѣ ничтожное количество путей сообщенія въ сравненіи съ ея пространствомъ. Такъ, видя лишь два или три караванныхъ пути въ Сахарѣ, которая по величинѣ немногимъ уступаетъ Европѣ, мы яснѣе всего убѣждаемся,—въ какой степени безлюдна эта пустыня, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое значеніе для нея имѣютъ человѣческія поселенія, лежащія на ея путяхъ. Карта безъ путей сообщенія изображаетъ человѣчество раздѣленнымъ на обособленныя части, неподвижнымъ, скученнымъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ. Подобная картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; мы должны дополнить ее, представляя себѣ нѣкоторую часть человѣчества постоянно движущейся по морямъ, рѣкамъ и сухопутнымъ дорогамъ. Въ виду того, карта можетъ быть названа полной лишь въ томъ случаѣ, когда на нее, кромѣ населенныхъ мѣстъ, нанесены и дороги. Мы уже говорили о связи населенныхъ мѣстъ съ дорогами, и, слѣдовательно, эти послѣднія имѣютъ не только экономическое, но и географическое значеніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Дороги даютъ намъ понятіе не объ одномъ лишь оживленіи, но и о культурности страны: чѣмъ онѣ чаще и чѣмъ выше стоятъ въ техническомъ отношеніи, тѣмъ культурнѣе страна, по которой онѣ проходятъ. И сами по себѣ дороги служатъ однимъ изъ самыхъ мо-

гущественныхъ средствъ культурнаго развитія. Въ главѣ о пространствѣ мы уже упоминали о важномъ значеніи дорогъ, какъ способѣ овладѣть пространствомъ, подчинить его волѣ человѣка. Мы видимъ это въ исторіи каждой колонизаціи: новая страна тогда только становится достояніемъ колонизаторовъ, когда по ней прокладываются прочные и удобные пути сообщенія. Величайшіе завоеватели и колонизаторы древняго міра, римляне ясно сознавали эту истину, и завладѣніе страною сопровождалось у нихъ проведеніемъ прочныхъ путей сообщенія. И сѣверо-американцы явились хозяевами громаднаго пространства, очутившагося въ ихъ рукахъ, лишь благодаря проведенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Такое же естественное стремленіе къ подчиненію себѣ огромныхъ пространствъ мы видимъ и въ русскомъ государствѣ, которое изъ всѣхъ общественныхъ работъ ставитъ на первый планъ быстрое и непрерывное увеличеніе своей желѣзнодорожной сѣти, пріобрѣтающей, благодаря Сибирской и Средне-азіатской дорогамъ, міровое значеніе.

Если географія отводитъ такъ много мѣста роли, какую имѣетъ море, связывая между собою обитателей отдаленныхъ странъ, то она должна отмѣчать и такую же роль путей сообщенія на сушѣ. Связь между отдѣльными народами въ настоящее время все возрастаетъ, благодаря тому, что пути сообщенія увеличиваются и смыкаются одинъ съ другимъ. Это ведетъ къ образованію мѣстностей особаго характера, лежащихъ на большихъ путяхъ и на узлахъ ихъ пересѣченія. Малонаселенныя мѣста вызываются къ новой усиленной жизни, вслѣдствіе того, что они прорѣзываются важными желѣзными дорогами и собираютъ довольно значительное населеніе, въ виду потребностей новыхъ путей сообщенія. Значеніе этихъ послѣднихъ можно видѣть и въ культурныхъ странахъ, и въ дикихъ или полудикихъ, какова Африка, гдѣ области, по которымъ пролегаютъ караванныя дороги, становятся торговопромышленными, что мы видимъ, напр., въ Суданѣ. Чтобы держать за собой торговую монополію, эти народы держатъ дороги въ своихъ рукахъ, считая ихъ своей собственностью, и пропускаютъ по нимъ путниковъ лишь съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ, доходящихъ иногда до крупныхъ, разорительныхъ размѣровъ. И у туземцевъ сѣверо-западной Америки замѣчалось стремленіе захватить въ свои руки дороги, ведущія къ морю, съ устраненіемъ сосѣднихъ племенъ отъ пользованія ими. Та-

кимъ образомъ, устанавливаются области съ развитыми путями сообщенія, противоположно другимъ, отличающимся недостаткомъ этихъ путей; первыя оказываются культурнѣе послѣднихъ; что̀ понятно само собою, такъ какъ развитіе культуры обусловливается сношеніями.

При первомъ взглядѣ на дорожную сѣть, нити ея кажутся намъ перекрещивающимися во всевозможныхъ направленіяхъ, но если мы всмотримся въ эту сѣть, то увидимъ, что въ ней преобладаютъ извѣстныя направленія, зависящія отъ положенія и формы страны, и отъ отношенія ея къ морю. Вообще, можно сказать, что болѣе важное значеніе имѣютъ дороги, расположенныя по градусамъ широты, чѣмъ по градусамъ долготы. Это объясняется тѣмъ, что дороги, въ концѣ концовъ, ведутъ къ морю, которое лежитъ между материками въ меридіональномъ направленіи; съ другой стороны, это объясняется и расположеніемъ культурныхъ поясовъ по широтѣ, что̀ соотвѣтствуетъ и расположенію климатическихъ поясовъ. Этотъ общій законъ отражается на оживленіи морскихъ сношеній въ сѣверной части Атлантическаго океана, между 40 и 45° с. ш.; благодаря ему, настоящее міровое значеніе принадлежитъ тихоокеанскимъ дорогамъ Сѣверной Америки, и должно будетъ принадлежать нашему великому сибирскому пути. Дороги, идущія въ меридіональномъ направленіи, не имѣютъ такихъ большихъ протяженій, но и онѣ оказываютъ важное вліяніе на жизнь обширной страны или области, связывая различныя климатическія зоны и способствуя обмѣну между земледѣльческими и промышленными мѣстностями.

Зависимость дорогъ отъ формы поверхности и почвы замѣчается по преимуществу въ болѣе первоначальномъ состояніи ихъ. Колесная дорога старается избѣжать крутыхъ подъемовъ, болотистыхъ мѣстъ и т. п., и не боится объѣздовъ, которые съ этой цѣлью ей приходится дѣлать. Но дорожныя сооруженія въ видѣ шоссе и желѣзныхъ путей, въ виду своей высокой стоимости, держатся преимущественно прямой линіи и находятъ болѣе выгоднымъ преодолѣвать эти препятствія, чѣмъ обходить ихъ.

Водные пути, являясь наиболѣе удобными при отсутствіи другихъ путей сообщенія, играютъ, однако, первостепенную роль лишь въ началѣ развитія страны. Сношенія сосредоточиваются тогда на этихъ путяхъ, такъ какъ и населеніе на первыхъ порахъ скапливается въ особенности по берегамъ большихъ водныхъ потоковъ. Но, съ тече-

ніемъ времени, когда населеніе распространяется въ стороны отъ нихъ, водные пути начинаютъ казаться ему болѣе длинными и опасными, и оно постепенно создаетъ сѣть сухопутныхъ сообщеній. Развитіе этой сѣти совершается, впрочемъ, довольно медленно, и рѣки долго удерживаютъ свое значеніе, въ особенности въ товарномъ движеніи. Но это значеніе зависитъ и отъ направленія, и отъ судоходности рѣкъ. Если рѣки связываютъ между собой плодородныя и скудныя мѣстности, то онѣ долго сохраняютъ важную роль для передвиженія товаровъ, какъ болѣе дешевые способы сообщенія, даже и при существованіи желѣзныхъ дорогъ, какъ мы видимъ это въ нашихъ русскихъ рѣкахъ. Ради непрерывности пути къ какому-либо торговому центру, рѣки связываются каналами. Уже и въ этомъ видѣ каналы могутъ конкуррировать даже съ желѣзными дорогами, что̀ мы видимъ на примѣрѣ южной Франціи, гдѣ каналы откуплены богатой компаніей Парижско-Средиземной желѣзной дороги, которая не исправляетъ ихъ съ тою цѣлью, чтобы товарное движеніе направлялось по ея линіямъ. Еще бо́льшее значеніе пріобрѣтаютъ каналы, когда они проведены самостоятельно, представляя собою искусственный водный путь. Китайцы—плохіе мореходы, и дороги, и экипажи въ ихъ странѣ находятся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи; вслѣдствіе того эта обширная имперія должна была бы терпѣть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недостатокъ продовольствія, если бы не обладала Императорскимъ каналомъ, связывающимъ сѣверный Китай съ южнымъ и способствующимъ доставкѣ риса изъ мѣстъ обильнаго произрастанія его въ мѣста болѣе скудныя. Каналы, не обладая двигательной силой, свойственной рѣкамъ, въ видѣ теченія, представляютъ, однако, то преимущество, что они лишены мелей и пороговъ, хотя и требуютъ постояннаго поддержанія, вслѣдствіе занесенія ихъ иломъ отъ весенней воды и разрушенія ихъ стѣнокъ. Рѣки, будучи сами по себѣ естественными и наиболѣе дешевыми путями сообщенія, служатъ въ то же время важными препятствіями для сухопутнаго сообщенія. Послѣднее можетъ пользоваться ими только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется бродъ, т.-е. возможность переправы черезъ мелкое мѣсто, или должно прибѣгать къ постройкѣ мостовъ. Послѣднее является настолько необходимымъ, что даже самыя первобытныя пѣшеходныя дороги, какія мы видимъ въ Африкѣ, соединены съ устройствомъ висячихъ мостовъ изъ ліанъ, прикрѣплен-

ныхъ къ деревьямъ на обоихъ берегахъ рѣки. Броды и мосты пріобрѣтаютъ, поэтому, весьма важное значеніе и служатъ иногда мѣстами скученія населенія, вызываемыми къ жизни остановками путешественниковъ и ихъ потребностями.

Бо́льшее или меньшее удобство сухопутныхъ путей сообщенія зависитъ, какъ мы уже говорили, отъ рельефа мѣстности, по которой они идутъ, и отъ ихъ техническаго совершенства. Въ первомъ отношеніи самыми удобными являются степныя дороги и, наоборотъ, самыми трудными—горныя дороги, которыя, во многихъ случаяхъ, могутъ быть только вьючными тропами, т.-е. по нимъ могутъ двигаться лишь навьюченныя животныя. Но пользованіе путями сообщенія находится въ прямой связи и со средствами сообщенія. Эти средства, въ свою очередь, зависятъ отъ техническихъ знаній мѣстнаго населенія и отъ потребностей, которымъ они должны удовлетворять. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія и возрастаніемъ культуры, усиливается какъ передвиженіе товаровъ, такъ и передвиженіе людей. Первобытные или малокультурные народы могутъ довольствоваться простою переноскою своихъ товаровъ или перевозкою ихъ на вьючныхъ животныхъ, но съ теченіемъ времени требуются иныя средства передвиженія, соотвѣтствующія бо́льшему количеству перевозимыхъ товаровъ и переѣзжающихъ съ мѣста на мѣсто людей. Кромѣ товаровъ, пути сообщенія должны удовлетворять и потребности человѣка въ свѣдѣніяхъ о томъ, что̀ происходитъ въ сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, и потребности сношеній между частными лицами. Этимъ вызывается особое движеніе оффиціальныхъ извѣстій и писемъ, которое мы называемъ почтою. Вмѣстѣ съ развитіемъ культуры, время пріобрѣтаетъ цѣну, какую не признаютъ за нимъ ни полукультурные, ни дикіе народы. Но даже и эти народы обладаютъ средствами быстраго сообщенія важныхъ для нихъ новостей. У нихъ существуютъ сигналы, которыми они переговариваются на далекихъ разстояніяхъ, и гонцы, которыхъ они отправляютъ къ сосѣдямъ, и которые обнаруживаютъ иногда замѣчательную быстроту передвиженія. Дальнѣйшая организація быстраго перемѣщенія касается обыкновенно предметовъ роскоши, доставляемыхъ правящимъ или знатнымъ лицамъ. Перемѣщеніе частныхъ лицъ и тяжелыхъ или громоздкихъ товаровъ долго еще держится первоначальныхъ спо-

собовъ, а именно—человѣческой силы или силы вьючныхъ и возовыхъ животныхъ.

На низшихъ ступеняхъ культуры передвиженіе совершалось не иначе, какъ пѣшкомъ по узкимъ тропинкамъ, по которымъ шли пѣшеходы, носильщики и гонцы, или скороходы. Такой способъ перемѣщенія и до сихъ поръ еще не вывелся въ Африкѣ. Носильщики переносили на рукахъ, съ помощью различнаго рода носилокъ, и путешественниковъ, пока не были приспособлены къ этому назначенію верховыя и вьючныя животныя. Послѣднія шли также шагъ за шагомъ, и передвиженіе на нихъ совершалось медленно. Путники легко могли подвергнуться нападеніямъ и пускались въ дальнюю дорогу не иначе, какъ въ большомъ числѣ и въ сопровожденіи вооруженныхъ людей. Такъ образовались караваны, ведущіе свое начало съ очень древнихъ временъ. Ускоренное передвиженіе могло совершаться лишь съ помощью верховыхъ лошадей и верблюдовъ. Караванное сообщеніе существуетъ безъ измѣненія, и, вѣроятно, еще долго будетъ существовать въ степяхъ и пустыняхъ Африки и Азіи.

Въ давнія времена придуманы были также суда для плаванія по водѣ и сани для передвиженія на сушѣ. Судоходство началось съ простого плота и съ выдолбленнаго ствола и постепенно перешло къ большимъ паруснымъ судамъ и, наконецъ, къ громаднымъ пароходамъ нашего времени. Этотъ способъ сообщенія оказалъ особенно важныя услуги человѣчеству, такъ какъ позволялъ ему пользоваться даровыми силами природы, въ видѣ воды и вѣтра, и давалъ возможность передвигать большіе грузы безъ затраты человѣческой силы. Человѣкъ пользовался для перемѣщенія самого себя и своего имущества и другой гладкой поверхностью, представляемой природою—поверхностью льда и снѣга: во всѣхъ странахъ, гдѣ снѣговой покровъ держится долгое время, человѣкъ придумалъ сани той или другой формы, въ которыя впрягалъ быстроногихъ животныхъ, каковы собаки, олени и лошади. Въ полярныхъ странахъ, гдѣ подобное сообщеніе является единственно возможнымъ, оно совершается и лѣтомъ, благодаря гладкой поверхности мха, покрывающаго тогда землю. Въ холодныхъ умѣренныхъ странахъ перевозка на саняхъ для большихъ тяжестей предпочитается перевозкѣ на колесахъ, такъ какъ первая легче для животныхъ и быстрѣе, вслѣдствіе меньшаго сопро-

тивленія, представляемаго гладкими зимними дорогами. Колесныя повозки, вѣроятно, изобрѣтенныя въ степяхъ, предъявляютъ уже нѣкоторыя требованія къ дорогамъ, которыя, въ виду этихъ требованій, понемногу изъ естественныхъ превращаются въ искусственныя. Для передвиженія колесныхъ повозокъ пришлось приспособить сильныхъ животныхъ, каковы быки, лошади и мулы. Мулы и лошади могутъ развивать довольно большую быстроту бѣга, но степень этой быстроты находится въ прямой зависимости отъ техническаго совершенства дороги. Въ настоящее время, когда техникой во многихъ странахъ сдѣлано уже много, явилась возможность замѣнить тягу животныхъ двигателемъ другого рода, и, съ одной стороны, появились велосипеды, а съ другой—различнаго рода автомобили. Однако, тѣ и другіе пока имѣютъ значеніе только для личнаго передвиженія, а передвиженіе людей и товаровъ массами въ сравнительно короткое время осуществилось лишь въ недавно закончившемся столѣтіи съ помощью желѣзныхъ дорогъ.

Громадный прогрессъ, какой представляютъ собою желѣзныя дороги, составляетъ, однако, удѣлъ только культурныхъ странъ Европы и Америки и едва только начинаетъ проникать въ полукультурныя страны Азіи. Въ этихъ странахъ желѣзныя дороги нерѣдко являются замѣстителями самыхъ первобытныхъ путей сообщенія. Такъ, не говоря уже о Персіи и Азіатской Турціи, и въ культурномъ Китаѣ дороги и экипажи настолько первобытны, что для европейцевъ тамошнее передвиженіе кажется въ высшей степени мучительнымъ. Вообще, можно сказать, что XX вѣкъ, при всѣхъ культурныхъ успѣхахъ предшествовавшаго ему столѣтія, застаетъ еще поверхность земли со всѣми путями сообщенія, какіе только существовали съ самаго начала человѣческихъ сношеній. Надо надѣяться, что къ концу его карта путей сообщенія будетъ уже значительно разниться отъ нынѣшней, но пока еще она показываетъ намъ и пѣшеходныя тропинки въ Африкѣ и на многихъ островахъ Индійскаго и Тихаго океана, и вьючныя тропы на горахъ, гдѣ по нимъ поднимаются мулы, и въ пустыняхъ, гдѣ по нимъ длинной вереницей движутся верблюды, и въ степяхъ на плоскогорьяхъ внутренней Азіи, гдѣ грузы несутъ на себѣ яки, и на плоскогорьяхъ Южной Америки, гдѣ для этой цѣли, со временъ древнихъ перуанцевъ, употребляются ламы. Между тѣмъ, какъ пѣшеходныя тропинки являются слѣдствіемъ

некультурности странъ, въ которыхъ мы ихъ находимъ, вьючныя тропы связаны съ климатомъ и распространеніемъ извѣстныхъ животныхъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ, напр., въ пустыняхъ, онѣ никогда не будутъ замѣнены другими путями сообщенія. Почти съ увѣренностью можно сказать, что и въ Сахарѣ, и въ пустыняхъ Азіи не было сколько-нибудь правильныхъ сношеній между ихъ отдаленными пунктами, пока для этихъ сношеній не былъ примѣненъ верблюдъ, единственное животное, могущее переносить зной и жажду пустыни. Но люди не могли пріучить себя къ такимъ лишеніямъ, и путешествіе по сухимъ, песчанымъ мѣстностямъ стало возможнымъ только съ тѣхъ поръ, какъ были найдены источники, утолявшіе жажду путниковъ и верблюдовъ. Послѣдованіе источниковъ или колодцевъ обусловливало направленіе пути, и, поэтому, въ Сахарѣ, напр., мы находимъ не болѣе пяти дорогъ, которыя ведутъ чрезъ все ея пространство, и къ которымъ путники всегда возвращались, когда имъ приходилось временно покидать ихъ вслѣдствіе неспокойнаго состоянія этихъ дорогъ. Формами горныхъ скатовъ обусловливаются и вьючныя тропы, по которымъ поднимаются лошадь, оселъ и мулъ. Только тамъ, гдѣ горные хребты расширяются въ плоскогорья, повозки, запряженныя лошадьми и быками, замѣняютъ вьючную перевозку. И въ южномъ Китаѣ главными способами сообщенія, кромѣ водныхъ путей, служатъ вьючныя тропы, съ помощью муловъ. Очевидно, названное средство сообщенія вызывается природой, и лишь въ немногихъ мѣстахъ будетъ замѣщено рельсовымъ путемъ даже и въ отдаленномъ будущемъ.

Снѣжный покровъ также создаетъ возможность естественныхъ путей, которые, напр., у насъ, не всегда совпадаютъ съ лѣтними: они часто бываютъ короче ихъ, не имѣя надобности обходить препятствія въ родѣ рѣкъ, болотъ и т. п. Мы знаемъ, какія выгоды представляетъ зимній путь въ болотистыхъ мѣстностяхъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ сообщеніе возможно иногда лишь въ зимнее время. Зимнія дороги могутъ быть вполнѣ названы естественными путями, такъ какъ онѣ просто прокладываются санями по первому снѣгу и поддерживаются только постоянной ѣздой. Съ наступленіемъ весны, онѣ, конечно, исчезаютъ, а на слѣдующій годъ могутъ быть проложены въ нѣсколько иномъ направленіи; поэтому ихъ трудно было бы наносить на карты. При всей ихъ важности для

сообщенія въ зимнее время, ихъ можно считать только временными, даже менѣе прочными, чѣмъ главные пути пустыни, съ которыми онѣ имѣютъ сходство въ томъ отношеніи, что также нуждаются въ примѣтахъ или въ вѣхахъ, будучи часто засыпаемы снѣгомъ.

Колесныя или грунтовыя дороги сохраняютъ характеръ естественныхъ путей въ ровныхъ или степныхъ мѣстностяхъ, но передвиженіе большихъ тяжестей на такихъ дорогахъ требуетъ силы очень крѣпкихъ животныхъ, напр., быковъ или лошадей особой породы. Въ сухое время эти дороги являются наиболѣе легкими, но когда ихъ размягчатъ осенніе дожди, онѣ требуютъ бо̀льшаго напряженія отъ возовыхъ животныхъ. Перевозку на быкахъ по такимъ степнымъ мѣстностямъ мы находимъ и у насъ, въ южной и юго-западной Россіи, и въ южной Африкѣ, и въ Аргентинѣ.

Наши проселочныя дороги въ сѣверной и средней Россіи, при всей своей видимой безыскусственности, отчасти составляютъ уже переходъ къ искусственнымъ путямъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требуютъ исправленія, повторяющагося черезъ бо̀льшіе или меньшіе промежутки времени: ихъ приходится окапывать канавами, и въ низкихъ мѣстахъ подстилать мостовинами или фашинникомъ. По мѣрѣ того, какъ эти дороги становятся болѣе проѣзжими, необходимость улучшенія и исправленія ихъ сознается все болѣе и болѣе; это улучшеніе заключается въ выравниваніи ихъ спусковъ и подъемовъ и въ приданіи бо̀льшей твердости грунту, что̀ достигается примѣненіемъ не только жердей и мелкихъ бревенъ, но и камня. Это—уже первый шагъ къ вымощеннымъ мелкимъ камнемъ или шоссированнымъ дорогамъ. Шоссе изъ мелкаго щебня представляетъ, впрочемъ, усовершенствованіе новѣйшаго времени, которому предшествовали дороги, вымощенныя крупнымъ булыжникомъ; такъ при императрицѣ Екатеринѣ вымощена была дорога между Москвой и Петербургомъ.

Искусственныя дороги, т.-е. по возможности выровненныя и вымощенныя камнемъ, не только на поверхности но и въ основаніи, и повсюду снабженныя мостами, ведутъ свое начало съ очень древнихъ временъ, а именно отъ древнихъ персовъ. Онѣ возникали не ради облегченія перевозки и передвиженія путниковъ, а ради ускоренія доставки свѣдѣній, нужныхъ правительству. Это были дороги для гонцовъ пѣшихъ и верховыхъ, и на нихъ уже были станціи для смѣны гонцовъ и лошадей. Мощеныя дороги были и у древнихъ грековъ, но онѣ

устраивались съ другими цѣлями—для болѣе удобнаго передвиженія колесницъ съ изображеніями боговъ; на нихъ дѣлалась обыкновенно глубокая колея для тогдашнихъ тяжелыхъ колесъ. Римляне проводили мощеныя дороги на большія разстоянія, главнымъ образомъ, для военныхъ цѣлей, для передвиженія войскъ и обозовъ, и нужнаго имъ продовольствія. Замѣчательно, что подобныя же дороги, съ тѣмъ же назначеніемъ, найдены были и въ Перу, въ царствѣ инковъ. Однако, въ средніе вѣка превращеніе естественныхъ путей въ искусственные въ Европѣ развивалось довольно медленно; даже въ половинѣ XVIII вѣка путешествія по Германіи въ глухой провинціи были не легкимъ и не безопаснымъ дѣломъ. Исключеніе составляли почтовыя дороги въ Германіи и Англіи, которыя давно уже содержались въ большомъ порядкѣ и служили для перевозки почты и пассажировъ въ почтовыхъ каретахъ или дилижансахъ. Съ теченіемъ времени, по всей западной Европѣ всѣ большія дороги были вымощены, и затѣмъ были приведены въ такой же видъ и подъѣздныя къ нимъ дороги; теперь немощеныхъ дорогъ тамъ почти и не встрѣчается. Въ нашемъ отечествѣ мы можемъ видѣть всѣ переходныя формы отъ проселочныхъ до шоссейныхъ дорогъ; средину между ними занимаютъ большія почтовыя дороги, нанесенныя на почтовую карту путей сообщенія. Россія еще ждетъ улучшенія своихъ дорогъ, которыя нѣсколько подходятъ къ европейскимъ пока только въ Финляндіи и отчасти въ царствѣ Польскомъ.

Мы уже говорили о значеніи естественныхъ путей, представляемыхъ рѣками и озерами въ малокультурныхъ и культурныхъ странахъ. Эти пути имѣютъ то неудобство, что идутъ лишь въ опредѣленныхъ направленіяхъ и доступны только для жителей прибрежныхъ мѣстностей. Хотя рѣки вмѣстѣ со своими притоками могутъ составлять сѣть естественныхъ путей, но эти сѣти не поддаются расширенію въ такой степени, какъ сѣти путей сухопутныхъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе также различіе, образуемое движеніемъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ; въ послѣднемъ случаѣ требуется гораздо меньше силъ, чѣмъ въ первомъ, когда приходится преодолѣвать двойное сопротивленіе. Все это ограничиваетъ движеніе по воднымъ путямъ, пока для него приходится пользоваться силою человѣка или животныхъ. Въ обоихъ случаяхъ необходимо прокладывать тропы по берегу, что, въ свою очередь, требуетъ извѣстной

твердости и правильности этого послѣдняго. Воднымъ сообщеніемъ можно пользоваться должнымъ образомъ лишь при незначительномъ паденіи рѣки, т.-е. на равнинахъ; при достаточной глубинѣ и отсутствіи пороговъ, судоходство при переходѣ съ верхняго теченія на нижнее требуетъ только перегрузки товаровъ съ судовъ болѣе мелкихъ на болѣе крупныя, или наоборотъ. Подобныя условія судоходства по рѣкамъ представляетъ намъ бо́льшая часть рѣкъ нашей родины. Въ прежнія времена у насъ существовали волоки, по которымъ суда приходилось переносить изъ одной рѣчной системы въ другую. Съ увеличеніемъ перевозки и возрастаніемъ культуры, эти мѣста перерѣзывались каналами.

Преобладаніе водяныхъ путей надъ сухопутными мы находимъ, впрочемъ, лишь въ четырехъ областяхъ земли: въ бассейнѣ Амазонки, въ области Конго выше главныхъ водопадовъ, въ Сѣверной Америкѣ и въ южномъ Китаѣ. Впрочемъ, въ культурныхъ странахъ водяные пути отчасти теряютъ значеніе настоящихъ естественныхъ дорогъ: они также требуютъ улучшенія и исправленія, заключающагося въ укрѣпленіи береговъ, уничтоженіи перекатовъ или мелей и проведеніи каналовъ для обхода пороговъ. Хотя постройка желѣзныхъ дорогъ во многихъ странахъ отодвинула водяные пути на второй планъ, но увеличеніе массы отправляемыхъ товаровъ изъ промышленныхъ центровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не позволяетъ оставить безъ вниманія эти пути.

Искусственными водяными путями можно назвать каналы, прорытые руками человѣка. Они раздѣляются на каналы, соединяющіе моря, и каналы, связывающіе рѣки; среднее мѣсто между ними занимаютъ каналы, служащіе для подъема морскихъ судовъ къ городамъ, лежащимъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Чтобы судить о распространеніи искусственныхъ водяныхъ путей сообщенія въ Европѣ, достаточно сказать, что изъ 90.000 километровъ водяныхъ путей ея, 20.000 приходится на искусственно прорытые каналы. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки, вмѣстѣ съ Канадой, длина всѣхъ водяныхъ путей равняется 35.000 км., при чемъ изъ этого общаго протяженія 6000 принадлежатъ каналамъ и канализованнымъ рѣкамъ. То же отношеніе мы находимъ въ Европейской Россіи, гдѣ на 37.000 км. естественныхъ водяныхъ путей 6.000 заняты искусственными. Такое богатство водяныхъ дорогъ въ Россіи и Сѣв. Америкѣ ограничивается, впрочемъ, непригодностью ихъ для судоходства въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ.

Только примѣненіе паровой силы къ передвиженію дало возможность перевозить огромныя массы грузовъ съ большою быстротою. Можно сказать, что лишь желѣзныя дороги помогли людямъ овладѣть должнымъ образомъ пространствами, до тѣхъ поръ составлявшими бо̀льшія или меньшія препятствія для ихъ взаимныхъ сношеній. Въ настоящее время міровыя сообщенія основываются, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ суши, главнымъ образомъ, на желѣзныхъ дорогахъ. Для нихъ потребовалось устройство особой рельсовой колеи, на которой могутъ примѣняться и другіе двигатели, кромѣ паровыхъ. Первымъ изъ этихъ двигателей была лошадиная сила, за которою послѣдовали локомотивы, отчасти замѣняющіеся теперь электрической тягой. Прослѣдить постепенное развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ является весьма интересной работой для географа. Онъ можетъ отмѣтить, что конечными пунктами были большіе промышленные центры, но желѣзныя дороги проводились не всегда по кратчайшимъ линіямъ, а слѣдовали по наиболѣе удобнымъ линіямъ углубленій и впадинъ между возвышенностями, избѣгая этихъ послѣднихъ. Дальнѣйшее развитіе техники желѣзнодорожнаго строительства позволило преодолѣть эти препятствія. Тамъ, гдѣ подъемъ на высокія горы былъ бы слишкомъ затруднителенъ, прибѣгали къ построенію туннелей. Въ другихъ случаяхъ придуманы были особые способы поднятія поѣздовъ на крутые подъемы.

Если въ Европѣ желѣзнодорожная сѣть сперва развивалась медленно, то въ Сѣв. Америкѣ развитіе это шло, напротивъ, весьма быстро. Для обширныхъ и рѣдко населенныхъ пространствъ ея, при отсутствіи путей сообщенія, постройка желѣзныхъ дорогъ оказалась могущественнымъ рычагомъ увеличенія ея населенія и экономическаго роста. Въ Сѣв. Америкѣ желѣзныя дороги предшествовали тому и другому, въ особенности на западѣ. Желѣзнодорожныя общества пріобрѣтали обширныя полосы земли вдоль своего рельсоваго пути и привлекали туда населеніе. Этимъ объясняется успѣхъ такихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, какъ постройка тихоокеанскихъ линій. Первая Тихоокеанская дорога въ Санъ-Франциско была открыта въ 1869 г., а въ настоящее время насчитывается шесть линій, ведущихъ къ Тихому океану, изъ которыхъ каждая имѣетъ среднюю длину въ 5000 км. Самая длинная, непрерывная желѣзная дорога Сѣв. Америки отъ Галифакса въ Новой Шотландіи

до Акапулько въ Мексикѣ равняется 6500 км. Американскія линіи, перерѣзывающія материкъ, только теперь нашли соперниковъ въ Европѣ, со времени постройки Россіей Сибирской желѣзной дороги. Длина желѣзнодорожной линіи отъ Лиссабона, черезъ Парижъ, Берлинъ и Москву, до Иркутска равняется 10.200 км. Примѣръ Америки, имѣющей изъ всѣхъ государствъ наибольшее сходство съ Россіей по отношенію къ громаднымъ пространствамъ, которыя приходится преодолѣвать для должнаго развитія внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній, какъ мы уже говорили, вполнѣ оправдываетъ усиленное развитіе нашей желѣзнодорожной сѣти за послѣднее время. Мы не должны при этомъ забывать, что ростъ этой сѣти во всемъ мірѣ идетъ съ чрезвычайной быстротой: такъ, къ концу XIX вѣка на земной поверхности было 800.000 км. рельсовыхъ путей, что въ двадцать разъ превосходитъ протяженіе земного экватора. Желѣзнодорожное строительство подвигается теперь такъ быстро, что съ 1870 г. длина рельсовыхъ линій почти учетверилась.

До сихъ поръ желѣзнодорожное дѣло находилось исключительно въ рукахъ бѣлой расы и служило для ея коммерческихъ и политическихъ цѣлей; поэтому группировка желѣзныхъ дорогъ по частямъ свѣта не даетъ намъ настоящаго понятія о соотвѣтственномъ развитіи этихъ послѣднихъ. Точно также развитіе ея не всегда совпадаетъ съ ростомъ населенія, какъ мы это видѣли въ Сѣв. Америкѣ. Пространственное распредѣленіе этого важнаго рычага культуры будетъ нагляднѣе, если мы установимъ шесть областей, откуда распространялись самыя большія сѣти, до сихъ поръ, впрочемъ, еще не сомкнувшіяся между собою. Прежде всего мы можемъ отличить двѣ области, особенно богатыя желѣзными дорогами, — европейскую и сѣверо-американскую. Отъ нихъ отдѣляются пока еще большими пространствами четыре небольшія области— Южная Америка (Бразилія-Аргентина-Чили), Британская Индія, южная Африка и восточная Австралія. Густота желѣзнодорожной сѣти можетъ имѣть опредѣленное значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда она распространяется по всей площади извѣстной области, хотя и съ бо̀льшими или меньшими перерывами. Тогда она можетъ быть выражена въ цифрахъ, получаемыхъ отъ дѣленія числа километровъ пути на число квадр. километровъ области. При этомъ, напр., говоря о Сѣв. Америкѣ, слѣдуетъ исключить часть ея, лежащую къ

сѣверу отъ границы хлѣбопашества. Такое вычисленіе покажетъ намъ, что Европа имѣетъ 2,7 км. рельсовыхъ путей на 100 кв. км., а Сѣв. Америка—2,8 км. на такую же площадь; иначе сказать, обѣ эти области обладаютъ, приблизительно, одинаковою площадью рельсовыхъ путей. Россія имѣетъ пока 0,7 км. желѣзныхъ дорогъ на 100 кв. км. поверхности, но это отношеніе, значительно уступающее западной Европѣ и Сѣв. Америкѣ, не можетъ считаться особенно неблагопріятнымъ въ виду развитія водяныхъ путей на обширномъ пространствѣ нашего отечества.

Мы говорили выше о судоходствѣ по внутреннимъ водамъ—рѣкамъ, озерамъ и каналамъ, не касаясь мореходства. Послѣднее не находится въ прямой связи съ внутреннимъ судоходствомъ: даже прибрежные жители большихъ рѣкъ не дѣлались мореходами, какъ мы это видимъ въ исторіи египтянъ, вавилонянъ, индусовъ и китайцевъ. Мореходство развилось у жителей морскихъ береговъ, каковы были финикіяне и греки, норманны, малайцы, полинезійцы и др., при чемъ толчкомъ для него послужили рыбная ловля и пиратство. Плаваніе по морю сперва было исключительно береговымъ и направлялось далѣе лишь въ томъ случаѣ, когда моря были усѣяны островами, какъ это было въ Средиземномъ морѣ и въ Малайскомъ архипелагѣ. Дальнія плаванія въ древности начались съ того времени, когда центръ тяжести европейской культуры перемѣстился на европейскіе берега Атлантическаго океана. Океанъ получилъ, однако, значеніе мірового пути лишь со времени перваго путешествія Колумба и открытія морского пути въ Индію португальцами. Парусное судоходство представляетъ гораздо большій интересъ для географа, чѣмъ пароходство, такъ какъ оно находится въ болѣе непосредственной зависимости отъ вѣтровъ и волненій, но теперь оно ограничивается лишь весьма немногими путями. Парусныя суда употребляются теперь только для перевозки дешевыхъ грузовъ, не требующихъ быстрой доставки. Парусное судоходство имѣетъ свои опредѣленные курсы, зависящіе отъ вѣтровъ и погоды. Однимъ изъ самыхъ трудныхъ путей для него считается прямой переѣздъ изъ Ламанша къ берегамъ Сѣв. Америки, вслѣдствіе западныхъ бурь и тумановъ. Парусныя суда охотнѣе направляются къ устью Миссисипи, чтобы воспользоваться восточнымъ пассатомъ и вступить въ Карибское

море; на возвратномъ пути они идутъ черезъ Флоридскій проливъ и держатся Гольфстрема.

Суда, идущія къ югу, проходятъ мимо португальскихъ береговъ Африки, стараясь какъ можно быстрѣе пройти поясъ экваторіальнаго безвѣтрія, и затѣмъ берутъ тотъ или другой курсъ, смотря по тому,— должны ли они обойти мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надежды. Они мѣняютъ курсъ сообразно благопріятнымъ и неблагопріятнымъ теченіямъ и вѣтрамъ. При попутномъ вѣтрѣ парусныя суда могутъ развивать довольно большую скорость; такъ, въ полосѣ западныхъ вѣтровъ разстояніе въ 10.000 км. отъ мыса Доброй Надежды до Мельбурна хорошій парусный ходокъ проходитъ въ одинъ мѣсяцъ. Западный вѣтеръ заставляетъ парусныя суда возвращаться изъ Австраліи въ Европу не обратнымъ путемъ, а мимо мыса Горна, хотя этотъ путь гораздо длиннѣе. Насколько условія паруснаго судоходства отличаются отъ парового, мы можемъ видѣть изъ того, что прорытіе Суэзскаго канала не принесло первому почти никакой пользы, такъ какъ прохожденіе по Красному морю слишкомъ затруднительно, и пошлины на каналѣ слишкомъ велики для него.

Несмотря на все преимущество пароходовъ надъ паруснымъ судоходствомъ, первое окончательно взяло верхъ надъ послѣднимъ лишь въ концѣ недавно минувшаго столѣтія. Это преобладаніе произошло путемъ постепеннаго увеличенія паровыхъ судовъ и увеличенія ихъ вмѣстимости. Въ послѣдніе годы наибольшаго развитія достигъ великобританскій торговый флотъ, за которымъ слѣдуютъ германскій, норвежскій и французскій. Средоточіемъ міровой торговли до сихъ поръ является западная Европа; количество судовъ, вызываемое къ дѣятельности этой торговлей, можетъ быть выражено тѣмъ, что въ одномъ Ламаншѣ постоянно находятся въ ходу триста паровыхъ судовъ, отчасти направляющихся въ открытое море, отчасти служащихъ для сообщенія Англіи съ материкомъ. Вслѣдствіе примѣненія паровой силы, пароходы, гораздо менѣе зависящіе отъ вѣтровъ и теченій, чѣмъ парусныя суда, могутъ избирать болѣе прямые пути и могутъ проходить ихъ въ болѣе короткое время, въ среднемъ, втрое скорѣе парусныхъ судовъ. Единственнымъ ограниченіемъ пароходства является потребность въ громадныхъ количествахъ каменнаго угля и необходимость обезпеченія за собою пользованія угольными станціями на своемъ пути.

Каналы, связывающіе моря и океаны, имѣютъ непосредственное отношеніе къ мореходству и могутъ быть разсматриваемы, какъ части морскихъ путей. Первые проводятся иногда ради обхода опасныхъ для судоходства выступовъ суши, но число ихъ довольно ограничено. Изъ новѣйшихъ сооруженій этого рода заслуживаютъ вниманія Каледонскій каналъ, перерѣзывающій Шотландію въ ея поперечной естественной впадинѣ, каналъ императора Вильгельма, замѣняющій затруднительный выходъ изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское, и Коринѳскій каналъ, перерѣзывающій перешеекъ того же названія. Изъ каналовъ, соединяющихъ два океана, наибольшее значеніе получилъ Суэзскій каналъ, и, быть можетъ, еще больше значенія будетъ имѣть Панамскій каналъ, когда наступитъ время его осуществленія, котораго всего скорѣе мы можемъ ожидать отъ сѣверо-американцевъ.

Увеличеніе и усовершенствованіе путей сообщеній и усиленіе сношеній вызвали необходимость составленія особыхъ дорожныхъ картъ, въ которыхъ устранены всѣ формы поверхности и оставлены только главныя рѣки и города. На нѣкоторыхъ изъ нихъ наносятся почтовыя дороги вмѣстѣ съ желѣзными, а на другихъ — лишь эти послѣднія. Географическіе атласы пытаются иногда соединить изображенія рельефа страны съ желѣзными дорогами, при чемъ особое вниманіе обращаютъ на выдѣленіе главныхъ линій этихъ послѣднихъ. Развитіе передвиженій на велосипедахъ и автомобиляхъ создало потребность въ особыхъ картахъ, изображающихъ сѣть всѣхъ удобныхъ для такой ѣзды дорогъ. Это создаетъ третій видъ картъ, вызванный новѣйшими средствами сообщенія.

Ускореніе движенія имѣетъ еще больше значенія, чѣмъ сокращеніе путей сообщенія. Крайняя скорость пассажирскаго движенія въ западной Европѣ возросла въ восемь разъ, въ сравненіи со скоростью самаго быстраго движенія у древнихъ римлянъ: тогда какъ они въ сутки могли проѣзжать не болѣе 150 км., въ настоящее время въ тотъ же промежутокъ времени проѣзжаютъ 1200 км.; это равносильно тому, что пространство, по которому проложены желѣзныя дороги, уменьшилось въ 8 разъ. Скорость морскихъ сообщеній увеличилась въ меньшей степени, если мы сравнимъ движеніе пароходовъ съ движеніемъ парусныхъ судовъ, не находящихся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ сороковыхъ годахъ XIX стол. переселенцы изъ Европы достигали Сѣв. Америки на парусныхъ судахъ, идя навстрѣчу запад-

нымъ вѣтрамъ, болѣе, чѣмъ въ четыре недѣли. Первые пароходы проходили эти протяженія въ 14 дней, а въ настоящее время пароходъ отъ мыса Лизарда, въ Англіи, до Нью-Іорка совершаетъ переходъ въ 5500 км. въ теченіе 5—6 дней. Если мы вычислимъ среднее время, какое нужно, чтобы достигнуть, кратчайшимъ путемъ и при величайшей скорости сообщенія, извѣстныхъ городовъ, гаваней или береговъ, то мы можемъ соединить линіями тѣ точки земной поверхности, до которыхъ можно достигнуть въ одинаковое число дней. Эти линіи средней продолжительности путешествія называются **изохронами**. Онѣ показываютъ, что въ концѣ XIX вѣка изъ Ламанша можно было попасть во всѣ гавани міра менѣе, чѣмъ въ 45 дней. Такія линіи одинаковой средней продолжительности пути можно было бы начертить и для другихъ средствъ сообщенія. Онѣ могутъ служить нагляднымъ указаніемъ успѣха, достигнутаго человѣчествомъ при одолѣніи пространства въ цѣляхъ сношеній между людьми и развитія промышленности и торговли.

ГЛАВА XI.

Торговля. Колонизація. Культура.

Міровая торговля.—Торговые народы.—Внѣшняя торговля.—Ввозъ и вывозъ.—Хлѣбородныя страны.—Мѣсторожденія желѣза и каменнаго угля.—Колоніи.—Образованіе ихъ.—Отношенія къ метрополіи.—Современное развитіе колонизаціи.—Ступени культуры.—Культурные очаги и культурные круги.

Развитіе того, что́ мы называемъ въ исторіи человѣчества міровыми сношеніями, происходило въ теченіе трехъ различныхъ періодовъ и по мѣрѣ все болѣе и болѣе расширявшихся свѣдѣній о землѣ. Къ первому періоду мы должны причислить древніе и средніе вѣка. Съ 1500 г. начинается второй періодъ, продолжавшійся до половины прошлаго столѣтія. Съ начала послѣдняго періода, въ которомъ мы находимся теперь, прошло едва нѣсколько десятилѣтій. Область міровыхъ сношеній всегда занимала лишь часть географическаго горизонта культурныхъ народовъ бѣлой расы. Въ болѣе древнее время это былъ лишь сравнительно узкій поясъ поперекъ стараго свѣта; со времени эпохи открытій онъ распространился

почти по всѣмъ берегамъ Атлантическаго и Индійскаго океановъ. Но лишь въ наши дни область міровыхъ сношеній окружаетъ весь земной шаръ; въ нее входитъ уже и Великій океанъ. Теперь установились, наконецъ, міровыя сношенія въ строгомъ смыслѣ слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ и форма ихъ существенно измѣнялась въ различныя эпохи. Хотя предметы ихъ составляютъ люди (пассажиры), товары и извѣстія, но обмѣнъ товаровъ все-таки лежитъ въ основѣ міровыхъ сношеній; поэтому,—хотя это и не совсѣмъ точно для нашего времени,—ихъ принято называть міровой торговлей. Съ самыхъ древнихъ временъ, среди общаго товарнаго обмѣна между народами земного шара, выдѣлялись нѣкоторые товары міровой торговли, которыми опредѣлялись направленія и суммы сбыта. Ограниченность мѣстъ нахожденія и производства извѣстныхъ товаровъ, имѣвшихъ обширный спросъ, немногими областями земли, съ одной стороны, и ихъ пространственное отдаленіе отъ странъ потребленія, съ другой, составляютъ основныя географическія условія міровой торговли.

Нѣкоторые товары проходятъ черезъ многія руки, идутъ весьма длинными путями и попадаютъ въ мѣста, далеко отстоящія отъ мѣстъ ихъ производства. Пока въ отдѣльномъ народѣ обмѣнъ находится въ рукахъ особаго торговаго класса, этотъ послѣдній стремится къ возможному устраненію посредниковъ. Поэтому въ древнія времена торговецъ всегда самъ сопровождалъ свои товары. Какъ общій законъ міровой торговли, торговое занятіе тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе товары составляютъ нѣчто рѣдкое, и чѣмъ менѣе цѣны на нихъ уравниваются большимъ числомъ мѣстъ производства или большимъ количествомъ продуктовъ. Этому уравниванію способствуетъ также высота культуры и хозяйственное развитіе торговыхъ народовъ.

Не всѣмъ народамъ свойственно въ одинаковой степени умѣнье распространять товары въ чужихъ земляхъ. Исторія указываетъ намъ особые торговые народы, каковы, по преимуществу, были семиты, которые со временъ финикіянъ держали въ своихъ рукахъ торговыя сношенія между Востокомъ и Западомъ. Такую же роль уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ играютъ арабы въ Африкѣ и отчасти евреи въ Европѣ. И между дикими народами выдѣляются нѣкоторыя племена, особенно охотно занимающіяся торговлей, представи-

тели которыхъ поселяются на временное или постоянное жительство среди другихъ этническихъ группъ.

Безъ сомнѣнія, изъ этихъ торговыхъ народовъ только небольшая часть непосредственно участвуетъ въ торговлѣ или отправляется въ чужія страны въ качествѣ купцовъ. Эти лица кладутъ начало сношеніямъ между народами, мѣстообитанія которыхъ затрогиваются линіями этихъ сношеній. Они сами снаряжаютъ караваны или перевозятъ товары на собственныхъ судахъ, принимая на себя, въ виду необезпеченности сообщеній, личный надзоръ за товарами. Въ древнія времена путешествовали только купцы и сопровождавшія ихъ лица. Области міровой торговли стали распространяться лишь вмѣстѣ съ разсѣяніемъ европейскаго населенія по всей землѣ. Но еще и въ предшествовавшемъ вѣкѣ путешественниковъ, отправлявшихся въ заморскія страны, было немного, и обыкновенно ихъ только допускали въ число лицъ, сопровождавшихъ товары на торговыхъ судахъ. Самостоятельное пассажирское движеніе принадлежитъ міровымъ сношеніямъ новѣйшаго времени; оно развилось вслѣдствіе массовыхъ выселеній изъ Европы въ страны по ту сторону моря. Точно также постепенно развилась и самостоятельная передача извѣстій, которую мы называемъ теперь п о ч т о в ы м и с о о б щ е н і я м и. Хотя начало его мы находимъ еще въ древности, но міровой характеръ оно получило лишь въ наше время. Оно создаетъ и поддерживаетъ умственныя сношенія между отдѣльными лицами и народами, которые рѣдко или никогда не приходятъ въ личное соприкосновеніе. Оно даетъ возможность всему дѣловому міру вести дѣла изъ своей родины съ самыми отдаленными областями земли.

Переходъ къ торговой политикѣ новѣйшаго времени совершился лишь въ послѣдней трети недавно минувшаго вѣка. Важнѣйшей причиной, обусловившей этотъ переходъ, было массовое распространеніе европейцевъ по всему земному шару и въ особенности выселеніе изъ Европы земледѣльческаго населенія. Этимъ вызвано было превращеніе многихъ почти пустовавшихъ областей умѣреннаго климата въ культурную, даже хлѣбородную землю. Несмотря на этотъ отливъ, громадное возрастаніе населенія продолжалось почти во всѣхъ густо населенныхъ областяхъ Европы и другихъ культурныхъ областяхъ земли. Благодаря разработкѣ каменнаго угля и желѣзной руды и изобрѣтеніямъ нашего времени, возникли большіе промы-

шленные округи, которыхъ мѣстное земледѣліе не могло уже прокармливать. Вслѣдствіе того, важнѣйшія потребности многихъ государствъ стали все болѣе и болѣе зависѣть отъ другихъ странъ. Къ счастью, это явленіе совпадаетъ съ развитіемъ новѣйшихъ средствъ сообщенія, дающихъ возможность массоваго подвоза товаровъ въ тѣ страны, въ которыхъ на нихъ существуетъ спросъ.

Въ настоящее время, вмѣстѣ съ развитіемъ морскихъ сообщеній, открываются вновь и сухопутные пути сообщенія, остававшіеся закрытыми въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, какъ, напр., путь поперекъ азіатскаго материка, отъ Средиземнаго моря черезъ Красное море и Переднюю Азію въ южную Азію. Въ то же время крайній Востокъ, Китай и Японія, должны были открыть европейской торговлѣ доступъ въ свои предѣлы, котораго упорно не допускали въ теченіе долгаго времени. Благодаря тому, въ кругъ міровой торговли вступаетъ населеніе въ 400 милліоновъ человѣкъ. Западная сторона Америки, граничащая съ самою пустынною областью Тихаго океана, пріобрѣтаетъ теперь значеніе, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, перерѣзывающимъ материкъ. На востокѣ Австраліи и въ Новой Зеландіи развивается колоніальная область съ 5 милліонами обитателей, въ которой смыкаются восточная и западная границы міровой торговли. Такъ, на нашихъ глазахъ, міровыя сношенія начинаютъ охватывать уже весь земной шаръ. Въ сѣть этихъ сношеній включается и Тихій океанъ, который давно былъ извѣстенъ, но который мало посѣщался европейскими судами. Можно сказать, что округлость земли только теперь оказываетъ настоящее дѣйствіе на взаимныя сношенія человѣчества. Эти сношенія облегчатся еще болѣе, когда будетъ, наконецъ, перерѣзанъ Панамскій перешеекъ. Если мы примемъ во вниманіе, что, вслѣдствіе ускоренія сообщеній, почти каждый пунктъ поверхности земли ближе придвигается къ центру міровыхъ сношеній въ западной половинѣ Европы, то мы можемъ сказать по справедливости, что лишь теперь, въ началѣ XX вѣка, можно говорить о міровыхъ сношеніяхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ настоящее время, когда можетъ уже идти рѣчь о завладѣніи человѣчествомъ всей поверхностью земли, за исключеніемъ необитаемыхъ пустынь, массовый обмѣнъ товаровъ не можетъ уже быть дѣломъ какого-либо одного народа. Множество націй принимаетъ участіе въ громадной задачѣ способствовать быстро возрастающему об-

мѣну товаровъ въ современномъ человѣчествѣ. Хотя этотъ обмѣнъ во многихъ мѣстахъ сдерживается міровыми гранями, но въ общемъ ходѣ мірового хозяйства чувствуется небывалое прежде, сильное оживленіе.

Относительно количества товаровъ, обращавшихся въ міровой торговлѣ въ прежнія времена, существуютъ лишь весьма недостаточныя свѣдѣнія. Лишь съ того времени, какъ современныя государства окружили себя таможенными границами, явилась возможность опредѣлить количество и стоимость товаровъ, проходящихъ черезъ границы. Эти товары, вмѣстѣ взятые, выражаютъ собою внѣшнюю торговлю государства. Но размѣры внутренней торговли, по бо́льшей части, совершенно ускользаютъ отъ точнаго измѣренія. Продукты, производимые внутри страны, оцѣниваются лишь въ ихъ совокупности, какъ, напр., результаты ежегодной жатвы или добычи горныхъ промысловъ; такимъ способомъ опредѣляется внутреннее потребленіе, за вычетомъ предметовъ вывоза.

Въ настоящее время количество ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ принято оцѣнивать по ихъ вѣсу, такъ какъ стоимость ихъ подвергается большимъ колебаніямъ. Такъ, напр., мы часто видимъ опредѣленіе товарнаго движенія количествомъ тоннъ, которыя привозятся и вывозятся судами, обращающимися въ той или другой гавани. Но настоящее понятіе о сравнительномъ развитіи торговли въ различныхъ странахъ можетъ дать только цѣнность товаровъ. Нѣкоторыя гавани вывозятъ почти одинаковыя по вѣсу количества товаровъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ могутъ занимать совершенно различныя мѣста въ міровой торговлѣ, вывозя въ одномъ случаѣ такой тяжелый и малоцѣнный грузъ, какъ каменный уголь, а въ другомъ — дорогія мануфактурныя издѣлія. Если, независимо отъ происхожденія этихъ цифръ, мы сложимъ вмѣстѣ цифры ввоза и вывоза всѣхъ государствъ, колоній и областей земли, то получимъ приблизительное представленіе объ ежегодномъ обмѣнѣ нынѣшней міровой торговли. Достаточно сказать, что въ шестидесятыхъ годахъ XIX стол. оборотъ міровой торговли оцѣнивался въ 30 — 36 милліардовъ германскихъ марокъ (около 15—18 милліардовъ рублей), а въ послѣдніе годы названнаго столѣтія онъ увеличился болѣе, чѣмъ вдвое (до 75—80 милліардовъ марокъ или около 40 милліардовъ рублей).

Новѣйшія промышленныя государства средней и западной Европы, при ихъ крайне плотномъ населеніи, находятся въ зависимости отъ ввоза къ нимъ хлѣба и мяса изъ другихъ странъ. Эти продукты они оплачиваютъ произведеніями своей промышленности. Напротивъ, въ чисто земледѣльческихъ государствахъ и въ колоніальныхъ владѣніяхъ недавняго происхожденія промышленность мало развита, и эти страны вывозятъ сырые продукты и потребляютъ произведенія промышленныхъ государствъ. Возможность оплачивать эти послѣднія доставляютъ добываемые сырые продукты и минеральныя богатства, которыя иногда скрываются въ почвѣ.

Въ торговлѣ въ различныя времена главную роль играли далеко не одинаковые товары. Въ прежніе вѣка главными предметами торговли были предметы роскоши; въ XVI и XVII вѣкахъ существовалъ необычайный спросъ на пряности, и принимались даже ограничительныя мѣры, чтобы усиленное воздѣлываніе ихъ не понижало цѣнъ. Въ настоящее время на первомъ мѣстѣ стоятъ товары, составляющіе предметъ общаго потребленія. Первое мѣсто между ними занимаютъ хлѣба, которыхъ ежегодно расходится почти на 3 милліарда марокъ и даже болѣе. За ними слѣдуетъ мясо, потребляемое все больше и больше, вслѣдствіе подъема благосостоянія рабочихъ классовъ въ промышленныхъ государствахъ. Далѣе могутъ быть названы вкусовыя вещества, каковы сахаръ, кофе, чай, табакъ и проч., а затѣмъ сырые матеріалы ткацкой промышленности: хлопокъ, шелкъ, шерсть и т. п. Теперь мы уже приблизительно можемъ высказаться о производствѣ различныхъ странъ по отношенію къ этимъ продуктамъ, но пока еще не выяснено распредѣленіе каменнаго угля и желѣза и благородныхъ металловъ, хотя потребленіе ихъ придаетъ совершенно новый характеръ современной промышленности въ сравненіи съ прежней.

Страна получаетъ названіе «житницы», когда она имѣетъ возможность постоянно снабжать другія страны излишкомъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ; для этого она должна имѣть большія пространства плодородной земли и негустое населеніе. Въ настоящее время около двадцати государствъ и колоній вывозятъ хлѣбъ въ другія страны, но въ географическомъ смыслѣ онѣ могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько главныхъ областей. Можно сказать даже, что для настоящаго времени существуютъ на землѣ двѣ большія „житницы“,

поддерживающія существованіе многихъ милліоновъ людей плотно населенныхъ государствъ Европы: эти житницы находятся въ юго-восточной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Первую можно назвать также Понтійской, такъ какъ она прилегаетъ къ Черному морю, охватывая южную Россію и равнины нижняго Дуная (Румынію, Венгрію, Сербію, Болгарію и Румелію). На сѣверѣ этой области преобладаютъ овесъ и рожь, вывозимые изъ Балтійскихъ гаваней Россіи, а на югѣ—пшеница и кукуруза, отправляемыя изъ портовъ Чернаго моря. Большая сѣверо-американская житница имѣетъ своимъ средоточіемъ бассейнъ верхняго Миссисипи, но простирается и на озерную область. Въ Сѣверной Америкѣ воздѣлываніе пшеницы и маиса особенно усилилось съ 1870 г. Развитіе сельскаго хозяйства и средствъ перевозки даютъ возможность сѣверо-американской пшеницѣ проникать въ Англію и другія атлантическія гавани, вытѣсняя оттуда русскую пшеницу. На ряду съ обширными названными областями, другія занимаютъ второстепенное мѣсто. Изъ нихъ можно назвать Египетъ, Алжирскую область, Британскую Индію (гдѣ англичане заботятся объ увеличеніи посѣвовъ пшеницы, чтобы уменьшить свою зависимость въ этомъ отношеніи отъ Соединенныхъ Штатовъ) и Аргентину и Чили въ Америкѣ.

Желѣзо, примѣненіе котораго въ промышленности составляетъ одну изъ главнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, получило настоящее распространеніе, только благодаря находкамъ каменнаго угля. Но пользованіе каменнымъ углемъ явилось могущественнымъ двигателемъ промышленности совмѣстно съ примѣненіемъ пара, что̀ произошло лишь въ недавно минувшемъ вѣкѣ. Съ этого времени желѣзо обрабатывается въ громадныхъ количествахъ, и, соотвѣтственно тому, развивается пользованіе залежами каменнаго угля. Такимъ образомъ, уголь и желѣзо являются основами современной матеріальной культуры. Однако, несмотря на первостепенное значеніе каменнаго угля для промышленности, мы еще во многихъ странахъ не можемъ опредѣлить распространеніе и содержаніе его. Это можно сдѣлать до нѣкоторой степени лишь для культурныхъ государствъ, развивающихъ крупную промышленную дѣятельность; даже обширныя и богатыя каменноугольныя залежи Китая извѣстны намъ лишь въ самыхъ грубыхъ очертаніяхъ. Въ тропическихъ областяхъ и вообще въ южномъ полушаріи мы знаемъ немногія мѣсто-

нахожденія минеральнаго топлива. Пока мы можемъ сказать, что Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты и Китай обладаютъ самыми большими каменноугольными областями, поверхность которыхъ исчисляется сотнями тысячъ квадратныхъ километровъ. Далеко не такъ пространны, но весьма богаты каменноугольные бассейны западной Европы, въ особенности Германіи и Англіи. Еще обширнѣе каменноугольныя области Россіи. Впрочемъ, при оцѣнкѣ каменноугольнаго богатства слѣдуетъ имѣть въ виду не только количество, но и качество продукта и доступность его для вывоза. Такъ, Англія имѣетъ то преимущество, что богатыя залежи превосходнаго угля находятся въ ней поблизости моря, и она изъ своихъ гаваней легко можетъ вывозить уголь для снабженія имъ своихъ колоній и всѣхъ странъ, нуждающихся въ немъ.

Мы должны отмѣтить еще развитіе добыванія благородныхъ металловъ, золота и серебра, въ виду той роли, какую они играютъ не только, какъ извѣстный продуктъ промышленности, но и какъ мѣрила цѣнностей. Хотя золото было извѣстно раньше другихъ металловъ и добывалось во многихъ мѣстахъ земли, но добыча его долго уступала добычѣ серебра. Такъ, еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка серебра добывалось вдвое болѣе, чѣмъ золота. Это отношеніе измѣнилось со времени открытія золотой руды въ Калифорніи, Австраліи и Трансваалѣ. Въ настоящее время золота добывается уже вдвое больше, чѣмъ серебра. Тѣмъ не менѣе, несмотря на громадное количество золота, получаемаго въ послѣднія десятилѣтія, оно еще не можетъ явиться единственнымъ платежнымъ средствомъ во многихъ государствахъ.

Внутреннія и внѣшнія сношенія постепенно приводили къ увеличенію обмѣна извѣстій, въ видѣ писемъ, газетъ и книгъ. До новѣйшаго времени почтовыя сообщенія были тѣсно связаны съ обычными способами перевозки и составляли предметъ заботы каждаго правительства въ отдѣльности. Они получили настоящее развитіе лишь съ 1874 г., когда было положено начало, такъ называемому, Всемірному почтовому союзу. Этотъ союзъ обнимаетъ теперь область съ поверхностью болѣе 100 милліоновъ кв. километровъ, съ населеніемъ (круглымъ числомъ) въ 1100 милліоновъ человѣкъ. Китайская имперія пока еще не примкнула къ этому союзу. Этотъ послѣдній является, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ учрежденій

въ мирныхъ сношеніяхъ народовъ. Онъ разрѣшаетъ всего лучше задачу завладѣнія пространствомъ земли, надъ которымъ такъ долго должно было трудиться человѣчество; совмѣстныя усилія всѣхъ государствъ ведутъ къ сокращенію почтовыхъ линій и къ увеличенію скорости перевозки. Но всѣ эти способы ускоренія передачи извѣстій не могли бы сами по себѣ привести къ той быстротѣ, какая достигается электрическимъ телеграфомъ. Будучи изобрѣтенъ въ 1833 г., онъ медленно распространялся въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, но затѣмъ, благодаря легкости установки телеграфныхъ линій, вскорѣ сталъ на первое мѣсто среди всѣхъ другихъ способовъ сообщенія. Въ настоящее время онъ проходитъ по самымъ негостепріимнымъ странамъ земли и является піонеромъ сношеній даже въ необитаемыхъ мѣстностяхъ. Надземная телеграфная сѣть увеличивается еще подводной, съ помощью такъ называемыхъ телеграфныхъ кабелей. Такой кабель уложенъ отъ береговъ Ирландіи до Нью-Фаундлэнда, на разстояніи почти 4000 килом. Этотъ опытъ показалъ, что распространеніе океанскихъ кабелей въ настоящее время можно считать только денежнымъ вопросомъ. Длина всѣхъ телеграфныхъ линій на земномъ шарѣ считается теперь болѣе 2,000,000 килом., изъ которыхъ $^1/_3$ милліона приходится на подводные кабели.

Промышленныя и торговыя государства, заботясь о сбытѣ своихъ произведеній, ищутъ для нихъ рынковъ въ другихъ государствахъ и пользуются для той же цѣли своими колоніями или владѣніями въ другихъ частяхъ свѣта. Мы знаемъ такіе примѣры въ американскихъ колоніяхъ Испаніи, которая не допускала развитія мѣстной промышленности, и въ болѣе близкое къ намъ время въ Остъ-Индіи, куда Англія ввозитъ свои бумажныя ткани, несмотря на высокій уровень, достигнутый остъиндской ткацкой промышленностью. Колоніи, однако, не составляютъ продукта нынѣшняго времени, отличающагося небывалымъ до сихъ поръ развитіемъ промышленности и торговли: онѣ основывались и древними государствами, стремившимися къ расширенію своихъ предѣловъ и завладѣвавшими съ этою цѣлью сосѣдними или отдаленными мѣстностями, которыя не въ силахъ были отстаивать свою независимость. Пріобрѣтая новыя страны, они заселяли ихъ своими подданными и учреждали, такимъ образомъ, какъ бы

филіальныя отдѣленія основного государства или метрополіи. Въ прежнее время, когда завладѣнію подвергались населенныя мѣстности, колонизація была равносильна завоеванію. Какъ мы уже говорили въ главѣ о пространствѣ, колоніи становились органическою частью метрополіи лишь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ прилагался земледѣльческій трудъ, когда земля новыхъ владѣній составляла предметъ непосредственнаго пользованія. Иначе, завоеваніе даже и тогда, когда въ новую страну устремлялся обширный потокъ завоевателей, не вело къ прочному завладѣнію и было болѣе или менѣе кратковременнымъ. Поэтому, азіатскіе кочевники, налетавшіе на Европу и даже утверждавшіе власть надъ нею на продолжительное время, какъ, напр., монголы въ Россіи, не имѣли права назвать ее своей колоніей, не сростались съ нею и не основывали въ ней прочныхъ поселеній. Когда власть ихъ ослабѣвала, покоренный народъ сбрасывалъ съ себя ихъ иго и продолжалъ жить своей прежней жизнью. То же самое мы видимъ или видѣли въ самое недавнее время въ Африкѣ, гдѣ воинственные кочевники основывали только недолговѣчныя государства, власть которыхъ часто исчезала вмѣстѣ съ жизнью ихъ вождя. Мы видимъ отсюда, что завоеваніе еще не есть колонизація. До тѣхъ поръ, пока завоеватели стремятся только къ удержанію за собою власти надъ захваченной страной и къ простой эксплуатаціи туземнаго населенія, они стараются сосредоточиться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и оттуда насильственно управляютъ страною. Такое завладѣніе не можетъ быть прочнымъ, какъ показали испанскія завоеванія въ Мексикѣ и Перу и французскія—въ Сѣверной Америкѣ.

Мы говорили выше въ главѣ о населеніи, что образованіе колоній вызывается иногда избыткомъ населенія, ищущаго новыхъ мѣстъ для приложенія своего труда, но переселеніе даже на незанятыя мѣста не всегда ведетъ къ образованію колоній. Колонія есть зависимое государство, хотя бы и небольшихъ размѣровъ, но она тогда только получаетъ это значеніе, когда обитатели ея сплачиваются въ одно цѣлое, имѣющее общія цѣли и достигающее ихъ извѣстной организаціей; до тѣхъ поръ, пока не выработается это единство, обитателей данной территоріи можно назвать обществомъ, но не государствомъ. На самомъ дѣлѣ, основаніе колоніи можетъ явиться только результатомъ цѣлаго ряда стремленій къ расширенію и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразныхъ дѣйствій умственнаго, политическаго

или экономическаго характера. Какъ выражается историкъ Курціусъ, всякая колонія—не начало, а заключеніе.

Самымъ естественнымъ видомъ колонизаціи является завладѣніе сосѣдней областью и затѣмъ включеніе ея въ предѣлы государства, какъ это было произведено Россіей по отношенію къ Сибири. Въ случаѣ прочнаго завладѣнія, колонія сливается съ метрополіей и составляетъ съ ней одно цѣлое. Эти внутреннія владѣнія можно противопоставить внѣшнимъ, находящимся въ другихъ частяхъ свѣта. Основаніе послѣднихъ, какъ мы уже упоминали выше, исходитъ, по большей части, изъ причинъ экономическихъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединяются политическія соображенія, ведущія къ прочному господству надъ вновь пріобрѣтенной страной. Исторія показываетъ намъ, что торговые народы основывали такія колоніи въ различныя эпохи, начиная отъ финикіянъ и древнихъ грековъ; но если метрополіи оказывались недостаточно сильными, то и колоніи вскорѣ отпадали отъ нихъ и пріобрѣтали самостоятельность, какъ это было съ Карѳагеномъ, или переходили въ руки другихъ, болѣе сильныхъ государствъ. Такъ бывало и въ новѣйшее время, напр., съ колоніями Испаніи, Португаліи, Голландіи и даже Франціи. И упроченіе, и расширеніе этихъ колоній находятся въ прямой зависимости отъ силы государствъ, которыя ими владѣютъ; нѣкоторыя изъ нихъ оставались незначительными береговыми участками, какъ, напр., колоніи Португаліи въ Индіи, или не могли расширяться вслѣдствіе конкурренціи болѣе сильныхъ державъ, какъ владѣнія того же государства въ Африкѣ.

Самое слово „колонія“ означаетъ поселеніе и прежде всего относится къ переселяющимся представителямъ какой-либо націи, обладающей политической силой. Они составляютъ лишь незначительную часть всего населенія, остающагося въ родной странѣ, противоположно массовымъ переселеніямъ прежняго времени, когда цѣлый народъ переселялся изъ своего мѣстообитанія въ чужую область, которую и занималъ, вытѣсняя или покоряя прежнихъ жителей ея. Но колонія можетъ быть чисто этнографической, подчиненной правительству чужой страны, если съ нею не соединяется завладѣніе землею и поддержаніе связи съ метрополіей, достаточно сильной, чтобы обезпечить за собой владѣнія, захваченныя ея подданными. Примѣромъ такой этнографической колоніи могутъ служить

нѣмцы, поселенные съ разрѣшенія русскаго правительства въ Саратовской, Екатеринославской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ Россіи. Колоніи получаютъ политическое значеніе, когда онѣ утверждаются на землѣ, надъ которою верховныя права принадлежатъ ихъ метрополіи. Для этого колоніи должны быть открытыми или доступными, т.-е. должны находиться или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ родиной колонистовъ, или лежать на берегу моря. Вслѣдствіе того, колоніи въ другихъ частяхъ свѣта основываются только морскими державами и первоначально бываютъ лишь приморскими владѣніями. Такимъ образомъ, главными колоніальными государствами за послѣднее время явились Англія и Голландія, и на этотъ путь вступаетъ теперь Германія одновременно съ развитіемъ своего торговаго флота. Наоборотъ, Россія и Китай раздвинули свои предѣлы до громадныхъ размѣровъ, присоединяя сосѣднія страны, занятыя охотничьими и кочевыми народами, и не основывали заморскихъ колоній, что́ было бы особенно легко для Китая, въ виду его положенія на Тихомъ океанѣ.

Приморскія колоніи на первыхъ порахъ не имѣютъ твердо установленной внутренней границы, которая долго остается „открытой“. Это происходитъ отъ того, что завладѣніе начинается съ морского берега и лишь постепенно подвигается внутрь страны. Пока новымъ хозяевамъ страны приходится имѣть дѣло съ коренными дикими обитателями ея, вопросъ о границахъ играетъ обыкновенно второстепенную роль, такъ какъ дикари не придаютъ ей большого значенія. Обстоятельства мѣняются, какъ скоро къ занятымъ владѣніямъ придвигаются владѣнія другой культурной державы. Тогда вокругъ исходнаго пункта колонизаціонной дѣятельности устанавливается такъ называемая с ф е р а притязаній или и н т е р е с о в ъ. Границы сосѣднихъ сферъ признаются молчаливымъ соглашеніемъ или утверждаются торжественными договорами. Примѣры такихъ отношеній между колоніями европейскихъ государствъ мы видимъ въ Африкѣ, почти все пространство которой подѣлено въ такомъ видѣ между Англіей, Германіей, Франціей, и отчасти Португаліей и Италіей.

Зависимость колоній отъ метрополіи не всегда бываетъ одинаковою, даже помимо отдаленности ихъ. Въ первые періоды европейской колонизаціи занятіе отдаленныхъ областей происходило съ помощью такъ называемыхъ т о р г о в ы х ъ к о м п а н і й, которымъ го-

сударство, составлявшее ихъ родину, давало привилегіи на эксплуатацію захваченной области съ обѣщаніемъ своего покровительства. Нѣкоторыя изъ такихъ компаній, какъ, напримѣръ, Остъ-Индская, существовали очень долго и достигали большого могущества. Когда компанія становилась несостоятельной или не могла справиться съ притязаніями сосѣдей, государство оставляло за собой ея владѣнія и причисляло ихъ къ своей внѣевропейской территоріи. Такъ было съ колоніями Англіи въ Восточной и Южной Африкѣ; въ извѣстной части послѣдней и теперь еще хозяйничаетъ частная компанія. Другой способъ постепеннаго захвата внѣевропейскихъ странъ заключается въ системѣ такъ называемаго покровительства. При этомъ надъ сосѣднимъ туземнымъ государствомъ, подъ предлогомъ происходящихъ въ немъ безпорядковъ или недостатковъ управленія, угрожающихъ смежной европейской колоніи, устанавливается покровительство метрополіи этой послѣдней. Покровительствующее государство помогаетъ покровительствуемому въ упорядоченіи его внутреннихъ дѣлъ и огражденіи отъ внѣшняхъ враговъ и за это выговариваетъ себѣ извѣстное политическое вліяніе и экономическія выгоды. За рѣдкимъ примѣромъ, въ родѣ возвращенія Россіей Кульджи Китаю, „покровительство“ европейскихъ державъ надъ азіатскими или африканскими обыкновенно оказывается безсрочнымъ и даже переходитъ въ настоящую оккупацію, каково владычество Англіи въ Египтѣ.

Изъ всего сказаннаго выше мы видимъ, что колоніи находятся не въ одинаковой политической и экономической зависимости отъ своихъ метрополій. Поэтому ихъ дѣлятъ на нѣсколько разрядовъ, придерживаясь при этомъ по преимуществу экономической точки зрѣнія, которая была главной цѣлью первоначальнаго основанія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются во вниманіе и существующія въ нихъ формы хозяйства, которыя, однако, могутъ быть, при большомъ увеличеніи территоріи колоній, довольно разнообразными, вслѣдствіе чего хозяйство ихъ представляетъ смѣшанныя формы, и самыя колоніи не легко бываетъ отнести къ тому или другому разряду.

На первомъ мѣстѣ мы должны все-таки поставить торговыя колоніи, къ которымъ принадлежатъ многочисленныя заморскія европейскія колоніи, начавшія свое существованіе въ видѣ торговыхъ станцій. Онѣ основались на морскихъ берегахъ или близкихъ къ нимъ островкахъ, на большихъ путяхъ міровой торговли, для которой эти

колоніи служили опорными и конечными пунктами. Причинами, по которымъ избирались извѣстныя мѣста для основанія такихъ колоній, были нахожденіе тамъ цѣнныхъ металловъ, производство товаровъ, находившихъ легкій сбытъ (напримѣръ, пряностей и мѣховъ), или такихъ продуктовъ, которые изготовлялись лишь извѣстными отдаленными народами, какъ, напримѣръ, шелкъ. На пути къ этимъ колоніямъ, если путь этотъ былъ далекимъ, основывались обыкновенно промежуточныя станціи. Къ колоніямъ этого рода принадлежали колоніи финикіянъ, генуэзцевъ, станціи на пути въ Остъ-Индію и Восточную Азію, мелкія португальскія и французскія владѣнія въ Индостанѣ и нынѣшніе британскіе торговые центры, каковы Аденъ, Сингапуръ и Гонконгъ. Торговыя колоніи не всегда остаются простыми береговыми факторіями: онѣ стараются проложить торговые пути внутрь страны и расположить туземцевъ къ производству продуктовъ, пригодныхъ для обмѣна. Поэтому они отъ себя выдвигаютъ иногда станціи внутрь страны.

Далѣе, мы можемъ назвать колоніи крупныхъ хозяйствъ или плантацій, заводимыя европейцами подъ тропиками, съ цѣлью полученія собственными средствами тропическихъ произведеній, въ особенности вкусовыхъ, для чего основываются, такъ называемыя, плантаціи. При этомъ имѣется въ виду пользованіе мѣстными рабочими силами, привычными къ климату, съ помощью европейскихъ капиталовъ и европейской предпріимчивости. Въ этомъ случаѣ колонисты являются только руководителями такихъ хозяйственныхъ предпріятій, и поэтому они бываютъ такъ же малочисленны, какъ и въ торговыхъ факторіяхъ. Если туземцы оказываются непригодными для полевыхъ работъ, ихъ замѣняютъ рабочими другой расы, обладающей большей физической силой или рабочей способностью, какъ это было въ Америкѣ, гдѣ индѣйцевъ нашли нужнымъ замѣнить неграми, которыхъ, послѣ ихъ освобожденія, въ свою очередь, замѣнили индусами и китайцами. Распространеніе системы плантацій, по мѣрѣ того, какъ европейское населеніе привыкало къ ихъ продуктамъ, увеличивалось все болѣе и болѣе и по преимуществу содѣйствовало расширенію колоніальныхъ владѣній въ тропической области. Хозяйству этого рода предоставлены самые плодородные участки тропическихъ колоній. Къ числу плантаціонныхъ колоній относятся большинство Антильскихъ острововъ, Маскаренскіе острова и островъ Мадага-

скаръ; еще болѣе значительные участки посвящены имъ на большихъ островахъ, напримѣръ, на Явѣ или въ материковыхъ тропическихъ областяхъ (Бразилія).

Новѣйшее время выработало еще типъ культурныхъ колоній, задающихся, помимо чисто экономическихъ цѣлей, и цѣлями идеальными—пріученія дикихъ народовъ къ труду, подъема ихъ матеріальнаго и умственнаго благосостоянія и вообще распространенія благъ высшей культуры на низко стоящія расы. Такимъ образомъ, культурныя колоніи должны составлять прямую противоположность прежнимъ, основывавшимся съ исключительною цѣлью эксплуатаціи или наживы, каковы были колоніи испанцевъ въ Америкѣ. Климатическія причины препятствуютъ переселенію европейцевъ массами въ тропическую область, и поэтому для культурныхъ колоній устанавливаются естественные предѣлы, зависящіе, по преимуществу, отъ мѣстностей особенно нездоровыхъ для переселенцевъ. Къ названнымъ колоніямъ принадлежатъ внѣшнія владѣнія, основанныя недавно европейскими государствами въ тропической области Африки. Культурная цѣль, которую ставили себѣ основатели этихъ колоній, очевидно, можетъ быть осуществлена лишь въ далекомъ будущемъ. Другимъ примѣромъ, показывающимъ уже достиженіе намѣченной цѣли, по крайней мѣрѣ, въ чисто сельско-хозяйственномъ отношеніи, могутъ служить голландскія колоніи на Явѣ, значительно способствовавшія усовершенствованію туземныхъ хозяйствъ. Въ культурномъ значеніи нельзя отказать и Британскимъ владѣніямъ въ Остъ-Индіи, которыя содѣйствовали распространенію культуры, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ общественныхъ слояхъ этой страны. Наше время почти не знаетъ завоевательныхъ колоній, какими было большинство колоній прежнихъ эпохъ. Правда, завладѣніе многими странами не обошлось безъ сопротивленія со стороны коренныхъ обитателей ихъ, и исторія европейской колонизаціи представляетъ многія печальныя страницы кроваваго подавленія возстаній и даже настоящаго истребленія туземцевъ, но можно надѣяться, что это уже относится къ области прошлаго. По крайней мѣрѣ, ничего подобнаго мы не видимъ теперь при завладѣніи Африкой, которое можно назвать скорѣе мирнымъ, чѣмъ кровавымъ завоеваніемъ. Намъ могутъ замѣтить, что такимъ именемъ нельзя называть колонизацію южной Африки англичанами; но если мы примемъ во вниманіе войны, постоянно свирѣп-

ствовавшія между туземцами Африки, то господство европейцевъ, въ общемъ, является несомнѣнно благодѣтельнымъ для мирныхъ народовъ Африки, терпѣвшихъ жестокія притѣсненія отъ воинственныхъ соперниковъ. Другими словами, колоніи европейскихъ государствъ въ настоящее время изъ завоевательныхъ все болѣе и болѣе превращаются въ культурныя или переселенческія.

Переселенческія колоніи и въ экономическомъ, и въ географическомъ смыслѣ представляютъ противоположность культурнымъ колоніямъ. Онѣ ограничиваются умѣреннымъ и подтропическимъ поясомъ и предназначены къ тому, чтобы принимать массами европейскихъ переселенцевъ, не находящихъ себѣ мѣста въ Европѣ, вслѣдствіе избытка ея населенія. Впрочемъ, къ переселенію побуждаетъ не только недостатокъ земли или недостатокъ работы, а также и надежда найти въ чужой странѣ условія лучшаго или болѣе самостоятельнаго существованія. Послѣдняя причина заставляетъ, между прочимъ, русскихъ крестьянъ выселяться въ далекую Сибирь, между тѣмъ, какъ населеніе Россіи—одно изъ наименѣе плотныхъ въ Европѣ. Большинство переселяющихся принадлежитъ къ земледѣльческому классу, и колоніи, основываемыя ими, можно назвать и земледѣльческими. Въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ превращаются въ скотоводныя, благодаря почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, болѣе способствующимъ разведенію скота, чѣмъ земледѣльческимъ культурамъ. Мы можемъ видѣть это въ южной Африкѣ, гдѣ, въ особенности въ западной, болѣе сухой части ея, скотоводство естественно получаетъ преобладаніе надъ земледѣліемъ.

Связь съ отдаленными колоніями не можетъ поддерживаться метрополіей безъ посредства опорныхъ пунктовъ колоніальныхъ владѣній, или „станцій“. Станціи должны быть разсѣяны по всему пути къ колоніямъ и могутъ пріобрѣтать важное торговое и стратегическое значеніе, если онѣ лежатъ на мѣстахъ остановокъ и пересѣченія морскихъ путей міровой торговли. Таковы искусно выбранныя морскія станціи англичанъ въ Средиземномъ морѣ, Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ, которыя даютъ Англіи огромное преимущество надъ другими колоніальными державами. Внѣевропейскія владѣнія Англіи превосходятъ, по пространственному распространенію и численности населенія, взятыя вмѣстѣ владѣнія всѣхъ другихъ коло-

ніальныхъ державъ (Франціи, Германіи, Голландіи, Бельгіи, Португаліи, Италіи, Испаніи, Даніи и Японіи), и сама метрополія составляетъ не болѣе десятой части общаго пространства ихъ. За Великобританіей, по отношенію къ величинѣ родной страны, должна быть поставлена Голландія. Хотя неопредѣленность численности населенія африканскихъ владѣній европейскихъ государствъ не допускаетъ точныхъ сравненій, но можно сказать, что внѣшнія владѣнія всѣхъ перечисленныхъ державъ въ круглыхъ цифрахъ въ 20 разъ превышаютъ площадь родныхъ странъ и въ 2 раза—населеніе ихъ. Этой группѣ колоніальныхъ державъ съ заморскими колоніями мы можемъ противопоставить другую группу континентальныхъ государствъ съ преобладаніемъ внутреннихъ колоній. Къ нимъ принадлежатъ Россія, Китай, Турція, Австро-Венгрія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изъ числа ихъ сѣверно- и средне-азіатскія владѣнія Россіи и внутренне-азіатскія владѣнія Китая, по своему пространству, значительно превышаютъ территорію метрополіи, но по числу жителей всѣ колоніи названной группы составляютъ лишь небольшую часть населеній соотвѣтственныхъ родныхъ странъ.

Въ составѣ каждаго государства есть болѣе или менѣе старыя земли, такія, какія можно назвать ядромъ государства, и другія, позднѣе присоединенныя къ нему. Послѣднія не рѣдко отличаются численностью и этнографическимъ составомъ населенія и до нѣкоторой степени играютъ роль колоній по отношенію къ первымъ. Мы можемъ замѣтить это съ достаточной очевидностью въ западныхъ нѣмецкихъ областяхъ и восточныхъ славянскихъ областяхъ Германіи и Австріи. Это выступаетъ уже въ плотности населенія; между тѣмъ, какъ въ Помераніи мы находимъ 52 человѣка на кв. км., въ Восточной Пруссіи 54, въ Познани 63, въ Гессенъ-Нассау мы видимъ 122, въ Вестфаліи 133 и въ Рейнской области 189. Такимъ образомъ, послѣднія провинціи по отношенію къ чисто нѣмецкимъ носятъ всѣ признаки колоніи. Но и Польша, въ свою очередь, заключала въ себѣ ядро и присоединенныя области или колоніи. Роль перваго играла, такъ называемая, Великая Польша къ западу отъ Вислы, а земля къ востоку отъ бассейна этой рѣки была для нея колоніей: таковы были область средняго Буга и Нарева, Подляхія и Мазовія, съ ихъ лѣсами и болотами. Точно также достаточно взять историческія карты, показывающія постепенный ростъ Россіи, что-

бы опредѣлить,—какія изъ ея областей могутъ быть названы ядромъ и какія колоніями. Въ западной Европѣ эти различія болѣе сглажены; но мы можемъ еще отмѣтить ихъ, напримѣръ, въ сѣверной Шотландіи и въ Ирландіи по отношенію къ Англіи.

Изъ колоній, далеко отстоящихъ отъ родной страны, колоніи переселенческія имѣютъ наиболѣе данныхъ для своего развитія. Онѣ пополняются приливомъ поселенцевъ изъ метрополіи, которые новой родинѣ стараются по возможности придать характеръ прежней. Они называютъ ее именемъ старой, даютъ вновь основаннымъ ими городамъ имена родныхъ городовъ и переносятъ въ заселяемую страну тотъ образъ жизни, какой они вели на родинѣ. Но воспроизвести въ точности эту послѣднюю имъ не удается; физическія условія новаго мѣстообитанія вліяютъ на нихъ и вызываютъ необходимыя перемѣны въ жизненной обстановкѣ и хозяйствѣ. Кромѣ соотечественниковъ, туда притекаютъ другіе этническіе элементы, вносящіе нѣчто свое, чуждое привычкамъ первоначальныхъ переселенцевъ. Эти послѣдніе присматриваются къ новымъ для нихъ привычкамъ и коечто заимствуютъ отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ является желаніе улучшить тѣ порядки, какіе стѣсняли ихъ на родинѣ, и поставить свою жизнь иначе, шире и свободнѣе. Вслѣдствіе того, характеръ новаго поселенія начинаетъ все болѣе и болѣе отличаться отъ того, какой имѣло общество, оставленное ими на другомъ берегу океана. Общественный строй колоніи измѣняется, въ ней развивается бо̀льшая свобода мысли, является стремленіе къ уничтоженію соціальныхъ преимуществъ, къ большему равенству, въ особенности по отношенію къ образованію. Если колонія процвѣтаетъ, т.-е. разрастается и усиливается, то у нея вырабатывается стремленіе освободиться отъ той власти, какую имѣетъ надъ нею метрополія, и пріобрѣсти полную независимость отъ нея. Такъ шло постепенное освобожденіе Сѣверной Америки, и затѣмъ Средней и Южной. Менѣе, чѣмъ полтора вѣка тому назадъ, Америка состояла изъ европейскихъ колоній, а въ настоящее время она вся пользуется независимостью, за исключеніемъ узкой полосы въ сѣверо-восточной части Южной Америки и Канадскихъ владѣній.

Приморскія колоніи, получая начало на морскомъ берегу, растутъ затѣмъ внутрь страны, уподобляясь росту колоній континентальныхъ. Но онѣ все-таки сохраняютъ преимущество надъ послѣдними, давая

более легкій доступъ приливу переселенцевъ. Доказательство того мы можемъ видѣть изъ сравненія Сѣверной Америки и Сибири: нельзя и сравнивать потокъ переселенія, устремлявшійся въ названныя страны; въ послѣднія 60 лѣтъ потокъ этотъ въ Сибири былъ въ двадцать разъ меньше, чѣмъ въ С.-Америкѣ, и въ первой населеніе въ 16 разъ меньше сравнительно съ послѣдней. Въ этомъ мы видимъ вліяніе моря, окружающаго Америку и связывающаго ее со всѣмъ остальнымъ міромъ, въ особенности съ Европой, тогда какъ Сибирь почти недоступна со стороны моря и не легко была доступна со стороны суши, въ виду ея громадныхъ пространствъ. Хотя положеніе на материкахъ имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что представляетъ колоніямъ возможность разрастанія внутри материка, но колоніи въ другихъ частяхъ свѣта не всегда прививаются: можно бы указать много случаевъ, когда онѣ уничтожались, за недостаткомъ необходимой поддержки отъ метрополіи. Причиною такой гибели были или негостепріимная природа, или непримиримая вражда туземцевъ. Острова въ этомъ отношеніи оказывались болѣе удобными: укрѣпившись на нихъ, легче было бороться съ туземцами, и недостатки всякаго рода легче могли быть восполнены метрополіей, вслѣдствіе доступности острововъ. Поэтому во всѣхъ частяхъ свѣта острова колонизировались всего раньше, и колоніи второстепенныхъ державъ состояли почти исключительно изъ острововъ.

Колонизація не составляетъ достоянія однихъ только культурныхъ народовъ: мы знаемъ примѣры ея и среди народовъ дикихъ и полудикихъ. Между ними на первомъ планѣ должны быть поставлены малайцы; эти дикіе мореплаватели заслуживаютъ названія первостепенныхъ колонизаторовъ, такъ какъ они на своихъ небольшихъ судахъ безъ помощи компаса сумѣли заселить, съ одной стороны, огромное пространство всего Тихаго океана почти до береговъ Америки, а съ другой—Индійскаго, включая Мадагаскаръ. Другого подобнаго примѣра дикіе народы намъ не представляютъ, такъ какъ туземцы Америки, Африки, Австраліи и даже китайцы не развили у себя мореплаванія, вовсе не пользуясь прилегавшимъ къ нимъ моремъ, или ограничиваясь береговымъ плаваніемъ и судоходствомъ по внутреннимъ водамъ. Зато внутренняя колонизація завоевательнаго характера и этнографическая, или мирное распространеніе среди чуждаго народа — составляютъ обычное явленіе у дикарей

только что названныхъ частей свѣта. Колонисты такого рода отчасти сливаются съ туземцами, отчасти сохраняютъ свой типъ и свои обычаи. Если переселенцы принадлежатъ къ земледѣльцамъ, колонизація ихъ превращается въ переселенческую и становится прочною; если же они скотоводы или торговцы и промышленники, то они сохраняютъ характеръ пришлаго элемента.

Конечнымъ результатомъ воздѣйствія на человѣка всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами географическихъ условій является его физическое и умственное развитіе. Опредѣлить зависимость перваго отъ окружающихъ вліяній, правда, мы еще съ точностью не можемъ, хотя во многихъ отношеніяхъ оно вполнѣ очевидно; но зависимость умственнаго развитія и сопряженнаго съ нимъ быта отъ дѣйствія природы страны мы можемъ отмѣтить съ полной опредѣленностью. Мы находимъ распредѣленными по лицу земли различныя группы человѣчества, которыя мы называемъ племенами и народами, въ извѣстныхъ географическихъ областяхъ. Въ однѣхъ изъ этихъ областей коренными обитателями являются народы, не вышедшіе еще изъ состоянія дикости, т.-е. находящіеся въ непосредственной зависимости отъ природы, въ другихъ—народы, поднявшіеся изъ этого состоянія, но не достигшіе еще высшаго уровня культуры, которое было удѣломъ народовъ, живущихъ въ нѣкоторыхъ, особенно пригодныхъ для такого развитія областяхъ; вторыхъ мы называемъ полукультурными, а третьихъ—культурными народами. Каждый человѣкъ въ отдѣльности и въ совокупности, въ качествѣ члена племени, стремится не только поддержать свое существованіе, но и по возможности облегчить и украсить его. Это удается, однако, далеко не всѣмъ племенамъ, такъ какъ для этого нужны извѣстныя географическія условія и сосѣдство народовъ нѣсколько высшей культуры. На самомъ дѣлѣ, только въ условіяхъ умѣреннаго климата, въ странахъ, гдѣ было возможно земледѣліе, единственное изъ всѣхъ первоначальныхъ занятій, располагающее къ осѣдлости, могла развиться высшая культура. Лишь въ такихъ странахъ природа требуетъ отъ человѣка труда, развивающаго его силы и не подавляющаго его, тогда какъ въ странахъ тропическихъ она даетъ ему все, почти не требуя отъ него никакой заботы о своемъ пропитаніи, жилищѣ и одеждѣ, а въ странахъ полярныхъ слишкомъ подавляетъ его, не позволяя выйти изъ-подъ гнета постоянно угрожающихъ ему голода и холода. Правда, не всѣ на-

роды въ одинаковыхъ условіяхъ достигаютъ одного и того же культурнаго уровня: не всѣ одинаково одарены для этого природою, но въ исторіи ихъ мы ясно усматриваемъ и вліяніе условій географическихъ.

Исторія культурнаго развитія человѣчества выясняется для насъ антропологіей и общей этнологіей, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ совпадающей съ исторіей культуры, т.-е. науками, ставящими себѣ цѣлью разъяснить происхожденіе человѣчества и пути развитія различныхъ группъ его; но зависимость этихъ послѣднихъ отъ мѣста ихъ обитанія опредѣляется для насъ географіей. Безъ помощи науки о землѣ мы не можемъ понять, почему одни народы остановились на первичныхъ формахъ быта, какія мы видимъ у нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ, а другіе поднялись болѣе или менѣе высоко надъ этими первоначальными ступенями. Пища, жилье и одежда доставлялись имъ той мѣстностью, гдѣ они жили, и возможность дальнѣйшаго развитія во многомъ зависѣла отъ болѣе или менѣе обильнаго надѣленія ея природой: человѣкъ быстрѣе проходилъ первыя, самыя трудныя ступени, если на его родинѣ были животныя и растенія, пригодныя для прирученія и воздѣлыванія. Тогда онъ постепенно переходитъ къ скотоводству или земледѣлію, между тѣмъ какъ отсутствіе подобныхъ растеній и животныхъ не позволяетъ ему выйти изъ низшей, охотничьей стадіи безъ посторонней помощи. Возможность этой помощи, въ свою очередь, обусловливается возможностью сношеній съ сосѣдними странами, необходимыхъ и для дальнѣйшаго экономическаго развитія, требующаго обмѣна излишка своихъ продуктовъ на другіе полезные продукты, имѣющіеся въ чужихъ земляхъ. Чѣмъ шире этотъ обмѣнъ, тѣмъ шире распространяется культура, давая возможность нѣкотораго благосостоянія не только богатымъ и знатнымъ лицамъ, но и большинству населенія. Вмѣстѣ съ обмѣномъ продуктовъ происходитъ и распространеніе идей религіозныхъ, правовыхъ, художественныхъ и научныхъ, усвоеніе которыхъ сближаетъ и объединяетъ сосѣдніе, а иногда и отдаленные народы, если они способны къ воспринятію этихъ идей. Такимъ образомъ, въ исторіи всего человѣчества и каждаго отдѣльнаго народа мы всегда находимъ географическую основу, обусловливающую бо́льшій или меньшій культурный подъемъ. Мы видимъ, что необходимымъ условіемъ всякаго культурнаго успѣха, помимо благопріятнаго вліянія окружающей среды, оказывается чисто-географи-

ческое явленіе—пространственная сплоченность человѣческихъ группъ, сближеніе ихъ мѣстообитаній. Другимъ подобнымъ же явленіемъ мы должны признать привязанность къ мѣсту обитанія, какъ бы срастаніе съ родной почвой, что и образуетъ осѣдлость, необходимое условіе высшей культуры.

Само по себѣ земледѣліе еще не ведетъ къ высшей культурѣ: мы знаемъ народы, уже цѣлые вѣка занимающіеся земледѣліемъ и, тѣмъ не менѣе, остающіеся дикими, каковы большинство негровъ внутренней Африки. Земледѣліе проходитъ многія ступени прежде, чѣмъ привязать человѣка къ землѣ, въ чемъ именно и заключается его культурная роль. И охотники, и скотоводы въ нѣкоторыхъ случаяхъ производятъ небольшіе посѣвы, къ которымъ возвращаются, когда наступаетъ время собиранія сѣмянъ; но такое земледѣліе служитъ имъ лишь небольшимъ подспорьемъ, нисколько но располагая ихъ къ осѣдлости. Кромѣ того, земледѣліе имѣетъ иной характеръ, когда оно производится съ помощью первобытныхъ орудій, вродѣ заостренной прямой или колѣнчатой палки (мотыки) съ примѣненіемъ лишь человѣческой силы, или когда оно пользуется плугомъ съ приложеніемъ силы животнаго. Лишь земледѣліе послѣдняго рода можетъ быть названо полеводствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и можетъ оказывать на человѣка воспитательное вліяніе, благодаря которому и совершается его культурное развитіе. Дикій земледѣлецъ своими несовершенными орудіями имѣетъ возможность только поверхностно разрыхлять землю и лишь отчасти удалять сорныя травы; поэтому, оставаться постоянно на одномъ и томъ же участкѣ онъ можетъ лишь при исключительномъ его плодородіи и особенно удачномъ естественномъ орошеніи. Иначе онъ долженъ переходить съ одного мѣста на другое, очищая его изъ-подъ лѣса или дикихъ растеній и кое-какъ засѣвая или засаживая его. Среди дикарей мы находимъ много земледѣльческихъ племенъ, предоставляющихъ этотъ трудъ женщинамъ, ограничивая свое участіе въ немъ наиболѣе тяжелыми, невыполнимыми для женской силы работами. Подобнаго рода обработка земли встрѣчается въ тропическомъ поясѣ, гдѣ она возможна, благодаря теплому климату съ обильнымъ орошеніемъ и плодородной почвѣ. Но тамошній лѣнивый и небрежный земледѣлецъ не пользуется этими благопріятными условіями для посѣвовъ хлѣбныхъ растеній и ограничивается корнеплодами и плодовыми деревья-

ми, вродѣ хлѣбнаго или банановаго дерева, и т. п. Тѣ и другія требуютъ меньше предусмотрительности и меньше труда и поэтому не развиваютъ ни сообразительности, ни трудовой способности, какъ это дѣлаетъ воздѣлываніе хлѣбныхъ злаковъ, которое заставляетъ изучать условія полученія высшаго урожая, приводя путемъ долговременнаго опыта къ удобренію и искусственному орошенію. Тщательная обработка почвы при помощи усовершенствованныхъ орудій еще болѣе содѣйствуетъ правильному уходу за землею, ведетъ къ привязанности къ своему клочку земли, что́ и вызываетъ любовь къ родинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Охотникъ любитъ лѣсъ, кочевникъ—степь вообще, а земледѣлецъ—только ту землю, къ которой онъ прилагалъ свой трудъ, которая его кормитъ, и которую онъ за это холитъ и бережетъ. Культурное значеніе земледѣлія и заключается въ томъ, что оно пріучаетъ къ правильной работѣ и пріучаетъ любить родную землю, а эта любовь есть первая основа національнаго чувства, главнаго цемента государственнаго или политическаго союза. Узкое понятіе о родинѣ, какъ о мѣстѣ рожденія, съ теченіемъ времени расширяется, и связанное съ нимъ чувство привязанности переносится на пространство болѣе обширное, на территорію своего государства, хотя и въ ней еще долго различаются „свои“ и „чужія“ мѣста, болѣе близкія и болѣе отдаленныя. „Своими“ каждый считаетъ уроженцевъ своей мѣстности, и это чувство, изъ котораго исходитъ сознаніе національнаго единства, ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, каковымъ въ глазахъ каждаго является мѣсто его рожденія или „родная земля“.

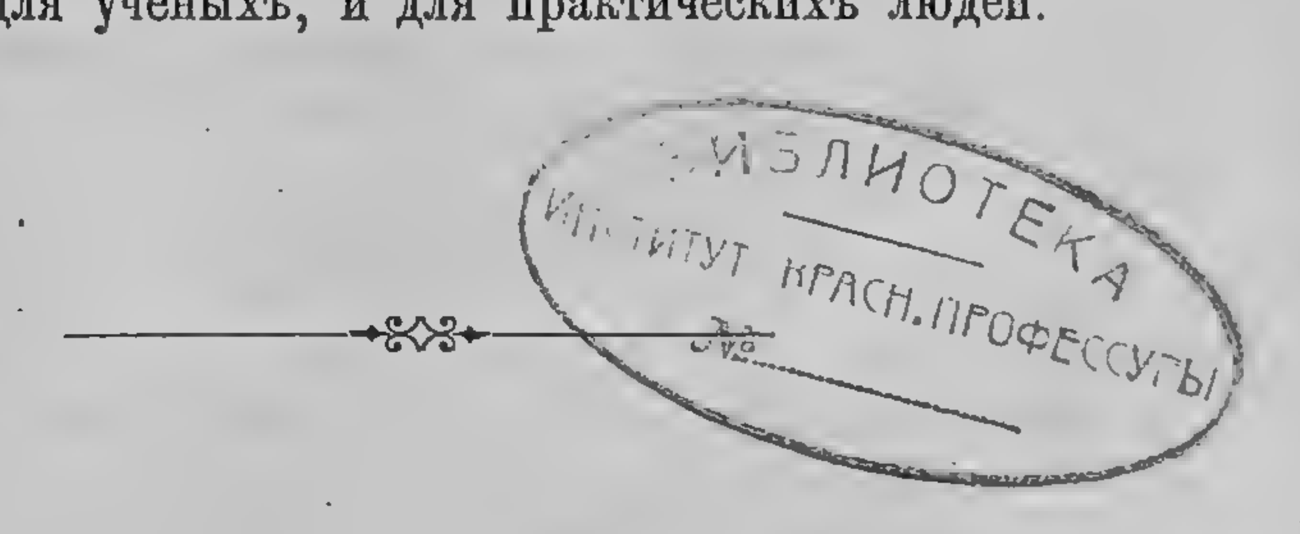
Въ непосредственной связи съ землей и, въ частности, съ земледѣліемъ находилось и распространеніе культуры въ человѣчествѣ, которое шло изъ извѣстныхъ культурныхъ центровъ. Такихъ центровъ въ Старомъ Свѣтѣ было четыре; всѣ они связаны съ плодородными рѣчными низинами, гдѣ природою, предпочтительно передъ другими мѣстностями, дана была возможность тщательной обработки почвы и, вслѣдствіе того, условія для плотнаго населенія въ одномъ мѣстѣ, что́ существенно необходимо для культурнаго развитія. Одинъ изъ такихъ центровъ мы находимъ въ с ѣ в е р н о м ъ К и т а ѣ на среднемъ теченіи рѣкъ Вейхо и Хоангхо, гдѣ въ древнѣйшія времена развилась самостоятельная культура, распространившаяся и на всю юговосточную Азію; онъ былъ центромъ в о с т о ч н о - а з і а т с к а г о

культурнаго круга, захватившаго и Японію. Прибавимъ, что здѣсь съ незапамятныхъ временъ земледѣліе велось съ помощью плуга и воловъ. Другимъ подобнымъ центромъ были Пенджабъ и верхній Индостанъ, отчасти подвергавшійся вліяніямъ Передней Азіи; отъ него распространялся индійскій культурный кругъ, въ который входили весь индійскій полуостровъ и нѣкоторые изъ большихъ южно-азіатскихъ острововъ; въ Индостанѣ этотъ кругъ соприкасался съ восточно-азіатскимъ. Въ Мессопотаміи, въ плодородной области Тигра и Евфрата, мы видимъ третій культурный центръ, начало которому положено неизвѣстнымъ намъ народомъ, имѣвшимъ своихъ наслѣдниковъ въ лицѣ семитовъ и персовъ. Съ ними отчасти былъ связанъ египетскій центръ, обязанный своимъ происхожденіемъ „дарамъ Нила". Изъ Мессопотаміи исходитъ западно-азіатскій культурный кругъ, сперва охватившій южную Аравію и Малую Азію и впослѣдствіи перемѣстившійся въ Европу. Въ немъ выступили и семиты (финикіяне), а за ними—и греко-италійскіе народы. Они придали полукультурѣ семитовъ, съ ея преимущественно матеріальнымъ характеромъ, своеобразное, міровое направленіе, возбуждавшее душевныя и умственныя силы этихъ народовъ и поднявшихъ ихъ на ступень классической, образцовой или высшей культуры. Сѣмена семитической культуры, впрочемъ, расцвѣли позднѣе въ видѣ мусульманства, но эта культура, исходившая отъ кочевниковъ, не дала самостоятельныхъ плодовъ и впослѣдствіи заглохла. Правда, и греко-римская культура оказалась преходящею, но сѣмена ея, перенесенныя въ среднюю и западную Европу, дали богатый приростъ, распространившійся по всему міру въ видѣ научной образованности.

Мы должны упомянуть еще о культурныхъ центрахъ Америки, образовавшихся не въ роскошныхъ тропическихъ низинахъ, а на высокихъ Мексиканскомъ и Перуанскомъ плоскогорьяхъ, жители которыхъ обитали въ условіяхъ умѣреннаго климата и занимались земледѣліемъ. Но культура эта, вслѣдствіе неблагопріятнаго строенія береговъ и небольшого распространенія самихъ плоскогорій, лишена была сношеній съ другими культурными кругами и осталась односторонней и замкнутой; она не вышла еще изъ начальныхъ стадій, когда была смыта волной европейскаго вторженія.

Итакъ, государственность, культурность и національность одинаково исходятъ отъ земли и одинаково связаны съ нею. Хотя развитіе каждой изъ нихъ, несомнѣнно, находится въ зависимости отъ даровитости расы и культурной способности ея, но относить это развитіе исключительно къ расовой даровитости значило бы оставить невыясненнымъ многія историческія явленія. Мы можемъ понять ихъ только въ томъ случаѣ, когда будемъ представлять ихъ себѣ въ связи съ территоріей, съ землею, на которой они происходили. Такую же географическую основу имѣютъ событія политическія, экономическія и др., разыгрывающіяся въ современномъ мірѣ. Подобныя событія могутъ быть ясны для насъ лишь тогда, когда мы знаемъ сцену, на которой они происходятъ, т.-е. географическую область ихъ, и актеровъ, участвующихъ въ нихъ, т.-е. народы.

Жизнь народовъ, живущихъ уже въ государственномъ строѣ, изображается намъ политической географіей и именно въ томъ состояніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время. Названная наука, необходимая для пониманія современной политической жизни, можетъ выполнить свое назначеніе, однако, лишь при томъ условіи, если она опирается на географію человѣка, указывающую вліяніе природы на него, въ томъ числѣ и физическихъ чертъ ея, и различныхъ отношеній между какою-либо областью и ея населеніемъ и между сосѣдними областями. Отношенія эти должны входить въ область политической географіи, и въ такомъ видѣ названная отрасль науки о землѣ является важнымъ звеномъ общаго образованія, одинаково необходимымъ и для историковъ, и для соціологовъ, и для экономистовъ, и для ученыхъ, и для практическихъ людей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

